РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
УРАЛЬСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
КОМИ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР
ИНСТИТУТ ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОРИИ

КУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ НАСЕЛЕНИЯ ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРО-ВОСТОКА В ДРЕВНОСТИ И СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

Материалы по археологии Европейского Северо-Востока

Выпуск 18

Сыктывкар 2013

УДК 902 (470.1) (470.53) (470.342) 042 (02) 7

КУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ НАСЕЛЕНИЯ ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРО-ВОСТОКА В ДРЕВНОСТИ И СРЕДНЕВЕКОВЬЕ: Материалы по археологии Европейского Северо-Востока. Сыктывкар, 2013. Вып. 18. 164 с. (Коми научный центр УрО РАН).

Статьи, включенные в очередной выпуск «Материалов по археологии Европейского Северо-Востока», посвящены культурным связям финно-угорского населения Приуралья в древности и средневековье. Вопросы, связанные с данной проблематикой, рассматриваются на материалах широкого хронологического диапазона – от эпохи мезолита до эпохи средневековья.

Редколлегия

И.О. Васкул (отв. редактор), И.М. Тимушева (отв. секретарь), А.В. Волокитин, А.М. Мурыгин

ISBN 978-5-89606-504-3

© Коми научный центр
УрО Российской АН, 2013

ПРЕДИСЛОВИЕ

2012 г. был ознаменован в археологии Республики Коми двумя событиями – 75-летием со дня рождения заслуженного деятеля науки Коми АССР, заслуженного деятеля науки Российской Федерации, доктора исторических наук Элеоноры Анатольевны Савельевой, бессменного лидера коми археологии на протяжении нескольких десятков лет, и 50-летием с момента первого выпуска сборника «Материалы по археологии Европейского Северо-Востока», одним из первых авторов и многолетним редактором которого являлась Э.А. Савельева.

Весомые заслуги Э.А.Савельевой в отечественной финно-угорской археологии принесли ей заслуженную известность, уважение и авторитет среди российских и зарубежных ученых. Вот что пишут об Элеоноре Анатольевне, ее вкладе в развитие финно-угорской археологии наши коллеги из Ижевска – профессор Удмуртского государственного университета, д.и.н. Р.Д. Голдина и ученый секретарь Удмуртского института истории, языка и литературы, д.и.н. М.Г. Иванова.

Р.Д. Голдина: «Археологии Республики Коми повезло, что у нее есть Элеонора Анатольевна Савельева – человек яркий, незаурядный, с огромной работоспособностью и харизмой. Удивляет, что эта маленькая, хрупкая женщина выбрала физически тяжелую профессию археолога-полевика. К тому же ей приходилось работать в непростых условиях – тайга, комары, гнус, холод, слабая заселенность и прочие “прелести” Приполярного Урала. Не могу не отметить заслуги Э.А.Савельевой как руководителя отдела археологии Коми НЦ УрО РАН в деле организации в Республике Коми археологических исследований памятников от палеолита и до позднего средневековья, результаты которых, масштабность, качественный, профессиональный уровень реально воплотились во множестве книг и статей, изданных этим коллективом, но особенно в создании уникального труда “Археология Республики Коми” (М.: ДиК, 1997. 758 с.). Э.А.Савельева лично задумала, составляла и редактировала это капитальное сочинение, появление которого наглядно свидетельствует об интереснейшей истории народов, населявших Республику Коми от эпохи камня до нового времени.

Мы познакомились с ней осенью 1967 г., когда я прилетела вместе с В.Ф. Генингом в г. Сыктывкар на V Уральское археологическое совещание. Тогда я уже 5 лет работала у В.Ф. Генинга в Свердловске, имела некоторый опыт полевика, в частности копала большое (около 6 тыс. кв.м) многослойное поселение Большой Лог на окраине г. Омска, на котором нами было изучено около 30 жилищ. Именно с сообщением о результатах работ на нем мы и приехали в Сыктывкар. Но по дороге с нами случился казус. Уральская экспедиция в Свердловске только развертывалась, и В.Ф.Генинг хотел продемонстрировать на совещании масштабность своих работ. Везли с собой выставку – наиболее интересные материалы из последних раскопок: наконечники стрел и копий, кельты, шилья, мотыжки, стремена, бронзовая гарнитура поясов, бусы. Все это было уложено в небольшой стандартный коричневый чемодан, которые продавались в любом галантерейном магазине. Загружаемся в самолет АН-24, который следует в Сыктывкар с посадкой в Перми. Несу

чемодан сама, я – материально ответственное лицо. В самолете хочу взять чемодан с собой, но стюардесса настойчиво просит оставить его в грузовом отсеке у входа, чтоб не было перегруза. Пришлось подчиниться. При посадке в Перми всех пассажиров попросили покинуть самолет. Чемодан проверила – стоит, вернувшись – тоже. По прилету в Сыктывкар забрали багаж и отправились в гостиницу, а уже там, открыв злосчастный чемодан, вижу в нем вместо археологических ценностей зубную щетку, спортивные штаны с "пузырями" на месте коленок, полотенце, рубашки и другие атрибуты обычного командировочного мужчины. Шок – слово, которым не передать всю гамму моих чувств. Боюсь за реакцию В.Ф. Генинга, но иду сообщать, другого выхода нет. К счастью, Владимир Федорович, видя мое состояние, относительно спокойно перенес известие и даже пытался меня утешить. А вот Элеонора Анатольевна приняла все это близко к сердцу и сделала многое – неоднократно связывалась с аэропортом, звонила туда и в результате – через несколько месяцев наш чемодан нашли то ли в Иркутске, то ли в Новосибирске (сейчас уже не помню) и со всем содержимым вернули. С этого времени я уверилась в том, что с Э.А. Савельевой не только можно, но и нужно работать – в беде не бросит.

Провинциальные археологи говорили, что защитить кандидатскую диссертацию в Институте археологии АН СССР (г. Москва) очень непросто: жесткий отбор, придирчивое обсуждение, контроль. Председатель Совета и директор Института академик Б.А. Рыбаков, дабы не давить на членов Совета, никогда в дискуссиях не выступал. Я также сейчас в своем Совете следую этому правилу. Лишь единственный раз Б.А. Рыбаков изменил себе – выступил в 1969 г. с блестящей оценкой диссертации кандидата – это была работа Э.А.Савельевой «Пермь Вычегодская». Диссертация увидела свет в 1971 г. Осенью 1971 г. по радио (я жила в одной из комнат деревянного купеческого дома с печным отоплением в Свердловске и телевизора у меня еще не было) я услышала, что книга молодого ученого из Сыктывкара Э.А.Савельевой «Пермь Вычегодская» награждена премией комсомола Коми республики. Искренне порадовалась за Элеонору Анатольевну. На защите ее докторской диссертации в 1995 г. я выступила в качестве одного из оппонентов и была реальным свидетелем ее триумфа ученого, человека, женщины.

На протяжении всей моей научной жизни я наблюдала ее на многих разного ранга конференциях, симпозиумах. Однажды на конференции в Йошкар-Оле, устав от бесконечных, иногда жестких дискуссий в своем, как всегда ярком, выступлении, она сказала: "Ну что Вы все так горячитесь? Посмотрите на себя, все мы тут такие скуластенькие (имелась в виду монголоидная примесь), что без финно-угорских народов нас с Вами и в живых-то бы не было".

Горжусь тем, что наши взгляды на этногенез пермских народов близки, и в 2010 г. нам удалось изложить их в совместном докладе на пленарном заседании XI Международного конгресса финно-угроведов в г. Пилишчаба (Венгрия). Пользуясь случаем, хочу поздравить Элеонору Анатольевну с юбилеем и пожелать ей долгих лет жизни, неиссякаемой энергии и продолжающихся творческих успехов».

М.Г. Иванова: «Памятники Северо-Востока Европы, открытые и изученные Э.А. Савельевой, ее публикации и обобщающие труды дали импульс исследованиям в разных направлениях пермской археологии. На протяжении нескольких десятилетий она в значительной степени оказывает влияние на формирование тенденций научных изысканий по археологии лесной зоны Восточной Европы, жизнеутверждающий настрой в сообществе археологов Урала и Поволжья.

Тематика моих исследований была определена нашим общим учителем, создавшим научную школу археологов-финноугроведов, Алексеем Петровичем Смирновым, направившим меня на изучение средневековых памятников бассейна р. Чепцы, синхронных изысканиям Элеоноры Анатольевны. В силу специфики региона ее труды основывались в большей степени на материалах изученных ею погребальных памятников, послуживших базой для разработки сложной этнокультурной истории населения Европейского Северо-Востока в эпоху средневековья. И хотя мне довелось больше внимания уделить укрепленным поселениям, с самого начала научной работы ее труды стали ориентиром, определяющим уровень научного анализа источников. Я бесконечно благодарна Элеоноре Анатольевне за всемерную поддержку и помощь в моей работе, деятельности всего нашего Института».

Статьи очередного выпуска «Материалов по археологии Европейского Северо-Востока» посвящены изучению культурных связей населения Европейского Северо-Востока (далее – ЕСВ). Разработка данной проблематики неразрывно связана с исследованием проблем генезиса и культурной принадлежности памятников, традиций и инноваций в развитии культур, их этнической интерпретацией. Эти вопросы, являющиеся ключевыми в археологической науке, всегда были объектом самого пристального внимания отечественных и зарубежных археологов. Культурные связи населения ЕСВ рассматриваются на материалах широкого хронологического диапазона – от эпохи мезолита до эпохи средневековья. Большинство из представленных работ имеют обобщающий характер и отражают различные исследовательские подходы к изучаемой проблематике.

В статье Э.А. Савельевой «Этнокультурные связи населения европейского Северо-Востока в древности и средневековье» проводится подробный историографический анализ основных исследовательских концепций, посвященных изучению этнокультурных связей и их роли в формировании культуры населения региона в различные периоды древней и средневековой истории региона.

А.В. Волокитин в статье «О так называемых культурных связях в мезолите Европейского Северо-Востока», на основе анализа всего имеющегося корпуса источников, сравнения памятников западной и уральской традиций, выделенных на ЕСВ, с материалами мезолитических культур лесной зоны Восточной Европы, приходит к выводу о том, что в эпоху мезолита происходило не заселение, а освоение территории ЕСВ небольшими мобильными коллективами. По мнению автора, постановка проблемы о культурных связях в мезолитический период не имеет смысла. Концептуально близка исследованию А.В. Волокитина работа В.Н. Карманова «Культурные связи населения Европейского Северо-Востока в неолите?». Автор полагает, что изучаемый район не являлся целью крупных и продолжительных по времени миграций человеческих коллективов и не представлял собой единого культурного поля с разнонаправленными связями. По мнению В.Н. Карманова, регион должен рассматриваться как территория природопользования носителей конкретных археологических культур, основной ареал которых шире изучаемой территории. Причем, здесь известны преимущественно памятники ранних этапов (становления) того или иного культурного образования, а дальнейшее развитие зафиксированных в регионе традиций не наблюдается.

В статье И.О. Васкула «Этнокультурные связи населения европейского Северо-Востока в ананьинское время» на основе сравнительно-типологического анализа материалов археологиче-

ских памятников ЕСВ и сопредельных территорий делается вывод, что этот период характеризуется интенсивными культурными контактами населения региона. Определяющими были связи с ананьинской культурно-исторической областью (далее – АКИО) Волго-Камья. Своеобразие культурам ЕСВ придавало постоянное взаимодействие с носителями археологических культур Зауралья и Западной Сибири. Керамические комплексы указывают на западное – северо-западное направление культурных связей. В результате взаимодействия различных групп населения и связанных с этим процессом влияний и заимствований происходила интеграция различных культурных элементов, стимулировавших дальнейшее развитие культуры населения ЕСВ в I тыс. до н.э.

А.М. Мурыгин в статье «Некоторые вопросы взаимодействия населения на крайнем северовостоке Европы в сер. I тыс. н.э. и их роль в формировании культур раннего средневековья» обосновывает положение о том, что сложение бичевницкого и шойнатыйского культурных типов явилось результатом межэтнической интеграции, возникшей в результате взаимовлияния и взаимопроникновения различных традиций. Делается вывод, что внешние этнокультурные связи в сер. I тыс. н.э. имели характер однонаправленных заимствований и проявлялись в виде распространения новаций из районов с производящей экономикой или были определены освоением новых территорий пришлым населением и их смешением с местными коллективами.

Тематически связаны друг с другом статьи А.М. Белавина и Н.Б. Крыласовой «О финском компоненте в древностях пермского Предуралья X–XI вв.» и Р.Д. Голдиной «О некоторых проблемах средневековой археологии пермян Приуралья», посвященные этнической интерпретации средневековых древностей верхнего Прикамья и этнокультурным связям населения их оставивших. Авторы первой статьи на основе анализа керамических комплексов Рождественского и Огурдинского могильников приводят дополнительные аргументы в пользу своей концепции о том, что на территории пермского Предуралья в X–XI вв. одновременно проживали финны и угры, но при этом угорский компонент до середины XI в. преобладал. Финская традиция в изготовлении глиняной посуды, найденной на этих памятниках, отражена в серии сосудов, имеющих аналогии в вымской культуре, связываемой с этногенезом народа коми. Статья Р.Д. Голдиной посвящена критике основных положений монографии А.М. Белавина, Н.Б. Крыласовой и В.А. Иванова «Угры Предуралья в древности и средние века». Исследователь на основе анализа материалов средневековых памятников верхнего Прикамья, ЕСВ, Зауралья доказывает преемственность в развитии археологических культур I–II тыс. н.э. и обосновывает их пермскую этническую принадлежность.

Блестящей иллюстрацией комплексного подхода к изучению археологических памятников является статья М.Г. Ивановой «Средневековые памятники бассейна р. Чепцы: основные итоги и перспективы исследований», в которой подводятся итоги изучения средневековых древностей удмуртов. Совместное применение археологических и естественнонаучных методов, использование новейших информационных технологий позволили убедительно реконструировать заключительные этапы формирования удмуртского народа. Анализ материалов чепецких памятников конца I – начала II тыс. н.э., по мнению автора, свидетельствует о формировании здесь устойчивого этносоциального образования северных удмуртов, в развитии которого прослеживается три этапа.

В.И. Завьялов в статье «Инновации в кузнечном ремесле перми вычегодской: к проблеме трехслойного пакета» на основе металлографического анализа железных изделий вымской куль-

туры (прежде всего ножей), сравнения их с изделиями древнерусских мастеров приходит к выводу о том, что модель кузнечного производства перми вычегодской, так же как и у народов Прикамья, можно определить как консервативную. Сопоставление с железными изделиями из древнерусских памятников бассейна р. Выми, по мнению автора, свидетельствует о различии технико-технологических стереотипов двух народов.

Введению в научный оборот материалов крайне важного для изучения культурных связей населения Европейского Северо-Востока и северного Прикамья Лёкмартовского клада посвящена публикация Г.П. Головчанского, А.Ф. Мельничука, С.В. Скорняковой. На основе анализа составляющих клад предметов авторы обосновывают его датировку X–XI вв. н.э.

С проблемой христианизации Коми края связана статья М.В. Кленова «Христианские древности населения Европейского Северо-Востока», в которой публикуются предметы личного благочестия (ПЛБ), найденные во время раскопок памятников XII–XVII вв. На основе анализа имеющегося материла автор приходит к выводу о наличии двух этапов в распространении ПЛБ в регионе. Это позволило исследователю рассматривать христианизацию ЕСВ как исторический процесс, прошедший в своем развитии несколько стадий – от первого знакомства с идеями христианства к формированию церковной организации и становлению православия.

Вып. 18 *2013*

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ НАСЕЛЕНИЯ ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРО-ВОСТОКА В ДРЕВНОСТИ И СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

Э.А. Савельева

Важнейшим фактором и стимулом в развитии человеческого общества являются историко-культурные связи, которые складываются в процессе контактов различных групп населения, торгово-обменных отношений как непосредственных, так и опосредованных.

Первый этап в развитии истории региона определяется как колонизация ранее необитаемой территории и относится к эпохе палеолита. Как известно, открытие первых палеолитических памятников на Европейском Северо-Востоке связано с именами В.И. Канивца (Канивец, 1976) и Б.И. Гуслицера (Гуслицер, Канивец, 1962, 1965). В.И. Канивцом были определены основные направления культурных связей населения ЕСВ в эпоху палеолита. Он обосновал существование двух разновременных и разнокультурных волн заселения ЕСВ в эпоху верхнего палеолита. Согласно разработанной им концепции, первая ранняя волна связана с верхним Доном (восточноевропейская), вторая – на финальном этапе палеолита – с Прикамьем (Канивец, 1976. С. 82–84). На основе новых материалов, полученных начиная с середины 80-х гг. прошлого столетия, концепция В.И. Канивца получила дальнейшее развитие в работах П.Ю. Павлова. Он выделяет в рамках первого этапа развития истории региона три периода: период проникновения населения, период освоения и период заселения. Решающую роль на этом этапе играл природный фактор. Начало колонизации исследуемого региона относится к эпохе начальной и ранней поры верхнего палеолита (38–28 тыс. л.н.). К наиболее ранним памятникам периода проникновения населения относится стоянка Мамонтова Курья. Исходной областью расселения являются центральные районы Русской равнины. Переход от периода освоения к периоду заселения относится к заключительному этапу ранней поры верхнего палеолита – 29–28 тыс. л.н. В нашем регионе этим временем датируется стоянка Бызовая. Уникальность этого памятника заключается в сочетании в ее инвентаре элементов, характерных для мустье и верхнего палеолита при преобладании мустьерских черт. По мнению П.Ю.Павлова, этот факт отражает проникновение на Печору костенковско-стрелецких групп населения и их контакты с аборигенами. Исследователь высказывает предположение о существовании на севере Уральского региона на заключительном этапе ранней поры верхнего палеолита постоянного населения (Павлов, 2012. С. 11).

Новая волна заселения, исходным районом которой является Северная Азия, прослеживается в позднем и финальном палеолите – стоянки Медвежья пещера (около 15–12, 5 тыс.л.н.) и Пымва-Шор I (12,5–9,5 тыс. л.н.). Характерная особенность финальнопалеолитического этапа,

как полагает П.Ю. Павлов, – большой ареал памятников этой миграционной волны – вдоль всего Урала. Это население характеризовали высокая мобильность и пластичность. По его мнению, с этого периода в регионе существует постоянное население и начинаются внутрирегиональные контакты между различными группами населения (Павлов, 1991. С. 109–111; 2009.С. 29–36; 2012. С. 13, 14).

В эпоху мезолита (10–8 тыс. л.н.) все исследователи отмечают культурную неоднородность населения. В настоящее время известно более 100 памятников этой эпохи, изученных Г.М. Буровым, В.И. Канивцом, В.Е. Лузгиным, Э.С. Логиновой, И.В. Верещагиной, Л.Л. Косинской и др. (Волокитин, 1997. С. 92–99; 2006. С. 3–9). Г.М. Буров выделил два культурных типа эпохи мезолита: камско-печорский (VIII–VII тыс. до н.э.) и висский (II половина VII–VI тыс. до н.э.). Первый он относил к обширной историко-культурной области, включающей Приуралье, Валдай, бассейн Сухоны, Прииртышье и частично Поволжье, второй связывал с Восточной Прибалтикой и Прионежьем. Принципиально важным представляется положение Г.М. Бурова о связи культур камско-печорского мезолита с диалектами древнего уральского языка-основы (Буров, 1986). Л.Л. Косинской вычегодский мезолит также рассматривается как один из вариантов мезолитической общности Урала. По мнению В.И. Канивца, вычегодский и печорский бассейны в эпоху мезолита заселялись из Прикамья и Волго-Окского междуречья. Эти взгляды развивались В.Е. Лузгиным, Э.С. Логиновой, И.В. Верещагиной.

На протяжении последних 30 лет исследования памятников мезолита проводятся А.В. Волокитиным. На основании новых материалов и критического осмысления имеющейся базы источников он пришел к выводу, что в настоящее время нет прямых свидетельств генетической преемственности в культуре финальнопалеолитического и раннемезолитического населения ЕСВ. А.В. Волокитин полагает, что мезолитические памятники ЕСВ не входили в состав тех или иных культурных общностей. Отрицается и факт «крупных массовых и продолжительных по времени миграций» (Волокитин, 2006. С. 48). Согласно этой концепции, «население, продвигавшееся на данную территорию небольшими группами, или не имело связи с родственными коллективами, или же не существовало здесь достаточно долго для установления таких связей» (Волокитин, 2006. С. 48). Он считает возможным говорить только о культурных традициях, связанных с проникновением их носителей с запада или юго-запада (западная традиция) или с юга (приуральская традиция)*.

Первые концепции развития неолита ЕСВ разработаны в 60-е гг. прошлого столетия, когда в процессе широкомасштабных полевых исследований были открыты неолитические памятники на ЕСВ, в том числе поселения с мощными неолитическими слоями на водораздельных озерах – Синдорском, Косминском и Ямозере. Первая культурно-хронологическая концепция развития неолита предложена Г.М. Буровым. Им выделены три типа неолитической керамики – ямочно-зубчатой, зубчато-ямочной и вычегодско-вятской, отнесенные к позднему неолиту. Первый тип сопоставлялся с пришельцами из Волго-Окского междуречья, второй – из Прикамья, третий сформировался в результате контактов двух пришлых групп населения (Буров, 1965. С. 161–167; 1967. С. 166–168). В середине 1960-х гг. В.Е. Лузгиным была открыта стоянка Черноборская III, относящаяся к раннему неолиту (Лузгин, 1972. С. 27–29). С 1970-х гг. И.Е. Верещагиной, Э.С. Ло-

* См. статью А.В. Волокитина в настоящем сборнике.

гиновой, К.С. Королевым, Л.Л. Косинской, В.С. Стоколосом, В.Н. Кармановым исследованы неолитические памятники с жилищами в бассейнах Вычегды, Северной Двины, Мезени, позволившие разработать новые концепции развития неолита, выделить новые культуры и культурные типы. В настоящее время исследовано чуть более 80 неолитических памятников. Хронологические рамки неолита определены рубежом VI–V тыс. до н.э. – концом второй четверти III тыс. до н.э. Современное состояние неолитической проблематики отражено в обобщающих монографиях «Археология Республики Коми» (М.: ДИК, 1997) и В.Н. Карманова «Неолит Европейского Северо-Востока» (Сыктывкар, 2008). По концепции, разработанной Л.Л. Косинской, миграционная гипотеза, предполагающая либо расселение первобытных коллективов на неосвоенных территориях, либо полную или частичную смену населения в уже освоенных районах, представляется неубедительной. По мнению исследователя, наиболее ранняя неолитическая черноборская культура накольчатой керамики сформировалась на основе местной позднемезолитической, что не исключает появления в ней черт верхневолжской культуры. Формирование эньтыйского культурного типа связывается с миграцией на ЕСВ носителей иеневских и постиеневских традиций (Верхнее Поволжье). В среднем неолите на ЕСВ появляются или формируются на месте новые культурные образования, представленные памятниками с камской и ямочно-гребенчатой керамикой. К этому периоду Л.Л. Косинская относит установление внутрирегиональных связей, что приводит в позднем неолите к интеграции разнокультурных традиций, приведшей к формированию печоро-двинской археологической культуры, в составе которой выделяются три компонента: ямочно-гребенчатый, камский и черноборский (Косинская, 1997. С. 185–187).

Принципиально иной позиции придерживается В.Н. Карманов. По его мнению, на всем протяжении неолита стоянки носят преимущественно промысловый сезонный характер, базовые долговременные поселения отсутствуют, что обусловлено проникновением отдельных небольших групп населения со смежных регионов, которые не теряли связей с материнской культурой и возвращались на исходную территорию обитания. Как полагает исследователь, на ЕСВ в основном представлены памятники культур, ареалы которых находятся западнее. Стоянки камского гребенчатого неолита единичны (Карманов, 2008. С. 82)*.

Эпоха энеолита-бронзы (конец IV – середина II тыс. до н.э.) изучалась Г.М. Буровым, В.И. Канивцом, В.Е. Лузгиным, Л.Л. Косинской и др. На протяжении последних 30 лет она являлась предметом специальных исследований В.С. Стоколоса, который проводил плодотворные изыскания в бассейне Мезени, Печоры, Большеземельской тундре. В настоящее время известно более 70 памятников этой эпохи. По мнению исследователя, для этой эпохи характерно оживление межэтнических (межплеменных) контактов, выразившееся в воздействии южных племен, уже знакомых с металлом, на северные группы населения, что проявляется в материалах чужъяельской и чойновтинской культур, а также конещельского культурного типа.

Памятники чужъяельской культуры, начальный период функционирования которой, по мнению В.С.Стоколоса, относится еще к эпохе неолита (конец IV – начало II тыс. до н.э.), известны в бассейнах Вычегды, Мезени, Печоры и в Заполярье. По мнению исследователя, наиболее вероятной подосновой чужъяельской культуры является камская неолитическая культура, с другой стороны – в ней прослеживаются элементы западносибирских культур угроидного мира, про-

* См. статью В.Н. Карманова в настоящем сборнике.

являющиеся особенно ярко в гончарстве, связанные с миграциями зауральских угорских групп населения. Именно с этим миром В.С.Стоколос связывает вступление аборигенного населения в век металла. Чужъяельская культура на раннем и среднем этапах сопоставляется с нераспавшейся финно-угорской общностью (Стоколос, 1992. С. 33; 1997. С. 214–229).

В ареал памятников чойновтинской культуры (III – первая половина II тыс. до н.э.) В.С. Стоколос включает бассейн Вычегды, Мезени и Печоры, исключая тундровую зону. Таким образом, ареалы чужъяельской и чойновтинской культур частично совпадают, свидетельствуя о чересполосном проживании их населения. Чойновтинская культура, как полагает исследователь, представляет собой многокомпонентное образование, вобравшее в себя черты гребенчатой, накольчатой и ямочно-гребенчатой традиций. Гребенчатая традиция является местной подосновой чойновтинской культуры. Керамика с накольчатым орнаментом связывается с южным миром лесостепей и степей. В чойновтинской культуре, по мнению В.С. Стоколоса, наиболее ощутима ямочно-гребенчатая традиция, свидетельствующая о глубоких корнях западного влияния, связанного с прибалтийским миром. На это же указывают находки украшений из прибалтийского янтаря, которые, по мнению В.С. Стоколоса, распространялись на территории, заселенной близкими в этнокультурном отношении группами населения. В чойновтинской культуре основным является протофинский компонент, унаследованный от носителей ямочно-гребенчатой традиции, осложненный влиянием южного мира с накольчатой керамикой (Стоколос, 1992. С. 35; 1997. С. 229–240).

Бронзовый век в лесной зоне европейской части России наступает в середине или третьей четверти II тыс. до н.э. Начало этого периода ознаменовано вторжением в лесную зону европейского Севера мобильных агрессивных сейминско-турбинских групп населения, оказавших мощное воздействие на аборигенов. Он характеризуется усилением миграционных процессов, активизацией культурных связей между различными группами населения, что прослеживается в материалах археологических культур и культурных типов этой эпохи.

Одной из наиболее ярких культур бронзового века, иллюстрирующих сложные этнокультурные процессы этой эпохи, является атаманнюрская (Стоколос, 1992. С. 19–20; 1997. С. 247–254). Исследователем подчеркиваются ее зауральское происхождение и связь с пришлыми смешанными группами населения, доминирующими среди которых были самодийцы из Зауралья. Второй поток населения связывается с Верхним Поволжьем (чирковско-сейминская культура), в его составе отмечаются финский и индоевропейский компоненты.

Носители крестовой керамики В.С. Стоколосом сопоставляются с самодийскими группами населения, проникшими из-за Урала, памятники коршаковской культуры, локализуемые в заполярной тундре, – с палеоазиатами, формировавшимися на севере Восточной Сибири (Стоколос, 1992. С. 36–37).

Лебяжская культура была выделена В.И. Канивцом (Канивец, 1961. С. 97) и Г.М. Буровым (Буров, 1961. С. 103–106). Ее ареал включает бассейны Печоры и Вычегды. В.И. Канивец подчеркивал североевропейский характер лебяжской культуры, сложившейся на основе предшествующей культуры населения раннего медно-бронзового века (первая половина II тыс. до н.э.), отметив при этом зауральское влияние, проявляющееся, в частности, в керамике с крестовидным орнаментом. Аналогичной точки зрения придерживался В.Е. Лузгин (Лузгин, 1972. С. 83, 85).

Г.М. Буров полагал, что лебяжская культура имеет западносибирское происхождение и относил ее к числу угорских (Буров, 1967. С. 181, 184). Проблеме генезиса лебяжской культуры посвящена статья Л.И. Ашихминой (Ашихмина, 1993. С. 60–76). По ее мнению, процесс формирования лебяжской культуры был сложным и длительным. С одной стороны, не отрицаются местные истоки лебяжского гончарства, которые связываются с памятниками конецборского типа, а также второй компонент, связанный с пришлыми группами населения. Выявлены фатьяновско-абашевские элементы в форме и орнаментации лебяжских сосудов, а также самусьские традиции, которые, по мнению исследователя, принесены смешанными группами населения, возглавляемыми сейминотурбинцами (Ашихмина, 1993. С.74, 75). В.С. Стоколос истоки лебяжского гончарства видит в чужъяельской культуре, однако некоторые элементы орнаментации, как и В.И. Канивец, связывает с влиянием западносибирских групп населения (Стоколос, 1992. С. 20; 1997.С. 256–259).

В раннем железном веке (VIII в. до н.э. – начало V в. н.э.) сохраняются существовавшие в предыдущие эпохи основные направления этнокультурных связей с Прикамьем, Зауральем, а также западными соседями. Они были намечены уже в публикациях Г.М. Бурова, В.И. Канивца, В.Е. Лузгина. Все исследователи признавали и признают значение этнокультурных контактов в развитии культур в эпоху раннего железа, однако одни из них любые значимые изменения связывали с притоком в регион нового населения (Буров, 1965. С. 176–177; 1967. С. 125), другие, признавая роль этнокультурных связей, заимствований, миграций, – делали упор на роль местного компонента в развитии культур этой эпохи (Канивец, 1974. С. 136–138).

К этой эпохе относятся ананьинская и гляденовская (пьяноборская) историко-культурные общности. Проблема их формирования остается дискуссионной, однако не вызывают сомнений родство и культурная близость выделенных культур и культурных типов в рамках выделенных общностей.

Ананьинская общность занимала обширную территорию, включающую бассейн Камы, средней Волги, Северной Двины, Печоры и Мезени. Она сопоставляется с предками пермских или восточных финнов. На ЕСВ в настоящее время известно более 100 археологических памятников ананьинского времени. Первые памятники ананьинской общности открыты и исследованы в бассейне Вычегды Г.М. Буровым, в бассейне Печоры – В.И. Канивцом. Г.М. Буровым керамика раннего железного века была выявлена на поселениях Мыелдино, а также Вис I, Вис II и Вис III. Раннеананьинскую керамику он относил к позднелебяжской, начало раннего железного века датировал V в. до н.э. (мыелдинский этап раннего железного века). Памятники мыелдинского этапа Г.М. Буров включал в ананьинскую культуру и связывал их с переселенцами из Прикамья (Буров, 1965. С. 11–118; 1967. С. 122–126, 173). Принципиально иной позиции придерживался В.И. Канивец. Древности ананьинского времени датированы им VIII–III вв. до н.э. Как полагает этот исследователь, определение памятников VIII–VI вв. до н.э. как позднелебяжских ошибочно. Он выделил четыре культурных типа: Ласта, Ямашор, Перный и Чаркабож. К начальному этапу ананьинского времени (VII–VII вв. до н.э.) отнесены культурные типы Ласта и Чаркабож, к развитому периоду ананьина (VI–III вв. до н.э.) – Ямашор и Перный. По мнению В.И. Канивца, культурный тип Ласта сформировался на основе предшествующей лебяжской культуры, элементы ананьинской культуры являются результатом все возрастающего влияния южных ананьинских племен, что проявилось особенно выразительно в культурном типе Перный (Канивец, 1974. С. 136–138). Он

считал, «что поселения типа Перный представляют культуру, родственную ананьину, но не тождественную ему» (Канивец, 1974. С. 138). В керамике типа Ямашор исследователем выделяются зауральские элементы и в форме, и в орнаментации сосудов. Чаркабожская группа памятников относится к культурному типу, родственному гамаюнской (каменогорской) культуре (Канивец, 1974. С. 138–139). Выделенные зауральские черты в культурных типах Ямашор и Чаркабож, по его мнению, являются свидетельством или синкретичного облика этих культур, или влияния зауральского населения на местное печорское (Канивец, 1974. С. 138–145).

Основные концептуальные положения В.И. Канивца получили дальнейшее развитие в работах Л.И. Ашихминой и И.О. Васкула. Л.И. Ашихмина памятники раннего железного века Европейского Северо-Востока относит к локальному варианту ананьинской этнокультурной общности, сформировавшемуся на основе лебяжской культуры (Ашихмина, 1979. С. 58; 1985. С. 20–34). Дальнейшие исследования позволили конкретизировать данную гипотезу. Они дали возможность разработать концепцию, согласно которой формирование ананьинской общности было результатом взаимодействия лебяжской, маклашеевской, ерзовской археологических культур Приуралья и культур с фигурно-штамповой орнаментацией Западной Сибири и Зауралья (Ашихмина, Васкул, 1997. С. 331–333). В результате этих процессов на территории Европейского Северо-Востока в первой половине I тыс. до н.э. формируются культурные типы Ласта и Чаркабож. В керамическом комплексе типа Ласта наряду с местным компонентом, восходящим к лебяжской АК, фиксируются прикамские и зауральские элементы. Керамический комплекс типа Чаркабож обнаруживает близость глиняной посуде атлымской и гамаюнской археологических культур в Зауралье. В то же время ластинская керамика зафиксирована на памятниках Верхокамья (Оборин, 1969. С. 59–60). Еще более усиливаются связи с Прикамьем в середине I тыс. до н.э. Свидетельством этого являются керамические комплексы типа Перный, а также материалы Шиховского могильника, исследованного И.О. Васкулом, где найдены однотипные с ананьинскими древностями Волго-Камья украшения, предметы вооружения, культовые изделия, наблюдаются общие элементы в погребальной обрядности (Васкул, 2002. С. 7–17). Связи с культурами с фигурно-штамповой орнаментацией керамики отражают памятники типа Ямашор, представляющие собой пример культурной интеграции разнородных по своему происхождению компонентов. По мнению И.О. Васкула, находка ямашорской керамики на поселении Мыелдино на верхней Вычегде свидетельствует о внутрирегиональных культурных связях населения бассейнов Печоры и Вычегды (Васкул, 2003. С. 41–42). Отмечается участие населения ЕСВ в формировании позднекаргопольской культуры на Северо-Востоке Карелии и в Прибеломорье.

В конце III в. до н.э. культуры ананьинской историко-культурной общности на территории ЕСВ, верхнего и среднего Прикамья сменяются культурами гляденовской общности (конец III – II вв. до н.э. – IV – первая половина V в. н.э.), которая одними исследователями сопоставляется с древнекоми этносом, другими – с предками пермских финнов. Г.М. Буровым, В.И. Канивцом, В.Е. Лузгиным, К.С. Королевым, В.С. Стоколосом, И.О. Васкулом и др. на ЕСВ исследовано около 70 гляденовских памятников. Значительный вклад в изучение гляденовских памятников на ЕСВ внесен И.О. Васкулом (Васкул, 1994). Им выделены две археологические культуры гляденовской общности на ЕСВ: пиджская в бассейне Печоры и Мезени и джуджыдъягская в бассейне Вычегды, сформировавшиеся на основе предшествующих культурных типов ананьинской общ-

ности. Кроме того, по мнению И.О. Васкула, в их формировании принимали участие выходцы из Прикамья (джуджыдъягская культура) и Зауралья (пиджская культура). Он считает, что этнокультурные связи с культурами Прикамья были постоянными и прочными. Особенно близки верхнекамским памятники бассейна р. Вычегды и верхней Печоры. Исследователь выявил общие тенденции в развитии форм глиняной посуды, техники ее орнаментации. Прослеживаются связи с кара-абызской, чегандинской (пьяноборской), азелинской и мазунинской культурами Среднего и Нижнего Прикамья. Не менее отчетливо общие черты фиксируются в культуре населения ЕСВ и Западной Сибири, особенно в материалах поселений, пещерных святилищ и погребальных комплексов бассейна р. Печоры, в вещевом инвентаре памятников, домостроительстве, погребальном обряде. По мнению И.О. Васкула, установление этнокультурных контактов с населением Зауралья объясняется усилившимися со II – I вв. до н.э. миграциями носителей кулайской культуры, которые приняли участие в формировании культуры населения бассейна Печоры. Представляет интерес предположение И.О. Васкула о связи появления горизонтальных каннелюр в орнаментации керамики гляденовского времени на ЕСВ с Карелией, где обнаружены памятники с керамикой, украшенной оттисками шнура, насечками, каннелюрами, с примесью дресвы в тесте (Васкул, 2005. С. 15).

Особое место при изучении этнокультурных контактов населения ЕСВ и Западной Сибири занимают древности бичевницкой культуры, сменившей во второй четверти I тыс. н.э. в бассейне р. Печоры пиджскую АК. Впервые бичевницкие памятники, объединенные в «культурный тип», были выделены В.И. Канивцом, который считал, что бичевницкий культурный тип сменил в начале I тыс. н.э. гляденовскую культуру (Канивец, 1965. С. 99). По мнению Г.М. Бурова, поселения бичевницкого типа были синхронны гляденовским памятникам II в. до н.э. – III в. н.э. и оставлены нижнеобскими угорскими племенами (Буров, 1967. С. 173, 174). В связи с появлением новых источников Г.М. Буров в дальнейшем отнес памятники бичевницкого типа к первой половине I тыс. н.э. (Буров, 1989). В настоящее время бичевницкие памятники выявлены в лесной и тундровой зонах Печорского Приуралья, в равнинной части и на водораздельных озерах Тиманского кряжа. Бичевницкая керамика встречается на верхней Вычегде и в нижнем Приобье, единично – в средней части Вычегодского бассейна и Северном Прикамье, на однослойных памятниках – только в Печорском Приуралье (Мурыгин, 1997. С. 505). А.М. Мурыгиным на основе анализа всего фонда накопленных источников по эпохе средневековья Печорского Приуралья были скорректированы хронологические рамки памятников типа Бичевник, датированных второй половиной I тыс. н.э. А.М. Мурыгин отмечает смешанный облик бичевницкой керамики, в которой прослеживаются традиции как вычегодско-мезенской и даже прикамской, с одной стороны, с другой – западносибирской раннесредневековой керамики. По мнению исследователя, в Печорском Приуралье с середины I тыс. н.э. наблюдается усиление влияния как прикамских, так и западносибирских культурных традиций, что приводит к их смешению и формированию угорско-самодийской общности (Мурыгин, 1992). В целом, как считает А.М. Мурыгин, в лесном Припечорье в эпоху раннего средневековья «формировались и развивались культуры переходного облика от угорско-самодийских Обского Зауралья к финно-угорским Европейского Северо-Востока» (Мурыгин, 1997. С. 529). К началу II тыс. н.э. относится распад этой общности и выделение из нее угорских и самодийских этносов (Мурыгин, 1997. С. 529).

К эпохе раннего средневековья относится ванвиздинская культура (VI – X вв. н.э.). Памятники ванвиздинской культуры расположены в Вычегодском бассейне и на Мезени, известны в северном Прикамье, на Северной Двине, в устье р. Юг (более 50 памятников). Полевые изыскания, проводившиеся В.И. Канивцом, Г.М. Буровым, Э.А. Савельевой, К.С. Королевым, А.М. Мурыгиным, Н.Н. Чесноковой, позволили создать достаточно представительный фонд источников для решения проблемы генезиса культуры, выявления ее основных компонентов, этнической принадлежности и др. Исследователи единодушны в определении местных гляденовских истоков ванвиздинской культуры. В числе дискуссионных остается проблема этнической принадлежности культуры. Материалы раскопок свидетельствуют о важных сдвигах в развитии экономики местного населения, в частности, металлургии и металлообработки. На поселениях обнаружены многочисленные производственные постройки, очаги и кострища со следами металлообработки (шлаки, тигли, льячки, сплески металла). К этому времени относятся первые свидетельства занятий местного населения животноводством. Однако важное, если не первостепенное место в экономике сохраняли охота и рыбная ловля. Возникает вопрос о причинах качественных изменений в экономике местного населения. Являются ли эти перемены объективным закономерным этапом в эволюции ванвиздинской культуры или результатом влияния внешнего импульса? Начальный этап формирования культуры приходится на период, который вошел в историю Евразии как эпоха великого переселения народов. События, связанные с движением гуннов из степей Центральной Азии, коснулись и лесной полосы европейской части России. На ЕСВ появляются пришлые мобильные военизированные группы населения, могильники которых обнаружены на Выми, Нившере, Сысоле, возможно, Ижме. Погребения на этих памятниках совершены под невысокими насыпями и сопровождаются предметами вооружения, украшениями из драгоценных металлов, богатыми ожерельями бус, культовыми предметами, среди последних представлены золотые и серебряные детали погребальных масок и др. Этническая принадлежность мигрантов остается предметом дискуссий. Одни исследователи полагают, что это были угры, другие – ираноязычное сарматское или сарматизированное, возможно – смешанное население, в чьей культуре явственно прослеживается сарматский компонент. Судя по имеющимся материалам, пришлые немногочисленные группы населения не вытеснили аборигенов, а постепенно были ассимилированы ими. И это закономерный факт, обусловленный многовековым опытом выработки местным населением соответствующих механизмов адаптации к существующим природно-климатическим условиям. Однако приток мигрантов послужил катализатором, способствовавшим прогрессу в развитии экономики местного населения (кузнечного, бронзолитейного производств, возможно, животноводства). Именно к этому периоду относится интеграция финно-пермского населения в основном в бассейне Вычегды, угорского (?) самодийского (?) – в бассейне Печоры. Местное ванвиздинское население бассейна Вычегды Г.М. Буровым сопоставлялось с уграми (Буров, 1967. С. 177), В.И. Канивцом – с печерой (Канивец, 1964. С. 133–134), автором статьи – с пермским этносом, предками северных коми.

К эпохе позднего или развитого средневековья относятся первые письменные свидетельства о предках народа коми под именем «Пермь». Археологические памятники Перми вычегодской объединены в рамках вымской культуры (Савельева, 1971). Начало их изучения восходит еще к середине XIX в., эпизодические раскопки проводились в 20-е гг. прошлого столетия (А.П. Смирнов,

А.С. Сидоров, А.Н. Грен), планомерное изучение началось на рубеже 1950–1960-х гг. Э.А. Савельевой. Весомый вклад в ее изучение внес К.С. Королев (Королев, 1979; 1997), единичные памятники исследованы Т.В. Истоминой, Н.Н. Чесноковой, М.В. Кленовым. Памятники вымской культуры локализуются в бассейне Вычегды, а также известны на Удоре и Лузе. Центром ее формирования являлись р. Вымь и прилегающий участок средней Вычегды (Савельева, 1987). Культура представлена семью локальными вариантами, соответствующими территориально-племенным объединениям древних коми-зырян. В пограничных районах фиксируются гибридные локальные варианты, в которых сочетаются элементы различных культур, о чем свидетельствуют материалы средневековых памятников на нижней Вычегде, Лузе, Сысоле (Савельева, 2011. С. 181–182).

Этот период характеризуется активными разносторонними связями Перми вычегодской со своими южными и западными соседями как этнически близкими, так и иноэтничными и инокультурными. Этнически наиболее близкими были племена родановской культуры предков коми-пермяков. Вымская и родановская культуры входили в единую историко-культурную область и представляли собой единую этнокультурную общность, о чем свидетельствует их близость по таким этноопределяющим признакам культуры, как погребальный обряд, керамика, характерные специфические украшения костюма. Наибольшая близость прослеживается между северными верхокамскими и южными вымско-вычегодскими памятниками (средневычегодскими, сысольскими) (Савельева, 2010. С. 66–71). Нижнесысольский Вотчинский могильник занимает промежуточное положение между камско-вятскими и вычегодско-вымскими памятниками (Истомина, 1999. С. 76–102). Этнокультурные и торгово-обменные контакты осуществлялись в процессе брачных связей, локальных миграций, а также инфильтрации небольших групп населения как в северном (из Прикамья на Вычегду), так и южном (с Вычегды в Прикамье) направлениях. Однако свидетельств массового переселения родановцев в бассейн Вычегды, как и с Вычегды на Каму, нет. На это же указывают и антропологические материалы. На позднем этапе функционирования вымской и родановской культур различия между ними углубляются, что было обусловлено социально-политическими факторами. Родановская культура оказалась в сфере экономического, политического и культурного влияния Волжской Болгарии, вымская – древнерусских княжеств.

Западными соседями Перми вычегодской были прибалтийские финны, чье влияние особенно ощутимо в северо- и юго-западных районах современного расселения коми-зырян – на Удоре, Нижней Вычегде, Лузе. По археологическим материалам оно прослеживается в погребальной обрядности (погребения в срубах), значительном количестве прибалтийско-финских украшений на памятниках Перми вычегодской, в близости некоторых форм сосудов и их орнаментации. На территории современной Республики Коми известны археологические памятники, в частности, Лоемский могильник и поселение (XIII–XIV вв.), в материалах которых причудливо переплетаются культурные традиции финского населения, находившегося в сфере древнерусского культурного воздействия (Савельева, 1995. С. 92–138). Название села Лойма, на территории которого расположены могильник и поселение, имеет прибалтийско-финское происхождение: финское слово «loima» переводится как «пески», бугристое песчаное место, поросшее вереском или мхом (Мусанов, 2006. С. 109). Вероятно, к своеобразному культурному типу относится и Ленский могильник, расположенный в Ленском районе Архангельской области, в погребальном обряде и вещевом инвентаре которого также прослеживаются традиции финского населения, возможно,

заволочской чуди (Савельева, 2005. С. 91–112). Различные культурные традиции, прослеживаемые в материалах могильника, могут быть объяснены смешанным составом населения, что обусловлено пограничным положением памятника между Пермью вычегодской и заволочской чудью. Прибалтийско-финский компонент в культуре коми прослеживается не только по археологическим источникам, но и данным лингвистики, антропологии, этнографии.

Археологические материалы свидетельствуют об активных торговых контактах Перми вычегодской с Волжской Болгарией, сыгравшей важную роль в судьбах финно-угорских народов Волго-Камья. В Пермском Приуралье волжскими болгарами были основаны города и торговые фактории, товары из которых вывозились купцами далеко за пределы Волго-Камья, в том числе в Зауралье и земли Перми вычегодской. В бассейне Вычегды, несмотря на значительное количество украшений булгарского производства, не известны находки булгарской керамики, нет булгарских поселений или следов пребывания булгар на местных поселениях. Возможно, что булгарским купцам был известен путь на Вычегду, и они успешно им пользовались, что не исключает участия в этой торговле родановских купцов (Савельева, Королев, 2011. С. 89–97).

Наиболее глубокое воздействие на этнокультурную, социально-экономическую и политическую историю народа коми оказали коми-русские контакты. Первыми открывателями северных земель были новгородские дружинники, которые эпизодически не только взимали дань с местного населения, но и выступали в роли купцов, поставлявших аборигенам украшения с учетом их вкуса и потребностей. Вероятно, с ними связано появление западноевропейских денариев X–XI вв., которые представлены на могильниках Перми вычегодской. С XII в., наиболее вероятно, не ранее его второй половины, в бассейне Вычегды – на Вычегде, Выми, Сысоле – появляются древнерусские поселения. С этого времени начинается новый этап в истории вычегодских пермян. Формируется определенная система взимания дани, усиливается древнерусское культурное воздействие на местное население. Древнерусские поселения превращаются в торгово-ремесленные центры, обеспечивавшие своими изделиями не только собственные потребности, но и местного населения. Особенно ощутимым было воздействие русских традиций в кузнечном производстве.

Культура Перми вычегодской в целом имеет ярко выраженную древнерусскую вуаль, что особенно проявляется в украшениях, а также предметах быта. Вероятно, древнерусская колонизация явилась одним из определяющих факторов в формировании вымского территориально-племенного объединения Перми вычегодской. Неслучайно в долине Выми фиксируется наибольшая концентрация памятников Перми вычегодской, здесь расположены самые крупные могильники, находящиеся рядом с зафиксированными в исторических источниках населенными пунктами. Судя по материалам могильников, численность населения на Выми увеличивается со II половины XII в., что, вероятно, объясняется в значительной мере включением этой территории в сферу экономических и политических интересов Древней Руси. С XII в. резко увеличивается приток древнерусских изделий, которые поступали на Вымь в обмен на меха. Взимаемая дань также выплачивалась мехами. Спрос на меха, высоко ценившиеся на международных рынках, стимулировал развитие пушного промысла, который приобретает товарный характер и становится источником появления избыточного продукта, способствует обогащению местного населения. Важным источником жизнедеятельности вымских коми стало и обслуживание важнейшей водной магистрали при продвижении русских дружинников и купцов в Зауралье. Все это спо-

собствовало увеличению естественного прироста населения, а также, возможно, его притоку из более глухих районов.

Таким образом, археологические материалы позволяют проследить формирование населения на ЕСВ в процессе взаимодействия, взаимовлияния, разнообразных контактов различных групп населения с эпохи первоначального освоения этой территории. С глубокой древности она являлась контактной зоной южного, западного и восточного культурных миров. Уже в эпоху палеолита прослеживаются две волны заселения: одна – восточноевропейского, другая – североазиатского происхождений. Не исключено, что последние могут относиться к предкам уральских народов. В эпоху мезолита на ЕСВ проникает население из Прикамья и районов Балтики и Прионежья, но уже к концу этой эпохи фиксируются внутрирегиональные контакты, следствием которых стало формирование смешанной гибридной культуры местного происхождения. В эпоху неолита, как и в предыдущие, ЕСВ был заселен разнокультурным населением. В эпоху энеолита в связи с появлением металла межкультурные контакты активизируются. Впервые прослеживается мощное воздействие зауральского мира, с которым и связывается появление идей металлообработки на ЕСВ. Продолжаются активные этнокультурные связи с прибалтийским регионом и миром южных лесостепей и степей. К этой эпохе большинство исследователей относят выделение финно-пермской общности из финно-угорской. В эпоху бронзы активизируются контакты с западносибирским (угорским, самодийским) миром, с одной стороны, с другой – усиливаются процессы интеграции, свидетельством которой стало формирование лебяжской культуры, являющейся основой формирования северного варианта ананьинской историко-культурной общности. В раннем железном веке продолжают углубляться процессы интеграции двух разных культурных миров на ЕСВ – в бассейне Вычегды – пермского, Печоры – угорского или самодийского. К эпохе раннего средневековья восходят истоки формирования современных этносов, в том числе пермских финнов: в бассейне Вычегды и Мезени складывается ванвиздинская культура, в Прикамье – ломоватовская, на Чепце – поломская и др. На этом этапе преобладают процессы интеграции, как следствие активизации внутризональных региональных контактов, осложненных в эпоху великого переселения народов притоком западносибирского населения. К эпохе развитого средневековья относится начальный этап формирования народности народа коми. Вымская культура Перми вычегодской входила в единую этнокультурную общность с родановской культурой предков коми-пермяков. В пограничных контактных зонах на нижней Вычегде, Лузе, Сысоле исследованы памятники, в материалах которых прослеживается переплетение различных культурных традиций. На формирование вымской культуры оказали влияние соседние прибалтийско-финнские группы населения, что проявляется прежде всего в погребальной обрядности. Доминирующим внешним фактором, оказавшим наиболее глубокое воздействие на формирование и развитие вымской культуры Перми вычегодской, стала древнерусская колонизация.

Литература

Ашихмина Л.И. Некоторые проблемы эпохи раннего железа на Европейском Северо-Востоке // Вопросы финно-угроведения: Тез. докл. на XVI Всесоюз. конф. финно-угроведов. Сыктывкар, 1979. Т. II. С. 57.

Ашихмина Л.И. Культуры эпохи раннего железа в этногенезе народа коми // Проблемы этногенеза народа коми. Сыктывкар, 1985. С. 20–34. (Труды Ин-та яз., лит. и истории. Вып. 36).

Ашихмина Л.И. К вопросу о формировании лебяжской культуры // Взаимодействие культур Северного Приуралья в древности и средневековье. Сыктывкар, 1993. С. 60–76. (МАЕСВ. Вып. 12).

Ашихмина Л.И., Васкул И.О. Памятники ананьинской культурной общности //Археология Республики Коми. М.: Изд-во «ДиК», 1997. С. 314–348.

Буров Г.М. Основные итоги и проблемы изучения археологии Вычегодского края // Второе уральское археологическое совещание. Итоги и проблемы изучения археологии Урала. Свердловск, 1961. С. 100–108. (ВАУ. Вып. 1).

Буров Г.М. Вычегодский край. М.: Наука, 1965. 200 с.

Буров Г.М. Древний Синдор. М.:Наука, 1967. 220 с.

Буров Г.М. Крайний Северо-Восток Европы в эпоху мезолита, неолита и раннего металла: Автореф. дис… д-ра ист. наук. Новосибирск, 1986. 37 с.

Буров Г.М. Железный век Крайнего Европейского Северо-Востока (от начала до VIII столетия н.э.). Симферополь, 1989. 47 с. – Рукопись деп. в ИНИОН № 38239.

Васкул И.О. Европейский Северо-Восток в эпоху раннего железа (конец I тыс. до н.э. – первая половина I тыс. н.э.): Автореф. дис… канд. ист. наук. СПб., 1994.

Васкул И.О. Памятники гляденовской культурной общности // Археология Республики Коми. М.: Изд-во «ДиК», 1997. С. 349–399.

Васкул И.О. Шиховской могильник раннего железного века (первые результаты исследований). Сыктывкар, 2002. 50 с. (Научные доклады / Коми НЦ УрО РАН. Вып. 451).

Васкул И.О. Поселение Мыелдино и проблемы культурной принадлежности древностей Европейского Северо-Востока в ананьинское время // Чтения, посвященные 100-летию деятельности Василия Алексеевича Городцова в ГИМ: Тезисы конференции, ч. II. М., 2003. С. 41–42.

Васкул И.О. Европейский Северо-Восток в I тысячелетии н.э. // Север Евразии: этносоциокультурные и социально-экономические процессы. Сыктывкар, 2005. С. 3–23.

Волокитин А.В. Мезолит // Археология Республики Коми. М.: Изд-во «ДиК», 1997. С. 91–145.

Волокитин А.В. Мезолитические стоянки Парч 1 и Парч 2 на Вычегде. Сыктывкар, 2006. 124 с.

Гуслицер Б.И., Канивец В.И. Первая палеолитическая стоянка на Печорском Урале // БИЧП. М., 1962. 27. С. 20–27.

Гуслицер Б.И., Канивец В.И. Палеолитические стоянки на Печоре // Стратиграфия и периодизация палеолита Восточной и Центральной Европы. М.: Наука, 1965. С. 86–102.

Истомина Т.В. Вотчинский могильник // Этнокультурные процессы в древности на Европейском Северо-Востоке (источники и исследования). Сыктывкар, 1999. С. 76–102. (МАЕСВ. Вып. 16).

Канивец В.И. Археологическое изучение Печорского Приуралья // Второе Уральское археологическое совещание. Итоги и проблемы изучения археологии Урала. Свердловск, 1961. С. 91–99. (ВАУ. Вып. 1).

Канивец В.И. Древние поселения Южно-Печорской равнины // Древние поселения на Печоре и Вычегде. Отчеты о работах 1963 г. в зоне затопления Усть-Войского и Усть-Куломского водохранилищ. Сыктывкар, 1965. С. 109–138. (МАЕСВ. Вып . III).

Канивец В.И. Палеолит крайнего Северо-Востока Европы. М.: Наука, 1976. 95 с.

Канивец В.И. Печорское Приполярье. Эпоха раннего металла. М.: Наука, 1974. 150 с.

Карманов В.Н. Неолит Европейского Северо-Востока. Сыктывкар, 2008. 224 с.

Косинская Л.Л. Неолит // Археология Республики Коми. М.: Изд-во «ДиК», 1997. С. 146–212.

Королев К.С., Мурыгин А.М., Савельева Э.А. Ванвиздинская культура // Археология Республики Коми. М.: Изд-во «ДиК», 1997. С. 400–477.

Лузгин В.Е. Древние культуры Ижмы. М.: Наука, 1972. 128 с.

Мурыгин А.М. Печорское Приуралье: эпоха средневековья. М.: Наука, 1992. 182 с.

Мурыгин А.М. Памятники Печорского Приуралья // Археология Республики Коми. М.: Изд-во «ДиК», 1997. С. 478–560.

Мусанов А.Г. Географические названия Лузско-Летского бассейна Республики Коми. Сыктывкар, 2006. 144 с.

Оборин В.А. Культурные связи племен Верхнего Прикамья с племенами Северо-Востока Европы в эпоху железа // Древности Восточной Европы. М., 1969. С. 156–167. (МИА. № 169).

Павлов П.Ю. Палеолитический человек на северо-востоке плейстоценовой Арктики Европы: проникновение, освоение и адаптация // Проблемы историко-культурной среды Арктики: Тезисы докладов Международного симпозиума. Сыктывкар, 1991. С. 109–111.

Павлов П.Ю. Палеолит северо-востока Европы: Автореф. дис… д-ра ист. наук. СПб., 2009. 41 с.

Павлов П.Ю. Культурные связи населения Уральского региона в эпоху палеолита // Вестник Пермского университета. История. Пермь, 2012. Вып. 1 (18). С. 6–20.

Савельева Э.А. Пермь вычегодская. М.: Наука, 1971. 224 с.

Савельева Э.А. Вымские могильники XI–XIV вв. Л.: Изд-во ЛГУ, 1987. 200 с.

Савельева Э.А. Лоемский могильник (этнокультурная принадлежность) // Этнокультурные контакты в эпоху камня, бронзы, раннего железа и средневековья в Северном Приуралье. Сыктывкар, 1995. С. 92–138. (МАЕСВ. Вып. 13).

Савельева Э.А. Ленский могильник // Памятники эпохи камня, раннего металла и средневековья Европейского Северо-Востока. Сыктывкар, 2005. С. 91–112. (МАЕСВ. Вып. 17).

Савельева Э.А. Вымско-родановская этнокультурная общность // Археологическое наследие как отражение исторического опыта взаимодействия человека, природы, общества. Ижевск, 2010. С. 66–71.

Савельева Э.А. Население окраин Перми вычегодской // Труды III(XIX) Всероссийского археологического съезда. СПб.; М.; Великий Новгород, 2011. Т. III. С. 181–182.

Савельева Э.А. Древнерусская колонизация Европейского Северо-Востока // Труды III Северного археологического конгресса. Екатеринбург; Ханты-Мансийск, 2010. С. 288–290.

Савельева Э.А., Королев К.С. Торгово-экономические связи Перми вычегодской с Волжской Болгарией // Известия Коми НЦ УрО РАН. Сыктывкар, 2011. № 3 (7). С. 89–97.

Стоколос В.С. Энеолит и бронзовый век Северного Приуралья: Автореф. дис… д-ра ист. наук. М., 1992. 40 с.

Стоколос В.С. Энеолит и бронзовый век // Археология Республики Коми. М.: Изд-во «ДиК», 1997. С. 246–313.

Вып. 18 *2013*

О ТАК НАЗЫВАЕМЫХ КУЛЬТУРНЫХ СВЯЗЯХ В МЕЗОЛИТЕ ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРО-ВОСТОКА

А.В. Волокитин

Мезолитические древности на территории Европейского Северо-Востока впервые обнаружены в Большеземельской тундре, в бассейне р. Печора. Геологом Г.А.Черновым в 1939, 1941, 1947, 1952, 1956 гг. собраны коллекции каменных изделий на песчаных яреях. Ряд памятников открыт геологом А.И. Блохиным в 1955 г. (Чернов, 1985). Однако принадлежность этих коллекций к мезолитической эпохе была определена гораздо позднее, после открытия и исследования мезолитических стоянок на Вычегде и верхней Печоре. Одним из первых на мезолитический возраст материалов Большеземельской тундры обратил внимание О.Н. Бадер (Бадер, 1966. С. 199). Основополагающей, по данным мезолитическим местонахождениям, является работа И.В. Верещагиной (Верещагина, 1973). Затем последовало обобщение, выполненное автором открытий Г.А. Черновым, для археологической карты Большеземельской тундры (Чернов, 1985). В долине р. Вычегда первые мезолитические стоянки открыты в 1957 г. Г.М. Буровым (Буров, 1959; 1961а).

В начальный период систематических археологических исследований (1957 – 1970-е гг.) открытие и изучение мезолитических стоянок проводились во время сплошных первоначальных обследований обширных территорий. Это работы Г.М. Бурова на Вычегде, В.И. Канивца на Печоре, В.Е. Лузгина на Ижме, Э.А. Савельевой на Выми. Каждый из них в равной степени занимался изучением памятников всех эпох. Тем не менее, в эти годы был заложен фундамент дальнейшего изучения мезолитических древностей в регионе. Полученные материалы позволили исследователям сделать заключения по связям мезолита Европейского Северо-Востока, его хронологии и наметить его периодизацию. Наиболее известные памятники, изученные в данный период, – Висский 1 торфяник и стоянки Топыд-Нюр 5 (средняя Печора), Туруннюр 1 (Ижма).

В последующий период (1970–1980-е гг.) изучение древностей эпохи мезолита становится одним из основных направлений работ И.В. Верещагиной (Северная Двина), Э.С. Логиновой (средняя Вычегда), Л.Л. Косинской (Вымь). Был значительно увеличен корпус источников по мезолиту региона и, как следствие, существенно скорректированы выводы предыдущего этапа исследований. С середины 1980-х гг. систематические изыскания по данной эпохе проводятся А.В. Волокитиным (Вычегда, Ижма, Печора). Главным результатом его работ является развертывание комплексных исследований. Это позволило создать периодизацию памятников, реконструировать жизнедеятельность древних коллективов, их взаимосвязь с изменяющимися природными обстановками. Наиболее результативны в этом отношении работы в парчевском геоархеологическом районе (Вычегда).

Описывая материал одной из стоянок, открытых в 1957 г., Г.М. Буров отметил их сходство с мезолитическими памятниками Прикамья (Огурдинской, Кама-Жулановской, Нижнеадищевской стоянками). Сравнение с камскими материалами позволило исследователю утверждать, что вычегодские стоянки «аналогичны» камским и образуют с ними одну обширную область, а также высказать предположение о расселении на Вычегду племен из Прикамья (Буров, 1961б. С. 101).

О.Н. Бадер согласился, что «Г.М. Буров справедливо определяет как *аналогичные* по культуре и времени камским стоянкам типа Огурдинской, Нижне-Адищевской и Кама-Жулановской» раскопанные им мезолитические стоянки Вычегды (Бадер, 1966. С. 199). Далее исследователь отметил микролитический характер инвентарей памятников, выявленных Г.А. Черновым в бассейне средней Печоры, в тундре*, что позволило ему считать их «*аналогичными* вычегодским». И те, и другие были включены им в территорию «камской историко-культурной области эпохи мезолита» (Бадер, 1966. С. 199).

Вместе с тем, наличие единичных находок наконечников стрел, на наш взгляд, достаточно спорных, позволили О.Н. Бадеру сделать еще один важный вывод относительно мезолитической эпохи на Европейском Северо-Востоке. Согласно его мнению, «присутствие наконечников стрел можно рассматривать как следы культурной инфильтрации с юго-запада, из бассейна Верхней Волги» (Бадер, 1966. С. 199).

В свою очередь, Г.М. Буров, используя вслед за О.Н. Бадером при анализе кремневого материала элементы статистики (соотношение в коллекциях пластин и отщепов), объединил мезолитические стоянки Европейского Северо-Востока и Прикамья в одну группу, получившую наименование камско-вычегодский мезолит (Буров, 1965. С. 158–159, рис. 28), а затем камско-печорско-вычегодский мезолит (Буров, 1967. С. 166). Его дата определялась временем «после VI тыс. до н.э.». Камско-печорско-вычегодскому мезолиту противопоставлялись материалы, полученные при исследованиях стоянок у дер. Синдор. Возраст их был определен в соответствии с радиоуглеродными датировками деревянных вещей Висского 1 торфяника VII–VI тыс. до н.э. Г.М. Буров сравнивал висские материалы с мезолитическими культурами балтийского круга: кунда, суомусъярви (Буров, 1967). Таким образом, висские мезолитические памятники, по мнению исследователя на тот момент, были самыми древними в регионе. Памятники с микролитическим инвентарем считались более поздними. Самым важным в данной работе является первое движение в сторону культурной дифференциации мезолитических древностей региона. В аналитическом обзоре, посвященном мезолиту Европы, С.К. Козловский (Kozlowski, 1973. С. 350) отнес Висский 1 торфяник, как впрочем и Нижнее Веретье, к культуре кунда. В типичные памятники камской культуры (the Kama Culture; Козловским также приводится, со ссылкой на Г.М. Бурова, аналог этого названия – Kama-Vychegda-Pechora Mesolithic) он поместил наряду с Кама-Жулановской и Нижнеадищевской вычегодскую стоянку Кузьвомын (Kozlowski, 1973. С. 351). Этот автор также объединяет в камскую культуру памятники романовско-ильмурзинской культуры и памятники типа Русское Луговое II, Татарский Азибей 4 Нижней Камы. Соответствующим образом очерчены на карте ареалы камской культуры и кунда (Kozlowski, 1973. С. 365).

* К моменту написания этой работы О.Н. Бадер не был знаком с материалами стоянок, открытых на Печоре В.И. Канивцом и опубликованных им в 1963 и 1965 гг. Собственно поэтому нами нарушена хронология изложения взглядов исследователей, отраженная в годах публикаций.

Представляют интерес взгляды В.И. Канивца, анализировавшего мезолитические материалы, полученные им в ходе обширных первоначальных исследований в бассейне Печоры. Уже в первой, предварительной, публикации В.И. Канивец утверждал, что «культура печорских и вычегодских стоянок с микролитическим инвентарем *слагалась* в течение тысячелетий из различных источников», «огромные пространства европейского Северо-Востока заселялись родовыми общинами … с юга, из Прикамья, а также из лежащих западнее и юго-западнее областей лесной полосы, возможно, из среднерусской (волго-окской) области» (Канивец, Лузгин, 1963. С. 75)*. И если для выводов о сходстве вычегодских и печорских стоянок с камскими было достаточно оснований, то для волго-окских параллелей привлекались единичные находки невыразительных наконечников. Вернее за них принимались обломки острий. Малообоснованным также является тезис о тысячелетнем процессе сложения мезолитической культуры.

В работе, посвященной основным проблемам археологии Европейского Северо-Востока, В.И. Канивец отмечает, что «заселение и освоение этой территории шло различными путями». Им выделены три «культурных типа»: первый, связанный с культурами волго-окской и балтийско-днепровской областями**; второй, представленный Виским 1 торфяником, близок культурам кунда и суомусъярви; третий, тяготеющий к прикамскому мезолиту (Канивец, 1967. С. 4.). В этой связи нужно указать, что В.И. Канивец не был последовательным сторонником культурной дифференциации мезолитических материалов региона. Его последующая работа показывает это со всей очевидностью (Канивец, 1973. С. 23)***. Скорее всего, говоря о культурных типах, он всего лишь подчеркивал направление «заселения». Особо стоит отметить, что, описывая расположенную на площадке на 32-метровой скале стоянку Адак 2, В.И. Канивец утверждал, что заселение «мезолитическим человеком долины Печоры и Усы развертывалось на фоне межплеменной или межродовой борьбы за новые территории» (Канивец, 1973. С. 21). Расположение стоянки в столь необычном месте из соображений безопасности – тому подтверждение.

Итак, согласно В.И. Канивцу, мезолит Европейского Северо-Востока *слагался* в процессе заселения из различных, двух или трех, отдаленных областей (Канивец, Лузгин, 1963. С. 75). Подчеркнем – слагался.

Развитием этого тезиса В.И. Канивца стали взгляды В.Е. Лузгина. Он пришел к выводу о том, что Европейский Северо-Восток, представлял «в конце мезолитической эпохи»**** единую местную этнокультурную область, своеобразие которой в сочетании основных черт камского и волго-окского мезолита (Лузгин, 1972. С. 122). По словам В.Е. Лузгина, в эту область входят памятники «*вобравшие в себя* основные черты камского и волго-окского мезолита».

---

* Выводы данной работы подтверждены в последующей публикации, посвященной продолжению разведочных работ на р. Печоре. В ней также говориться о «сложении» мезолита региона из разных источников (Канивец, 1965. С. 95).

** Здесь автор ссылается на наконечники из пластин, в том числе «свидерские». Сделано это совершенно безосновательно.

*** Работа вышла уже после смерти исследователя. Ее можно назвать программной. В ней рассматриваются типы мезолитических памятников, есть определение понятия мезолит, дается анализ каменных индустрий. Различия технико-типологических показателей коллекций объясняются их хронологией. На этом основании строится периодизация печорского мезолита. Именно это направление будут развивать в дальнейшем последователи В.И. Канивца.

**** Напомним, что все открытые к тому времени памятники В.И. Канивец относил к позднему мезолиту.

Еще более определенны в этом отношении суждения И.В. Верещагиной (Верещагина, 1989). Она пришла к мнению, что «мезолитические памятники кр. евр. С-В почти в равной мере проявляют сходство с различными культурами как Камско-Уральского, так и Волго-Окского регионов». Перечисляются памятники Прикамья и Камско-Вятского междуречья, Костромского Поволжья, романовско-ильмурзинской, сухонской и так называемой позднебутовской культур. Самостоятельные культуры в регионе не выделяются, «тем более, что различные (разнокультурные) черты присутствуют зачастую в инвентаре одних и тех же памятников. Очевидно, освоение территории кр. евр. С-В в голоцене происходило с довольно обширной территории». «В силу обитания в одинаковых природных условиях, одноплановой хозяйственной деятельности и тесных контактов населения, происходила, в какой-то мере, *нивелировка* культурных традиций» (Верещагина, 1989).

И наконец, следует отметить сугубо положительный отзыв, данный с позиций современного исследователя, С.В. Ошибкиной на вышеупомянутое заключение о местной этнокультурной области мезолита, которое было сформулировано В.Е. Лузгиным: «Заслуживает внимания общее наблюдение В.Е. Лузгина … что Крайний Северо-Восток Европы представлял собой местную этнокультурную область мезолита, где сочетались традиции камского и волго-окского мезолита (Лузгин, 1972. С. 122). Подобная оценка сохраняет значение и сейчас» (Ошибкина, 2006. С. 106).

Л.Л. Косинская исследованные ею мезолитические памятники бассейна средней и нижней Вычегды разделила на две группы. В основу деления положен прежде всего анализ техники первичного расщепления*. В первую группу включены стоянки Евдино II, Ярега. Во вторую – стоянка Ветью II, а также Ыджыд-ты и разрушенные памятники: Остров, Кожмудор. Памятники евдинской (первой) группы сходны со средневычегодской культурой и Л.Л. Косинская их рассматривает как составную часть вычегодского мезолита, который в свою очередь представляется ей одним из вариантов мезолитической общности Урала.

Стоянки группы Ветью II по ряду особенностей инвентаря обнаруживают аналогии в Волго-Окском междуречье (бутовской культуре). Выделив эти культуроразличающиеся группировки, Л.Л. Косинская, тем не менее, приходит к выводу, который отчасти сближает ее точку зрения с позициями И.В. Верещагиной и В.Е. Лузгина. «Очевидно, уже в позднем мезолите население Вычегодского бассейна было смешанным, но процесс взаимной ассимиляции приуральской и западной традиций не был завершен» (Косинская, 2007. С. 137). Здесь есть некоторое противоречие. Согласно Л.Л. Косинской, евдинские памятники совсем как приуральские (камские), а в ветьюских есть только элементы волго-окских традиций, т. е. население было все-таки неоднородно, и процесс смешения не являлся преобладающим, единственным.

Таким образом, в предыдущих обобщающих исследованиях по мезолиту региона почти всегда присутствуют два положения: первое – заселение и как вариант инфильтрация и второе – смешение, ассимиляция, нивелировка культурных традиций, сложение местной этнокультурной общности.

Несколько отличается позиция Г.М. Бурова, который в середине 1980-х гг. существенно откорректировал свою концепцию мезолита региона (Буров, 1986). Им выделено два культурных

* Л.Л. Косинской разработана методика анализа кремневого инвентаря и прежде всего наиболее его массовой части – пластин, исходя из их метрических показателей: ширине, длине сечений, с использованием таких элементов математической статистики, как тенденции, тип распределения, коэффициенты сходства, верификация статистических гипотез, критерий Робинсона (Косинская, 1988).

типа: камско-печорский, датируемый VIII–VII тыс. до н.э., и висский (вторая половина VII–VI тыс. до н.э.). Камско-печорский тип, согласно Г.М. Бурову, включает мезолитические стоянки с «микро-макролитическим инвентарем» Приуралья, Валдая, Сухоны, Прииртышья и частично Поволжья. Исследователь полагает, что в этот культурный тип входят в среднем Прикамье – Нижнее Адищево, Кама-Жулановка, нижнекамско-бельском районе – Татарский Азибей III, Романовка II, Холодный Ключ, Западном Прииртышье – Сухрино I, Крутики I, Убаган III, Вятском крае – Степинцы II, Городище, Баринка II, поречье Сухоны – Колупаевские памятники и Волго-Окском бассейне – средний слой Елина Бора, Борки, Петрушино, Скнятино, а также на Валдае – Боровичи; археологические культуры: позднебутовская, валдайская, сухонская и др.* На Вычегде к этому типу отнесены стоянки средневычегодской культуры Курьядор I, Пезмог I, Ульяново и др., а также стоянка Кузьвомын, статус которой внутри культурного типа не определен. В данный культурный тип включены также большинство стоянок Печоры (включая и Большеземельскую тундру) и ижемская стоянка Турун-Нюр I (рис. 1).

Ко второму (висскому) культурному типу отнесены материалы Висского 1 торфяника, суходольных комплексов Виса 1, Симвы 3, стоянок Чертас II и Топыд-Нюр 5 (рис. 1).

Судя по всему, культурные типы Г.М. Бурова должны соответствовать территориальным или даже этнокультурным общностям. Причем камско-печорский занимает значительную территорию, выходящую за рамки Северного и Среднего Приуралья.

Вопросы происхождения мезолитических индустрий, появившихся на территории региона, исследователями мезолита региона не рассматривались. Даже В.И. Канивец в своей, часто упоминаемой здесь, работе (Канивец, 1973. С. 21) скорее подчеркнул отличие местных мезолитических материалов от индустрии печорской позднепалеолитической стоянки Медвежья пещера**.

В настоящее время с учетом новых данных можно представить следующую картину развития мезолита Европейского Северо-Востока.

Постоянное население на данной территории на протяжении эпохи мезолита, как и последующей, отсутствовало. Сюда проникали небольшие группы населения с территорий, находящихся на западе, юго-западе (Волго-Окское междуречье), и с территории, находящейся на юге (Прикамье). Выделенные на Европейском Северо-Востоке мезолитические культуры имеют очень высокую степень сходства с таковыми в означенных регионах. Например, парчевская и бутовская культуры, средневычегодская и так называемая камская мезолитическая культуры.

Эти культуры, а также культурные общности, выявляемые на основе их сходства, в известной степени носят условный (служебный) характер, так как не обладают таким существенным признаком – распространением памятников на единой в культурном отношении территории. Поэтому предлагается выделение на ЕСВ, а возможно, и на всем европейском Севере России двух традиций – западной и приуральской.

---

* Особо спорное присутствие здесь бутовской культуры.

** В этой связи чрезвычайно важно открытие расположенной за полярным кругом стоянки Пымва-Шор 1, которую П.Ю. Павлов представляет как финальнопалеолитическую (Павлов, 2008. С. 38, 43). Это единственная стоянка этого периода в Приуралье, которая имеет радиоуглеродные датировки. Однако среди исследователей нет единства по поводу даты стоянки, и есть публикации, где называется более древний ее возраст (Свендсен и др., 2008). Таким образом, пока нет достаточных оснований связывать или не связывать в плане генезиса какую-либо мезолитическую индустрию Приуралья с немногочисленными материалами Пымва-Шора 1.

К первой из них относится парчевская культура (стоянки Парч 1, 2 и некоторые другие), представляя раннюю стадию развития традиции (Волокитин, 2006), и более поздняя топыднюровская (стоянки Топыд-Нюр 5, 7, Чертас 2), а также Висский 1 торфяник (рис. 1). Очевидны аналогии с бутовской культурой Волго-Окского междуречья, особенно материалов парчевских стоянок.

Для западной традиции характерно наличие конусовидных нуклеусов, при полном отсутствии карандашевидных, незначительная доля микропластин (5% и менее от общего числа пластин), равное соотношение узких и средних пластин при довольно высокой доле широких. Среди сечений пластин преобладают короткие. Общий процент пластин по отношению к сумме пластин и отщепов – 50% и менее. Высока доля орудий в коллекциях (5 – 15%). Орудийный набор разнообразен по морфологии, обладает серийностью. Довольно часто встречаются орудия, изготовленные из отщепов. В их числе не только скребки, но много и других форм.

Сравнивая бутовскую и парчевскую культуры, следует иметь в виду их разную степень изученности. Бутовская культура насчитывает десятки опорных памятников (у различных авторов от 15 до 70), очерчен ее ареал. Парчевская же культура в основном характеризуется материалами стоянок Парч 1 и Парч 2 (Волокитин, 2006). Тем не менее, благодаря обширным коллекциям данных памятников сравнительный анализ индустрий двух культур вполне возможен.

Технико-типологические характеристики и список ведущих форм каменного инвентаря бутовской культуры определены и выверены достаточно давно (Сорокин, 1990. С. 106–116; 1991. С. 7–8). Сделано это было для памятников, на которых культурные остатки представлены исключительно находками из камня, еще до исследований торфяниковых памятников с костяным инвентарем и деревянными изделиями. Это обстоятельство, тем не менее, делает сравнение характеристик бутовских и парчевских индустрий, где практически не сохранились изделия из органических материалов, за исключением фрагментов двух предметов из кости, сугубо корректным.

Как и в бутовской, в парчевской культуре преобладают конусовидные нуклеусы, призматические – единичны, много сколов подправки (ретуширования) площадок. Среди ребристых сколов наблюдаются только односторонне ретушированные, которые и в бутовской культуре абсолютно преобладают (Сорокин, 1990. С. 107). В бутовских коллекциях нередки остаточные нуклеусы, часть из них, как и на стоянках Парч 1 и Парч 2, переоформлена в орудия. Например, на стоянке Петрушино (Сорокин, 2004. С. 78) отмечены скребок и комбинированное орудие (зубчато-выемчатое-отжимник) на остаточных нуклеусах. Размеры пластин сходны по ширине, показатели общей пластинчатости (50% и менее) и пластинчатости орудий (около 70%) стоянок Парч 1 и 2 вписываются в рамки, обозначенные для бутовской культуры (Сорокин, 1990. С. 107). И также высок процент орудий – до 15% от общего числа кремневых изделий.

Количество скребков и резцов в парчевских коллекциях примерно равное. В бутовской культуре это отношение нестабильно. И это подтверждает скептическое отношение к резцово-скребковому показателю (Сорокин, 1990. С. 110). В парчевской культуре, как и в бутовской, безусловно, преобладают резцы на углу сломанной пластинки, в обеих есть ретушные и двугранные нуклевидные, причем их доля среди общего количества резцов примерно одинакова. Имеются также резцы на коротких сечениях (рис. 2, *4*; 3, *14* – стоянки Парч 1 и 2; Сорокин, 1990. Рис. 6, *1-4* – стоянка Петрушино), сходны даже орудия на сечениях крупных пластин с серией резцовых

сколов по одному краю и выступом, оформленным противолежащей ретушью по другому (рис. 2, *6* – стоянка Парч 1; Сорокин 1990. Рис. 6, *5* – стоянка Петрушино).

Скребки бутовской культуры довольно массивные, хотя специально не отмечается присутствие высоких форм (Сорокин, 1990). В парчевской индустрии при меньшем разнообразии есть высокие, в том числе нуклевидные, скребки. В обеих индустриях есть раклеты. В бутовской культуре имеются рассеченные скребки, что характерно для парчевской индустрии. Особенно много таких форм в коллекции со стоянки Петрушино.

Отметим также присутствие изготовленных на крупных ребристых пластинах обушковых ножей, аналогичных найденному на стоянке Парч 1. Обушок этих орудий в дополнение к односторонней обработке ребра (сохраняющей часть обработки ребра нуклеуса) имеет дополнительно встречную ей ретушь (Сорокин, 1990. Рис. 17, *43;* есть такое орудие и на стоянке Петрушино).

В отличие от бутовской культуры в парчевской нет иволистных наконечников стрел на пластинах, нет и наконечников с обработкой черешка только дорсальной ретушью, отсутствуют трапеции. Отметим, однако, что последние обнаружены на памятниках поздней стадии бутовской культуры (Сорокин, 1991. С. 8; 2004. С. 81). В обеих культурах представительна серия пластинок с затупленным краем, есть прямоугольники (рис. 3, *5–8*); вкладыши из фрагментов пластин также многочисленны и имеют сходство в оформлении деталей. Как в бутовской, так и парчевской культуре присутствуют симметричные острия, плечиковые сверла, проколки с сильно удлиненным жалом (рис. 4, *4–5*; а также см. экземпляр со стоянки Заборовье 2: Koltsov, Zhilin, 1999. Fig. 6, *6*; и со стоянки Петрушино: Сорокин, 1990. Рис. 5, *25*). Отличительная черта парчевских стоянок – это наличие серий мелких проколок, часть из них с выделенными плечиками (рис. 4, *6*). Такие проколки имеются на стоянках Заднее-Пилево 1 (Сорокин, 1990. Рис. 12, *21*) и Микулино (Сорокин, 1984. Рис. 3, *18*), хотя они и не отмечены в списке орудий, характерных для бутовской культуры. К сожалению, рубящие орудия парчевских стоянок единичны и не могут сравниваться с бутовскими.

Тем не менее вышеперечисленное подтверждает несомненное сходство, которое наблюдается даже по единичным (раклеты) находкам. Некоторые различия, например, отсутствие иволистных наконечников, объясняются, вероятно, недостаточной изученностью территории Европейского Северо-Востока. Другие – например, серийность мелких проколок в парчевской индустрии, могут свидетельствовать о своеобразии отдельных памятников, что допускается для бутовской культуры.

Помимо того, что материалы парчевской культуры имеют безусловное сходство с бутовской культурой, прослеживаются также аналогии с индустриями бассейна Шексны (Лотова Гора, Лиственка 3а, б, в, и др.), исследованными Н.В. Косоруковой (Косорукова, 2000). Вместе с тем, нельзя говорить о полной тождественности инвентарей этих групп памятников. Имеются отличия в деталях оформления такого важного компонента (этих) индустрий, как наконечники стрел, а также в составах и характеристиках другого инвентаря. Определенные аналогии имеются и в недавно открытых, к сожалению, еще слабо изученных памятниках эпохи мезолита, на территории Архангельской области (Едовин, 2009; Едовин, Беличенко, 2009).

Поздняя стадия западной традиции – это памятники типа Топыд-Нюр 5 и 7 на Печоре, Чертас 2 на Вычегде. Вероятнее всего, к ним же относится основная часть материалов Висского 1

торфяника и связанных с ним находок с суходола Вис 1, которые, как и топыднюровские, датируются концом бореала – началом атлантикума (Буров и др., 1972). Материалы Висского 1 торфяника, представленные обширной коллекцией изделий из различных пород дерева, коры, бересты и травы, достаточно полно характеризуют хозяйственную деятельность населения конца эпохи мезолита. Однако кремневая индустрия здесь изучена не столь хорошо. Вполне вероятно, что памятники поздней стадии западной традиции Европейского Северо-Востока – это (также) отражение проникновения сюда групп бутовского населения или сходного с ним населения с юго-запада или запада (Онежское озеро, Балтия), а не результат эволюции парчевской культуры (Волокитин, 1997). Возможно, стоит предположить распространение элементов веретьевской культуры, может быть, не населения, а именно элементов культуры в восточном направлении, исходя из материалов стоянок Явроньга 1 (оз. Красный Окунь, бассейн р. Пинега), Пижма 2 (оз. Ямозеро, бассейн р. Печора), Вис 1 и Висский 1 торфяник.

Коллекции памятников приуральской традиции объединяются по показателям техники раскалывания. Наличествуют конусовидные (рис. 5, *10, 13, 14*) и, что особо показательно, карандашевидные нуклеусы (рис. 5, *8–9*). Пластины абсолютно преобладают, составляя 65–80% от суммарного количества пластин и отщепов. Повышены (или резко повышены) тенденции узких пластинок, как правило, значительна доля микропластин, свыше 10% от общего числа пластин, т.е. индустрии характеризуются высокой степенью микролитизации. Общим является такой показатель, как преобладание длинных сечений пластин. В орудийном наборе, который не отличается разнообразием, большую часть составляют пластины с ретушью и их обломки. Доля орудий с выраженной морфологией в коллекциях мала. Отсутствуют наконечники стрел. В связи с этим предполагается, что в индустриях данной традиции преобладали вкладышевые орудия, в том числе и метательные наконечники. Орудия из отщепов единичны, в основном, это скребки или так называемые отщепы с ретушью.

Приуральскую традицию составляют средневычегодская (ульяновская) культура*, памятники типа Евдино нв р. Вымь (по Л.Л. Косинской) и Лек-Леса 1 и др. на р. Ижма. Они имеют высокую степень сходства с «камским мезолитом», «камской мезолитической культурой», а также мезолитом среднего Зауралья. Стоянка Лек-Леса имеет дату – 9010±70 ЛЕ-3607 (Волокитин, 2005).

Основы изучения мезолита Прикамья заложены О.Н. Бадером. В его часто цитируемой работе (Бадер, 1966. С. 200) на карте отмечена *«территория камской мезолитической культуры»,*

* Данная культура включает памятники Курьядор, Пезмог 1 и Ульяново. Находящаяся в верховьях Вычегды стоянка Кузьвомын не вошла в этот список, скорее, по соображениям территориальной удаленности. Однако признаки этой культуры описаны Г.М. Буровым совершенно неудовлетворительно (Буров, 1986; Burov, 1999). Для средневычегодской культуры – «… свойственны: распространение топоров и тесел с перехватом из кварцита (только стоянка Ульяново – прим. А.В.); использование (очень редкое) свидероидных наконечников (один, очень сомнительный – А.В.) стрел и высоких трапеций (одна – А.В.) с боковыми выемками (Пезмог I); присутствие массивных узколезвийных микроскребков (в предыдущих работах автор называл их долотцами – А.В.) и вкладышей с усеченным подретушированным концом (в основном на стоянке Пезмог 1 – А.В.), а также большой (5,0 – 27,3) резцово-скребковый показатель (РСП)» (Буров, 1986. С. 5). Из этого описания неясны критерии выделения культуры.
По нашим представлениям, для средневычегодской культуры характерно присутствие карандашевидных нуклеусов; «камский тип» распределения пластин по ширине (Волокитин, Косинская, 1995) со значительной долей микропластин; высокий процент длинных сечений пластин; ограниченный набор орудийных форм; при отсутствии наконечников стрел; обилие специфических орудий так называемых пластин-долотец (рис. 6, 1–3).

включающая стоянки рек Адзьва, Вычегда, Кама с приустьевым участком и Белая. Эти же памятники, по его мнению, очерчивают территорию «камской историко-культурной области эпохи мезолита» (Бадер, 1966. С. 199). Впрочем, исследователь в данной работе употребляет по отношению к тем же самым древностям еще и такие термины, как *«камский мезолит», «особая камская мезолитическая культурная область»* (Бадер, 1966. С. 197). В более поздних работах, помещенных в одном сборнике, он пишет как о *камской культуре* про стоянки Деуковская, Тат-Азибейская, Сюньская 2 (Бадер, 1981а. С. 4), так и о генезисе *уральского мезолита* (Бадер, 1981б. С. 45–47).

Очевидно, что О.Н. Бадер не видел разницы во всех этих наименованиях. Сейчас это можно объяснить тем, что в то время уровень знаний мезолитических древностей Приуралья и соседних регионов обусловил нечеткое употребление вышеперечисленных, имеющих разный таксономический уровень понятий.

Таким образом, исходя из вышеизложенного, утверждать, как это подчас делается (Кольцов, 1989. С. 89–90; Лычагина, 2008. С. 41; 2009. С. 145–153), что О.Н. Бадером выделена «*самостоятельная камская мезолитическая культура»* – не совсем корректно.

Нужно подчеркнуть, что исследователи мезолита ЕСВ, обращаясь в своих построениях к материалам мезолитических памятников Прикамья, не использовали такое наименование, как камская мезолитическая культура, предпочитая нейтральное «мезолит Камы», «камский мезолит». Г.М. Буров, отмечая сходство мезолитических памятников ЕСВ с таковыми Прикамья, позволил себе объединить их в одну группу, получившую наименование *камско-печорско-вычегодский мезолит* (Буров, 1965). А уж потом Козловский (1973) поставил знак равенства между камской культурой и камско-печорским-вычегодским мезолитом Г.М. Бурова. В дальнейшем, с накоплением новых данных, Г.М. Буров в развитие своих взглядов увидел необходимость выделить *камапечорский культурный тип,* в который включил средневычегодскую (ульяновскую) культуру (Буров,1986; Burov, 1999).

Нынешнее поколение археологов отводит камской мезолитической культуре более скромную территорию, в пределах Среднего Прикамья (Лычагина, 2008). Ее периодизация у исследователей разнится и описание содержания периодов тоже. Отсутствие независимых датировок – основная причина таких разногласий. Другая причина – наличие уникального мезолитического поселения Огурдино протяженностью 3 км (Мельничук, Чурилов, 2008). Вряд ли оно однородно по материалу. Если бы в коллекции Огурдино отсутствовали трапеции, то в мезолите Камы выделялись бы две культуры. С трапециями и без. Это было бы очень логично и подтверждается материалами других регионов. Скорее всего, трапеции Огурдино**,** кстати, их там не так уж много (всего шесть штук) – отражение более ранних посещений данного местонахождения. И тогда сравнение мезолитических материалов ЕСВ следует проводить с мезолитическими памятниками типа Нижнеадищевская или культурой, которую они представляют. С ними материалы памятников приуральской традиции имеют очень большую степень сходства.

Следует указать на особенность средневычегодской (ульяновской) культуры – обилие своеобразных орудий, микроскребков-долотец (рис. 6, *1–3*). Такого не наблюдается в материалах памятников Прикамья.

Помимо описанных выше двух традиций в регионе исследованы памятники, в материалах которых сочетаются их черты – т. е. на технологическую основу приуральской традиции наложен

орудийный набор западной традиции. Наиболее показательны в этом отношении стоянки Чердыб 1 и 2, изученные в 2003–2005, 2007 гг. на верхней Вычегде. Здесь присутствуют карандашевидные нуклеусы, а тип распределения пластин по ширине близок камскому, имеет выраженный пик узких пластинок. Вместе с тем орудийный набор чердыбских инвентарей отличается большим разнообразием форм, и его доля среди находок выше, чем у стоянок приуральской традиции. Особенно стоит отметить серийность пластинок с притупленным краем, пластинок с усеченным концом и резцов на коротких сечениях и проксимальных сегментах пластин. Эти черты сближают стоянки Чердыб 1 и 2 с парчевскими, т. е. западной традицией в мезолите региона. Дата чердыбских материалов по углю – 7520±90; 7460±70 ГИН 13357-13358 (Волокитин, Зарецкая, 2006). Вероятно, такие памятники появились в регионе на заключительной стадии эпохи мезолита.

Стоянки, сходные с чердыбскими, были распространены достаточно широко. Это памятники типа Ветью по Л.Л. Косинской (2007) на Выми, а также Филичаевские 2–5 стоянки на Северной Двине (Верещагина, 2010). Среди последних наиболее представительна Филичаевская 5 стоянка. Ее инвентарь сравнивается со средневычегодской и сухонской культурами одновременно (Верещагина, 1996). Сухонская же культура, как известно, сопоставлялась ранее с бутовской культурой. На самом деле в ней широко представлены карандашевидные нуклеусы, отсутствующие в бутовской культуре (Ошибкина, 1983). Весьма вероятно, что такие материалы, где сочетаются признаки двух традиций, представлены на некоторых стоянках Прикамья (Мельничук, 2001), Камско-Вятского региона (Гусенцова, Голдина, 1997. С. 62), а также в култинской культуре Волго-Окского междуречья (Сорокин, 2004. С. 8–86; 2008. С. 163–169, 270, 294–304). Таким образом, процесс «смешения традиций» происходил на достаточно обширной территории. Следует признать, что и памятники, сочетающие признаки двух традиций, как и более ранние, появились на территории ЕСВ в результате миграций. А особой этнокультурной общности на территории региона не складывалось в силу всего вышесказанного. К этому же времени относятся памятники топыднюровской стадии западной традиции (Топыд-Нюр 5, 7а на Печоре, Чертас 2 на Вычегде и, вероятно, Висский 1 торфяник на Выми).

Заключение

Таким образом, на территории Европейского Северо-Востока мезолитические памятники относятся к двум традициям. Их связи прослеживаются довольно отчетливо. Первая, западная, традиция отличается присутствием черешковых наконечников стрел, разнообразным серийным орудийным набором. Вторая, уральская, при отсутствии наконечников стрел и обедненном наборе орудий, отличительной чертой имеет наличие карандашевидных нуклеусов. Существенно отличается и распределение пластин по ширине и длина сечений пластин.

Скорее всего, нельзя писать о том, что памятники эпохи мезолита Европейского Северо-Востока входили в состав тех или иных культурных общностей, т.е. нельзя говорить о мезолите описываемого региона, в частности, в географическом смысле, выделяя провинции или единства (территориальные). На наш взгляд, не может также идти речи о крупных массовых и продолжительных по времени миграциях в регион в эпоху мезолита. Население, продвигавшееся на данную территорию небольшими группами, или не имело связи с родственными коллективами, или же не существовало здесь достаточно долго для установления таких связей. Высокая мобильность населения и передвижение его внутри больших территорий хорошо иллюстрируются мезо-

литическими материалами Европейского Северо-Востока, которые достаточно определенно подтверждают точку зрения, наиболее полно сформулированную А.Н. Сорокиным (Volokitin, 2003).

Исходя из вышеизложенного, обоснованным является утверждение о существовании определенных традиций: инвентарей с наконечниками стрел, а также без таковых, как отражения передвижения их носителей на значительные расстояния, практически без задержки надолго на какой-либо территории. Оставленные ими археологические памятники на определенной территории вводятся в научный оборот как исследовательские единицы-культуры под различными наименованиями.

Наибольшая степень сходства наблюдается у пребореальных парчевских, шекснинских и бутовских памятников. Именно в это время, в интервале 9500–9300 л. н., в Волго-Окском междуречье сложились наиболее оптимальные условия Пребореала. Важным событием этого этапа стало понижение уровня озерных водоемов и освоение вследствие этого человеком междуречных пространств (Алешинская, 2001; Спиридонова и др., 2003. С. 505). Если это так, то вполне вероятно, что Галичская возвышенность, начинающаяся в районе г. Костромы, и Северные увалы, к которым она подходит, в свою очередь смыкающиеся с южной, юго-восточной оконечностями Тиманского кряжа, представляют собой путь передвижения древних коллективов данной традиции. Возможно, эти перемещения первоначально были сезонными и, как полагают некоторые исследователи (Сорокин, 1990. С. 170–171; 1994; Sorokin, 1999; Гордон, 2002; Gordon, 2003), были связаны с сезонными миграциями стад северного оленя. В последующем же часть населения оставалась на северных территориях на более длительный период. Аналогичным образом можно объяснить сходство памятников уральской традиции и камских.

На заключительной стадии мезолита в регионе, как и в большинстве соседних территорий, появляются памятники, сочетающие признаки двух более ранних традиций, притом, что имеются памятники такого же возраста, но относящиеся к западной традиции.

Таким образом, новая, более надежная источниковая база, характеризующая мезолитические древности региона, позволила существенно уточнить высказанные в предыдущие годы исследований предположения об освоении Европейского Северо-Востока в эпоху мезолита. Это не заселение, а именно освоение. В связи с этим постановка проблемы культурных связей в эпоху мезолита для описываемого региона и имеющихся материалов не имеет смысла. Попытки в этом направлении (Буров, 1990а; 1990б) лишь подтверждают данное положение.

Литература

Алешинская А.С. Палеогеографические условия обитания древнего человека в мезолите в Волго-Окском междуречье (по палинологическим данным): Автореф. дис… канд. геогр. наук. М., 2001. 24 с.

Бадер О.Н. Основные итоги и задачи изучения истории Урала в эпоху камня и бронзы // Второе Уральское археологическое совещание при Уральском университете. Итоги и проблемы изучения археологии Урала. Свердловск, 1961. С. 11–22. (ВАУ. Вып. 1).

Бадер О.Н. Мезолит лесного Приуралья и некоторые общие вопросы изучения мезолита // МИА. М., 1966. № 126. С. 194–205.

Бадер О.Н. Итоги работ Нижнекамской экспедиции // ВАУ. Свердловск, 1981а. Вып. 15. С. 3–6.

Бадер О.Н. Некоторые итоги и перспективы изучения каменного и бронзового веков Урала // ВАУ. Свердловск, 1981б. Вып. 15. С. 44–48.

Буров Г.М. Двуслойная стоянка в урочище Кузьвомын на верхней Вычегде // ИКФВГО. Сыктывкар, 1959. Вып. 5. С. 161–168.

Буров Г.М. Стоянки с микролитическим инвентарем на р. Вычегде // СА. 1961а. № 1. С. 247–255.

Буров Г.М. Основные итоги и проблемы изучения археологии Вычегодского края // Второе Уральское археологическое совещание при Уральском университете. Итоги и проблемы изучения археологии Урала. Свердловск, 1961б. С. 100–108. (ВАУ. Вып. 1).

Буров Г.М. Вычегодский край. Очерки древней истории. М.: Наука, 1965. 200 с.

Буров Г.М. Древний Синдор (из истории племен Европейского Северо-Востока в VII тысячелетии до н.э. – I тысячелетии н.э.). М.: Наука, 1967. 220 с.

Буров Г.М. Крайний Северо-Восток Европы в эпоху мезолита, неолита и раннего металла: Автореф. дис... д-ра ист. наук. Новосибирск, 1986. 37 с.

Буров Г.М. Ранний (камско-печорский) микро-макролитический мезолит Приуралья и Черноморско-Каспийская область // Проблемы древней истории Северного Прикаспия: Тез. докл. конф. Куйбышев, 1990а. С. 19–21.

Буров Г.М. Этапы развития и западные связи мезолита в Северном Приуралье (по данным деревянного инвентаря) // Взаимодействие древних культур Урала: Межвуз. сб. науч. тр. Пермь, 1990б. С. 28–33.

Буров Г.М., Романова Е.Н., Семенцов А.Д. Хронология деревянных сооружений и вещей, найденных в Северодвинском бассейне // Проблемы абсолютного датирования в археологии. М., 1972. С. 76–79.

Верещагина И.В. Памятники с микролитическим инвентарем Большеземельской тундры // Археологические исследования в бассейне Печоры. Сыктывкар, 1973. (МАЕСВ. Вып. 5).

Верещагина И.В. Мезолит и неолит крайнего Европейского Северо-Востока: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1989.

Верещагина И.В. Новая стоянка в группе мезолитических памятников на Песчанском полое Северной Двины // Древности Русского Севера. Вологда, 1996. Вып. 1. С. 27–34.

Верещагина И.В. Мезолит и неолит крайнего Европейского Северо-Востока. СПб.: Петербургское востоковедение, 2010. 232 с.

Волокитин А.В. Мезолитический памятник Лек-Леса на р. Ижма // Каменный век лесной зоны Восточной Европы и Зауралья. М.: ACADEMIA, 2005. С. 198–205.

Волокитин А.В. Мезолитические стоянки Парч 1 и Парч 2 на Вычегде. Сыктывкар, 2006. 126 с.

Волокитин А.В., Зарецкая Н.Е. Радиоуглеродная хронология заселения Европейского Северо-Востока в начале голоцена // Современные проблемы археологии России: Сб. науч. тр. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2006. Т. 1. С. 185–188.

Волокитин А.В., Косинская Л.Л. К проблеме культурогенеза мезолита Европейского Северо-Востока // Этнокультурные контакты в эпоху камня, бронзы, раннего железа и средневековья в Северном Приуралье. Сыктывкар, 1995. С. 25–42. (МАЕСВ. Вып. 13).

Гордон Б. Преследователи оленьих стад и полуоседлые охотники: загадка эпохи мезолита крайнего северо-востока Европы // Северный археологический конгресс: Тезисы докладов. Ханты-Мансийск; Екатеринбург: «Академкнига», 2002. С. 285.

Едовин Е.Г. Новая группа мезолитических памятников Архангельского Севера. Стоянки Приозерья // Тверской археологический сборник / Ред. И.Н. Черных. Тверь: ООО «Изд-во Триада», 2009. Вып. 7. С. 98–107.

Едовин Е.Г., Беличенко А.Е. Локальные группы мезолитического населения Архангельского Севера // Тверской археологический сборник. Тверь: ООО «Изд-во Триада», 2009. Вып. 7. С. 108–122.

Канивец В.И. Древние поселения Южно-Печорской равнины // Древние поселения на Печоре и Вычегде. Сыктывкар, 1965. (МАЕСВ. Вып. 3).

Канивец В.И. Основные проблемы археологии Крайнего Северо-Востока Европы // V Уральское археологическое совещание: Тезисы докладов и сообщений. Сыктывкар, 1967. С. 3–6.

Канивец В.И. Мезолитические стоянки на Средней Печоре и Усе // Поселения каменного и медно-бронзового века на Печоре и Усе. Сыктывкар, 1973. С. 3–23. (МАЕСВ. Вып. IV).

Канивец В.И., Лузгин В.Е. Археологическая разведка на Южно-Печорской равнине. Отчет о работах 1962 г. в зоне затопления Усть-Войского водохранилища // МАЕСВ. Сыктывкар, 1963. Вып. II. 84 с.

Кольцов Л.В. Мезолит Среднего Поволжья // Мезолит СССР / Археология СССР. М.: Наука, 1989. С. 87–92.

Косинская Л.Л. Некоторые результаты статистического анализа кремневого инвентаря стоянок каменного века бассейна Вычегды // Памятники эпохи камня и металла Северного Приуралья. Сыктывкар, 1988. С. 33–47. (МАЕСВ. Вып. 11).

Косинская Л.Л. Мезолитические памятники в бассейне нижней Вычегды //Каменный век европейского Севера (сборник статей). Сыктывкар, 2007. С. 125–147.

Косорукова Н.В. Мезолитические памятники в бассейне Шексны (хронология памятников и характеристика развития каменной индустрии) // Тверской археологический сборник. Тверь, 2000. Вып. 4. С. 91–98.

Лузгин В.Е. Древние культуры Ижмы. М.: Наука, 1972. 128 с.

Лычагина Е.Л. Каменный век Пермского Предуралья: учебное пособие. Перм. гос. пед. ун-т. Пермь, 2008.

Лычагина Е.Л. Вопросы периодизации камской мезолитической культуры // Тверской археологический сборник. Тверь, 2009. Вып. 7. С. 145–153.

Мельничук А.Ф. Промысловые стоянки мезолитических охотников в бассейне р. Зырянки близ города Березники Пермской области // Охранные археологические исследования на Среднем Урале: Сб. статей. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2001. Вып. 4. С. 19–36.

Мельничук А.Ф., *Чурилов Э.В.* «Клад» топоров из мезолитического поселения Огурдино // Человек, адаптация, культура. М., 2008. С. 267–272.

Ошибкина С.В. Мезолит бассейна Сухоны и Восточного Прионежья. М.: Наука, 1983.

Ошибкина С.В. Мезолит Восточного Прионежья. Культура Веретье. М., 2006. 324 с.

Павлов П.Ю. Палеолит северо-востока Европы: новые данные // Археология, этнография и антропология Евразии. 2008. № 1 (33). С. 33–45.

Свендсен Й.И., Павлов П., Хегген Х., Мангеруд Я., Хуфтхаммер А.К., Робрукс В. Природные условия плейстоцена и палеолитические стоянки на севере западного склона Уральских гор //

Путь на Север. Окружающая среда и самые ранние обитатели Арктики и субарктики: Материалы Международной конференции. М.: Ин-т географии РАН, 2008. С. 69–78.

Сорокин А.Н. Мезолит Великих Мещерских озер // СА. 1984. № 1.

Сорокин А.Н. Бутовская мезолитическая культура (по материалам Деснинской экспедиции). М., 1990.

Сорокин А.Н. Новые данные по мезолиту бассейна р. Оки // Актуальные вопросы Волго-Окского мезолита. М., 1991. С. 3–27.

Сорокин А.Н. Мезолит Волго-Окского бассейна // Проблемы каменного века Русской равнины. М.: Научный мир, 2004. С. 68–91.

Сорокин А.Н. Мезолитоведение Поочья. М., 2008.

Спиридонова Е.А., Энговатова А.В., Алешинская А.С. Окружающая среда и древний человек в мезолите-бронзе Волго-Окского междуречья // Горизонты антропологии. Труды Международной научной конференции памяти академика В.П. Алексеева. М.: Наука, 2003. С. 504–509.

Чернов Г.А. Атлас археологических памятников Большеземельской тундры. М.: Наука, 1985. 169 с.

Kozlowski S.K. Introduction to the History of Europe in Early Holocene. In: Kozlowski S.K. *The Mesolithic in Europe.* Warsaw: Warsaw University Press, 1973. P. 331–366.

Koltsov L.V., Zhilin M.G. Tanged Point Cultures in the Upper Volga Basin. In: S.K. Kozlowski et all (ed.) *Tanged Point Cultures in Europe*. Lublin: M. Curie-Sklodowska Univ. Press. 1999. P. 346–360.

Burov G.M. "Postswiderian" of the European North-East. In: S.K. Kozlowski et all (ed.) *Tanged Point Cultures in Europe*. – Lublin: M. Curie-Sklodowska Univ. Press. 1999. P. 281–291.

Sorokin A.N. On the Problem of Influens of Volga-Oka Mesolithic to the Origin of Kunda Culture. In: Thevenin A. (ed.) *L'Europe des derniers chasseurs: epipaleolitthique et mesolithique.* Actes du 5-e colloque international UISPP, commission XII, Grenole, 18–23 septembre 1995. Paris: Editions du CTHS. 1999. P. 425–428.

Volokitin A.V. Some Peculiarities of Colonization of the European North-East in Mesolithic. In: Helena Knutson (editor) Pioneer settlments and colonization processes in Barents region. Vuollerim Paper on Hunter-gatherer Archaeology. 2003. Vol. 1. P. 11–18.

Рис. 1. Карта памятников, упомянутых в тексте статьи.

1 – культура веретье: Веретье 1, Сухое, Нижнее Веретье, Погостище 1, Попово 1, Лукинчиха; могильники Песчаница, Попово; 2 – памятники с наконечниками стрел на пластинах, западная традиция; 3 – памятники уральской традиции; 4 – памятники с сочетанием признаков западной и уральской традиций; 5 – распространение мезолитических местонахождений.

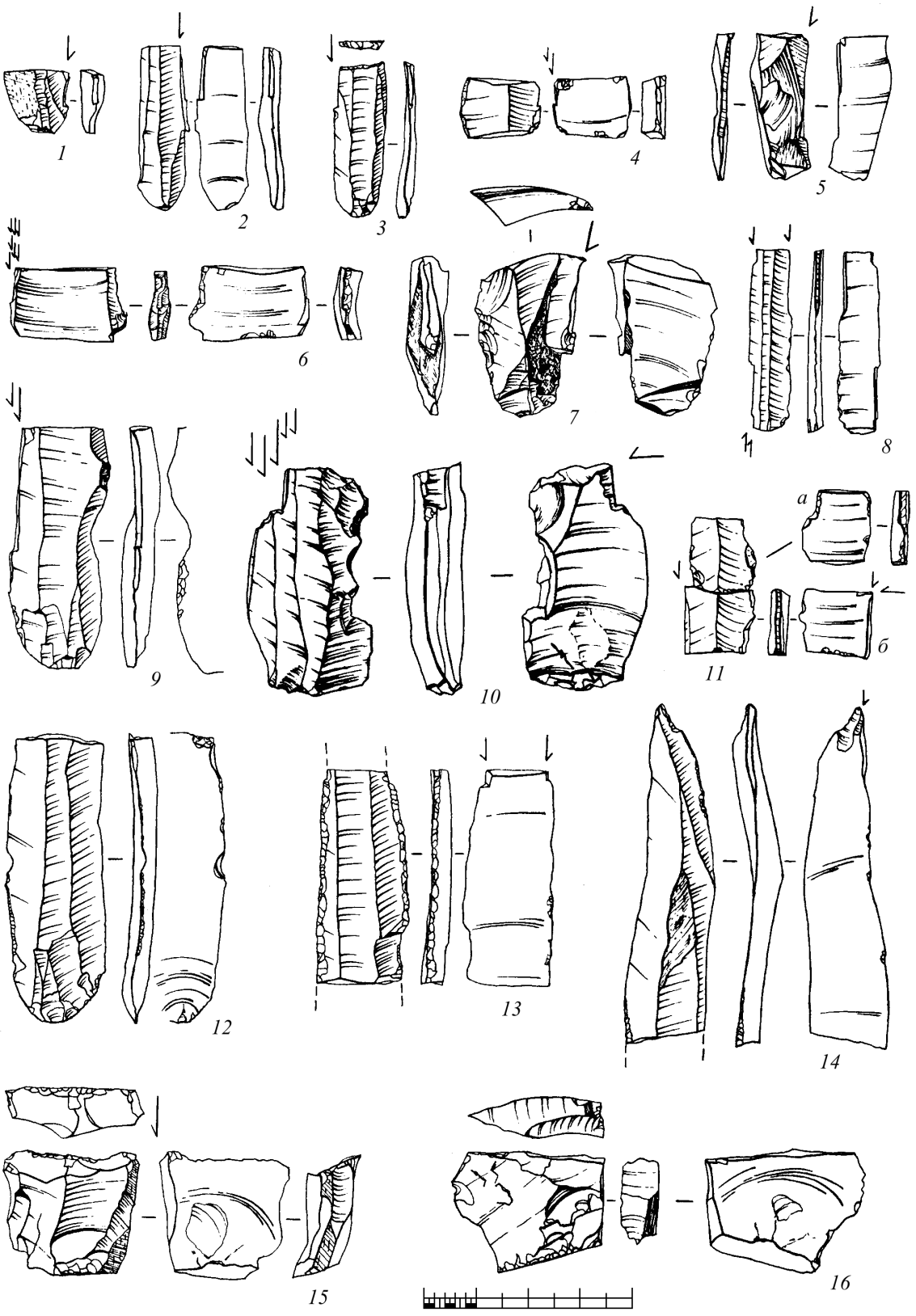


Рис. 2. Парч 1. Резцы.

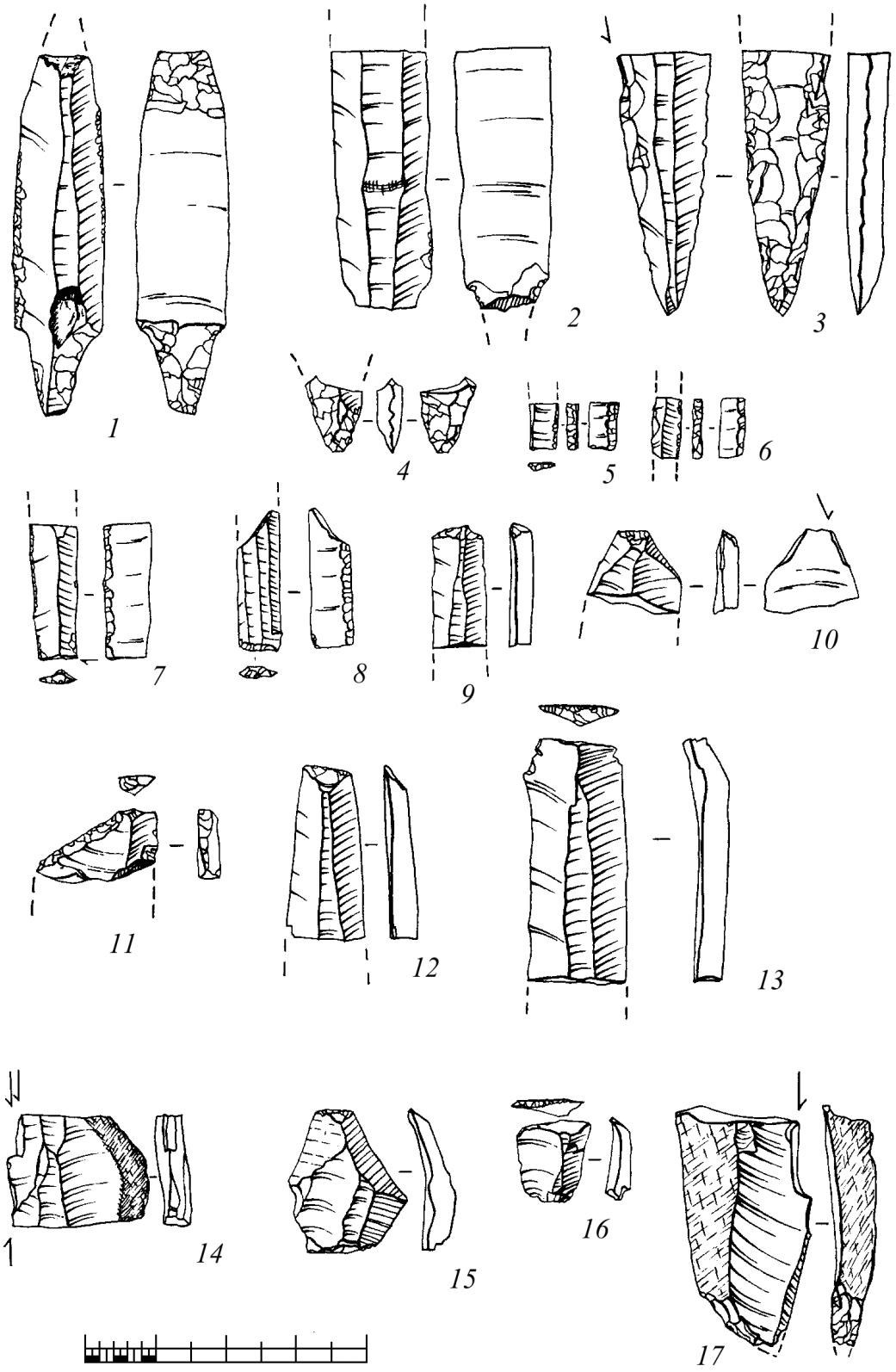


Рис. 3. Парч 3. Орудия из кремня.

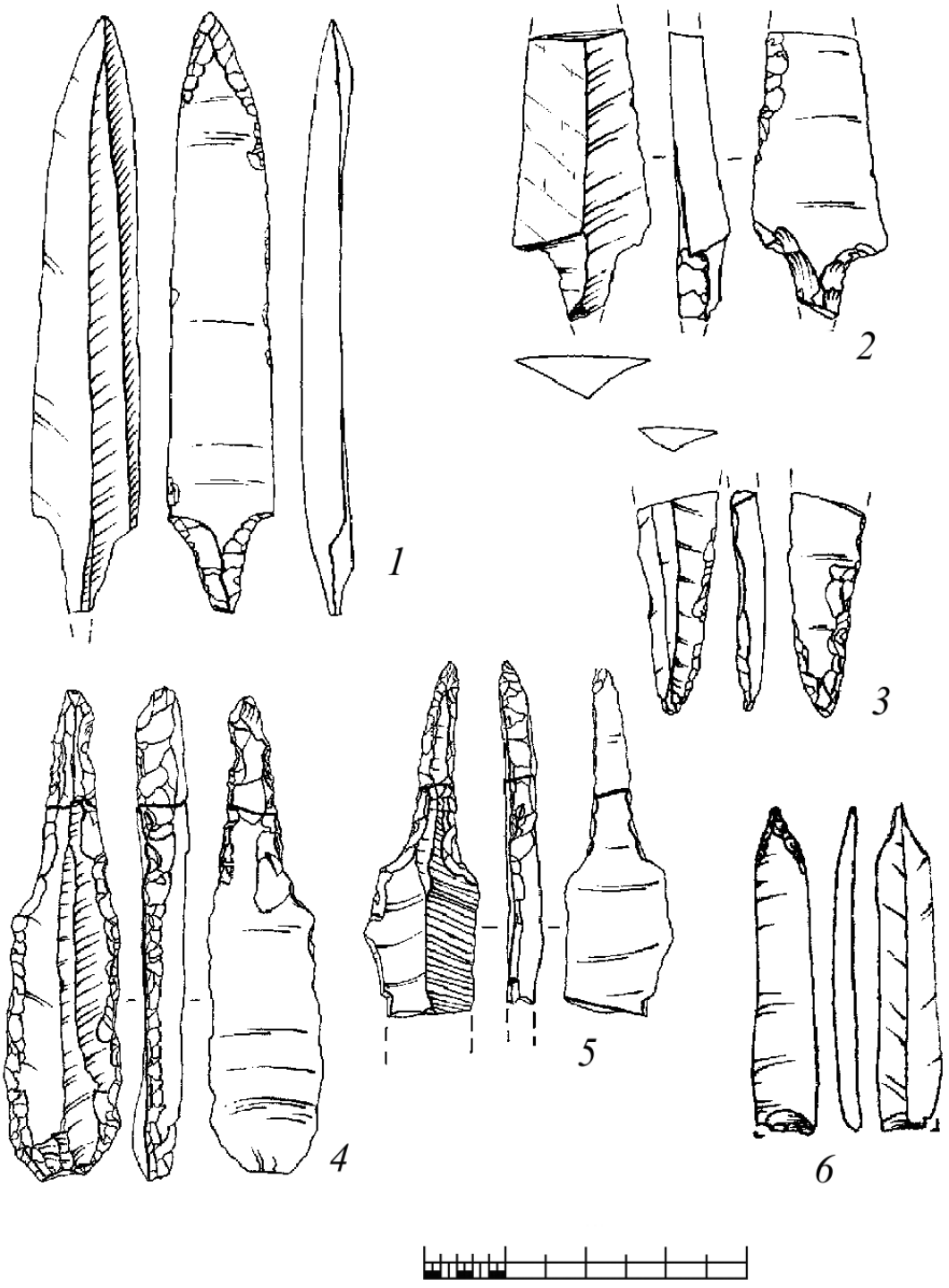


Рис. 4. Парч 1. Орудия (наконечники и острия).

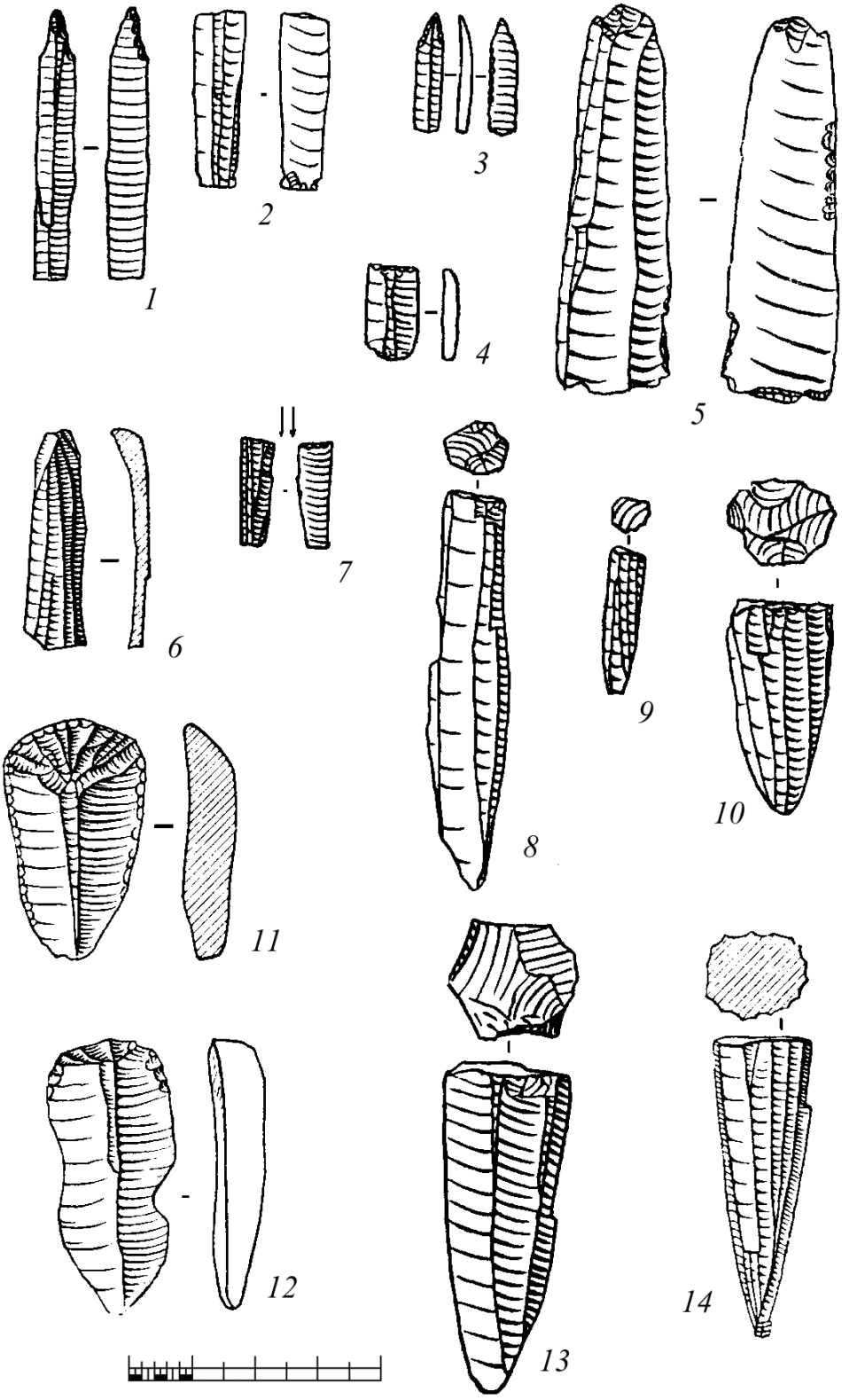


Рис. 5. Средневычегодская культура.
Кремневый инвентарь стоянок Кузьвомын (1, 3, 4, 13), Ульяново (2, 5, 9), Курьядор 1 (6, 7, 10, 14), Пезмог 1, Ягкодж III (11–12). 1–3 – острия, 2–5 – пластины с ретушью, 4 – пластина с ретушированным концом, 6 – долотце, 7 – резец, 8–10, 13, 14 – нуклеусы, 11, 12 – скребки. По Г.М. Бурову.

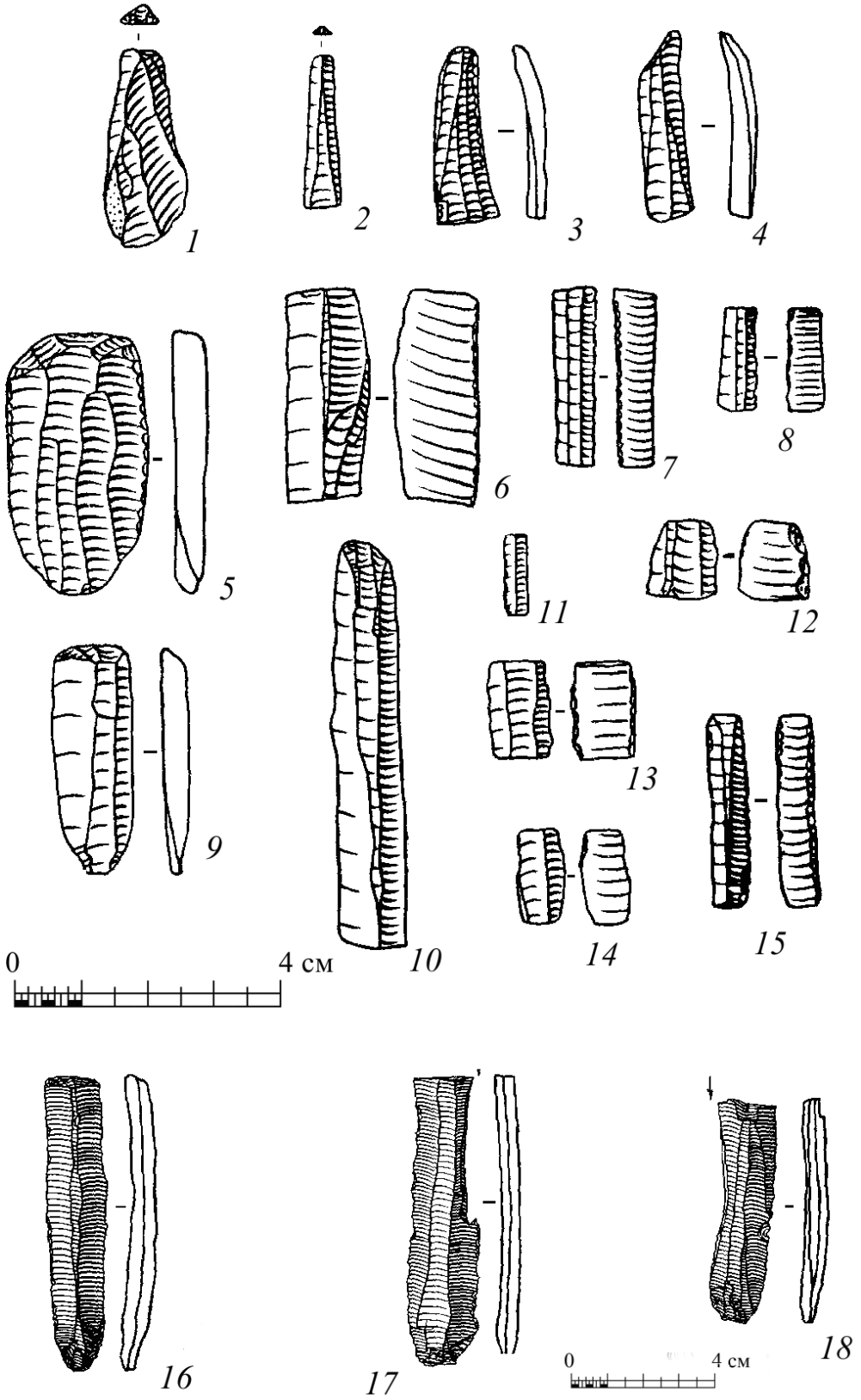


Рис. 6. Средневычегодская культура.
Кремневый инвентарь стоянок Ульяново (1, 2, 6, 8–11, 13, 14), Кузьвомын (3–5, 7, 16–18), Аныб II (12), Курьядор 1 (15). 1–4 – долотца, 5, 9, 16 – скребки, 6–8, 11–15 – пластины с ретушью (вкладыши), 10 – пластина без обработки, 17, 18 – резцы. По Г.М. Бурову.

Вып. 18 *2013*

КУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ НАСЕЛЕНИЯ ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРО-ВОСТОКА В НЕОЛИТЕ?

В.Н. Карманов

История изучения неолита Европейского Северо-Востока насчитывает более 50 лет. Благодаря работам Г.М. Бурова, В.Е. Лузгина, Э.С. Логиновой, Л.Л. Косинской, И.В. Верещагиной, В.С. Стоколоса, В.Н. Карманова открыты и исследованы десятки памятников этого периода на реках Печора, Северная Двина, Вычегда, Мезень и их притоках. В центре внимания ученых преимущественно стояла проблема определения культурно-хронологической принадлежности памятников, а также установление механизма формирования культур и культурных типов. Культурно-хронологические схемы для неолита региона предлагались в разные годы Г.М. Буровым (1967; 1974; 1986), И.В. Верещагиной (1989), Л.Л. Косинской (1997) и В.Н. Кармановым (2008). На основе изучения, прежде всего, керамики были выделены шесть групп памятников, различающихся в культурном отношении, и обозначены два основных направления освоения региона и культурных связей его населения: юго-западное (территория распространения неолитических культур Волго-Окского междуречья, среднего и верхнего Поволжья) и юго-восточное (бассейн Камы). На уровне предположений высказывались мнения о влиянии культур Фенноскандии (Буров, 1986) и культурных связях с Западной Сибирью (Косинская, 2000) (рис. 1).

Несмотря на разногласия исследователей в вопросах об источниках происхождения, развитии и дальнейшей судьбе групп неолитического населения в основе предложенных точек зрения лежат два подхода. Г.М. Буров и И.В. Верещагина придерживались так называемой концепции сегментации, разработанной для неолита центра Русской равнины А.Я. Брюсовым (Брюсов, 1952). Согласно этой точке зрения, от коллектива отделяется группа избыточного для этого региона населения, которая мигрирует на соседнюю территорию, где она может занять неосвоенное пространство или вступить в контакт с другими коллективами. Так, по мнению Г.М. Бурова, появление памятников с ямочно-гребенчатой керамикой на Европейском Северо-Востоке связано с крупным продвижением племен из Волго-Окского междуречья. На востоке волго-окские племена встретились с камскими, и граница их расселения наметилась в Казанском Поволжье, Вятском и Вычегодском бассейнах. В последних двух пограничных районах сформировалась своеобразная вычегодско-вятская культура (Буров, 1967. С. 167). И.В. Верещагина также объясняла культурогенез в неолите региона передвижениями различных групп населения из Волго-Окского междуречья, среднего Поволжья и Прикамья в слабо заселенные территории крайнего северо-востока Европы и с их дальнейшими взаимными контактами (Верещагина, 1989. С. 17–18). Такой подход не

подразумевает самой постановки проблемы изучения культурных связей населения различных регионов, поскольку генезис и дальнейшее развитие культур объясняется сегментацией отдельных групп от некоего исходного ядра, что как раз и направлено на разрыв связей между ними. В этом случае взаимодействие разнокультурных групп населения внутри региона лишь некий элемент случайности, который зависит от того, занята ли осваиваемая территория или свободна.

В 1997 г. Л.Л. Косинская подвергла критике этот подход и предложила концепцию «единого культурного пространства (культурного мира), пронизанного разнообразными и разно направленными связями, посредством которых осуществляется передача культурных инноваций» (Косинская, 1997. С. 185). Источники происхождения различных групп неолитического населения на Европейском Северо-Востоке она пытается найти в самом регионе. Культурные трансформации объясняются, на ее взгляд, взаимодействием с коллективами более южных районов, связь с которыми налажена еще с эпохи мезолита. Так, например, происхождение носителей черноборской археологической культуры, по ее мнению, связано с местным мезолитическим населением при влиянии ранненеолитического верхней Волги. Для ее «формирования совсем не обязательным было появление переселенцев из Верхнего Поволжья – вполне достаточную роль могли сыграть другие виды связей между родственным населением обоих районов». Существует эта культура в течение всей эпохи, и ее носители участвуют в сложении культур финального неолита-энеолита (Косинская, 1997. С. 185–187). Исключением, по мнению Л.Л. Косинской, является генезис памятников эньтыйского типа (Эньты I, Ревью I), который «скорее всего, связан с миграцией на ЕСВ носителей иеневских и постиеневских традиций» (Косинская, 1997. С. 186). Однако каков механизм влияния населения сопредельных территорий друг на друга и почему оно было односторонним (как правило, южным), и какие это «другие виды связей между родственным населением…» остается не детализированным (не раскрытым).

Таким образом, согласно двум рассмотренным выше концепциям, заселение Европейского Северо-Востока связано либо с миграциями, либо с культурными связями населения региона и сопредельных с ним территорий. Если Г.М. Буров и И.В. Верещагина находили источники формирования неолитического населения региона за его пределами, то Л.Л. Косинская отмечает наличие налаженных еще в мезолите культурных связей коллективов сопредельных регионов. Однако, несмотря на различия в этих концепциях, для них характерна убежденность в том, что, начиная с мезолита, регион был в той или иной мере постоянно заселен человеком. Поэтому в исследованиях поднимались, например, такие проблемы, как причины чересполосного обитания разнокультурных групп населения на одной территории (Буров, 1993; Косинская, 1997. С. 185).

Обратимся к анализу источниковой базы по неолиту Европейского Северо-Востока. В настоящее время известно о 80 памятниках этой эпохи в регионе. Источниковедческий анализ позволяет со всей определенностью выделить памятники, материалы которых в той или иной степени отвечают достоверности и надежности, пригодны для характеристики материальной культуры неолитического населения, а также попытки решения обозначенной проблемы этнокультурных связей Европейского Северо-Востока с сопредельными регионами. Таковыми являются Дутово I, Черная Вадья, Конещелье, Черноборская III, Эньты I, Ревью I, Кочмас Б, Пезмог IV, Пезмогты 1, 3, 4, 5, Эньты III, Эньты VI, Половники II. Остальные коллекции воспринимаются как «фоновые» и используются для картографирования того или иного типа памятника, типа посуды или каменных орудий.

В результате технологического анализа кремневых индустрий и типологии кремневых орудий, а также типологии керамики выделены пять типов памятников, различающиеся в культурном отношении и существующие в различные отрезки времени. Это черноборская группа с тычково-накольчатой керамикой (Черноборская III, Конещелье), эньтыйская группа с гребенчато-накольчатой посудой (Эньты I), памятники камской неолитической культуры гребенчатой керамики (Пезмог IV, Кочмас Б), две группы памятников с гребенчато-ямочной керамикой (Вад I, Пезмогты 1, 3, 4, Эньты I, III, Половники II). Кроме того, выделяются стоянки Дутово I и Черная Вадья, анализ инвентаря которых не позволил включить их ни в одну из групп (Карманов, 2008) (рис. 4 – 8; 10 – 12).

В настоящее время можно утверждать, по крайней мере, о двух периодах заселения региона в неолите (рис. 2). В ранний период, в первой половине VI тыс. до н. э., здесь появляются стоянки типа Дутово I и Черной Вадьи, черноборской группы, камской неолитической культуры и, возможно, несколько позднее, эньтыйского типа. При их анализе обращает на себя внимание следующее. Стоянки этих культурных образований расположены на обширной территории (рис. 3). Так, памятники черноборской группы занимают долины Ижмы, Мезени, Вычегды и Северной Двины. Расстояние между двумя крайними пунктами (Прилукская и Черноборская III) составляет по прямой 550 км. Аналогии материалам черноборских памятников обнаружены в бассейне р. Сухона (Березова Слободка II–III, VI), расстояние до которой от стоянки Черноборская III – 720 км по прямой. Дистанция между памятниками камской неолитической культуры (Кочмас Б на нижней Вычегде и Хуторская в Прикамье), а конкретнее хуторско-боровоозерского типа, составляет также около 500 км, а поселения эньтыйского типа – Эньты I на средней Вычегде и Векса на р. Вологда – удалены друг от друга на 650 км.

Коллекции стоянок раннего неолита в регионе сравнительно малочисленны и включают в среднем около 100 орудий и фрагменты одного-пяти сосудов, а в орудийных наборах, как правило, доминируют наконечники стрел. Исключение составляет стоянка Эньты I, где найдено более 300 орудий, что однако может быть связано с неоднократным (по крайней мере, дважды) посещением памятника. В технике расщепления камня, типологии орудий и керамики отсутствуют показатели, позволяющие объединить их в рамках одного культурного образования или выявить какую-либо генетическую преемственность между их обитателями. Судьба каждой из групп населения, оставившего эти памятники, в настоящее время не прослеживается.

Аналогии материалам памятников этих групп позволяют включить в ареал их распространения бассейн Камы, Сухоны и Волги. В связи с этим можно говорить, по крайней мере, о двух направлениях заселения региона в раннем неолите. Первое – юго-западное – территория верхневолжской культуры и второе – юго-юго-восточное – ареал камской культуры. Отметим, что такая география и хронология, если отбросить вероятность обнаружения принципиально иных источников, свидетельствует об отсутствии в регионе некоего пространственного и временного «ядра», (четких границ в пространстве и времени) какой-либо из ранненеолитических культур. Поэтому изученные памятники – свидетельства существования в регионе периферий определенных культур, основной ареал которых лежит за пределами исследуемой территории.

Следующий этап освоения региона связан с появлением здесь в начале V тыс. до н. э. носителей гребенчато-ямочных традиций, генезис которых связан с населением льяловской культуры.

Сравнительно-типологический анализ материалов Европейского Северо-Востока и сопредельных территорий позволяет говорить о том, что известные памятники с гребенчато-ямочной керамикой представляют довольно узкий хронологический отрезок, ограниченный первой половиной V тыс. до н.э. и соответствующий первым двум этапам существования льяловской культуры (Сидоров, 1992; Древние охотники и рыболовы Подмосковья, 1997. С. 116–120; 2010).

Дальнейшая судьба носителей льяловских традиций в регионе не прослеживается. Источники, служившие основанием для выделения культур (Буров, 1967. С. 167; Верещагина, 1989; Косинская, 1997. С. 187), в создании которых они могли бы принять участие, неполноценны, неоднозначны и требуют верификации.

Однако, по сравнению со стоянками раннего неолита, памятники среднего периода, более многочисленны и расположены на всей территории региона, включая Большеземельскую тундру (рис. 9). Расстояние между двумя крайними пунктами (Мармугино и Печорская) в пределах Европейского Северо-Востока составляет около 900 км. Однако распространение наиболее выразительных из них ограничено с северо-востока Тиманским кряжем, а основная масса концентрируется у старичных (поселения средней Вычегды) и водораздельных озер (памятники у озер Синдор, Ямозеро, Косминские, Пинежские, Красный Окунь). Выделяются памятники средней Вычегды, характеризующиеся наличием поселений, состоящих из одного-пяти жилищ и расположенные на участке долины реки длиной около 60 км. Количественные характеристики коллекций (количество сосудов колеблется от двух до десяти, а орудий не более 200) и особенностей культуровмещающих отложений позволяют утверждать, что все изученные жилища функционировали в течение одного сезона. Долговременный характер поселений вблизи водораздельных озер, декларируемый исследователями (Буров, 1967), связан не с длительностью обитания здесь какой-либо из групп населения, а с частотой посещений этих пространственно ограниченных участков эрозионных песчаных останцов террас – единственных компонентов ландшафта, удобных для проживания.

Анализ данных, а именно, численности памятников, объема коллекций, характеристики культуровмещающих отложений, типологического состава инвентаря, позволяет сделать вывод о кратковременной жизнедеятельности населения на известных стоянках Европейского Северо-Востока. На всем протяжении неолита они носят преимущественно промысловый сезонный характер, базовые долговременные поселения отсутствуют. В среднем периоде, хотя и появляются свидетельства сооружения наземных жилищ, но материал в них также немногочислен, а их функционирование может быть ограничено одним сезоном. Отметим сравнительно низкую плотность населения региона и периодичность заселения его территории. Так, период середины V – начала IV тыс. до н.э. источниками не документирован вовсе. Таким образом, он отличается от других периферийных участков Восточной Европы, например, Кольского п-ова, где прослежена преемственность развития керамического производства от неолита до эпохи раннего металла (Шумкин, 2003. С. 281).

Источники свидетельствуют о том, что в регионе исследуются лишь фрагменты культурных образований, базовая территория которых находится за его пределами. Поэтому изучаемый район не являлся целью крупных и продолжительных по времени миграций человеческих коллективов и не представлял собой единое культурное поле с разнонаправленными связями. Скорее

он должен рассматриваться как территория природопользования носителей конкретных археологических культур на конкретном этапе их развития, и основной ареал которых шире изучаемой территории. Причем, здесь известны преимущественно памятники ранних этапов (становления) того или иного культурного образования, а дальнейшее развитие зафиксированных в регионе традиций не наблюдается. Вместе с тем, наличие устойчивых культурных связей и взаимовлияния населения сопредельных территорий должно выражаться в синхронизации процессов (векторов) развития культур (тождества сценариев их развития), чего для Европейского Северо-Востока в условиях отсутствия постоянного населения утверждать нельзя. Кроме того, именно в среднем неолите (с сер. V тыс. до н.э.) прекращается заселение (освоение) региона населением культур юго-западной части Русской равнины. Например, отсутствуют свидетельства пребывания и обитания здесь населения поздних этапов известных культур ямочно-гребенчатой керамики и волосовской культуры. И в освоении региона начинает преобладать юго-восточное и восточное направления (Приуралье, Зауралье), что преимущественно и формирует облик культур эпохи раннего металла на Европейском Северо-Востоке России.

Литература

Брюсов А.Я. Очерки истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху. М., 1952. 264 с.

Буров Г.М. Древний Синдор (из истории племен Европейского Северо-Востока в VII тысячелетии до н.э. – I тысячелетии н.э.). М., 1967. 220 с.

Буров Г.М. Археологические культуры Севера европейской части СССР (Северодвинский край): Учебное пособие для студентов-историков. Ульяновск, 1974. 120 с.

Буров Г.М. Крайний Северо-Восток Европы в эпоху мезолита, неолита и раннего металла: Автореф. дис... д. и. н. Новосибирск, 1986. 37 с.

Верещагина И.В. Мезолит и неолит крайнего Европейского Северо-Востока: Автореф. дис...к. и. н. Л., 1989. 22 с.

Древние охотники и рыболовы Подмосковья (по материалам многослойного поселения эпохи камня и бронзы Воймежное I). М., 1997.

Карманов В.Н. Неолит европейского Северо-Востока. Сыктывкар, 2008. 226 с.

Косинская Л.Л. Неолит // Археология Республики Коми. М., 1997. С. 91–146.

Косинская Л.Л. Связи в неолите Европейского Северо-Востока и Западной Сибири // Коренные этносы европейской части России на пороге нового тысячелетия: история, современность, перспективы (сб. статей). Сыктывкар, 2000. С. 181–185.

Сидоров В.В. Многослойные стоянки Верхневолжского бассейна Варос и Языково // Многослойные стоянки Верхнего Поволжья. М., 1992.

Шумкин В.Я. Керамика древнего населения Кольского полуострова (к вопросу о неолитизации в Северной Европе) // Неолит-энеолит Юга и неолит Севера Восточной Европы (новые материалы, исследования, проблемы неолитизации регионов). СПб., 2003.

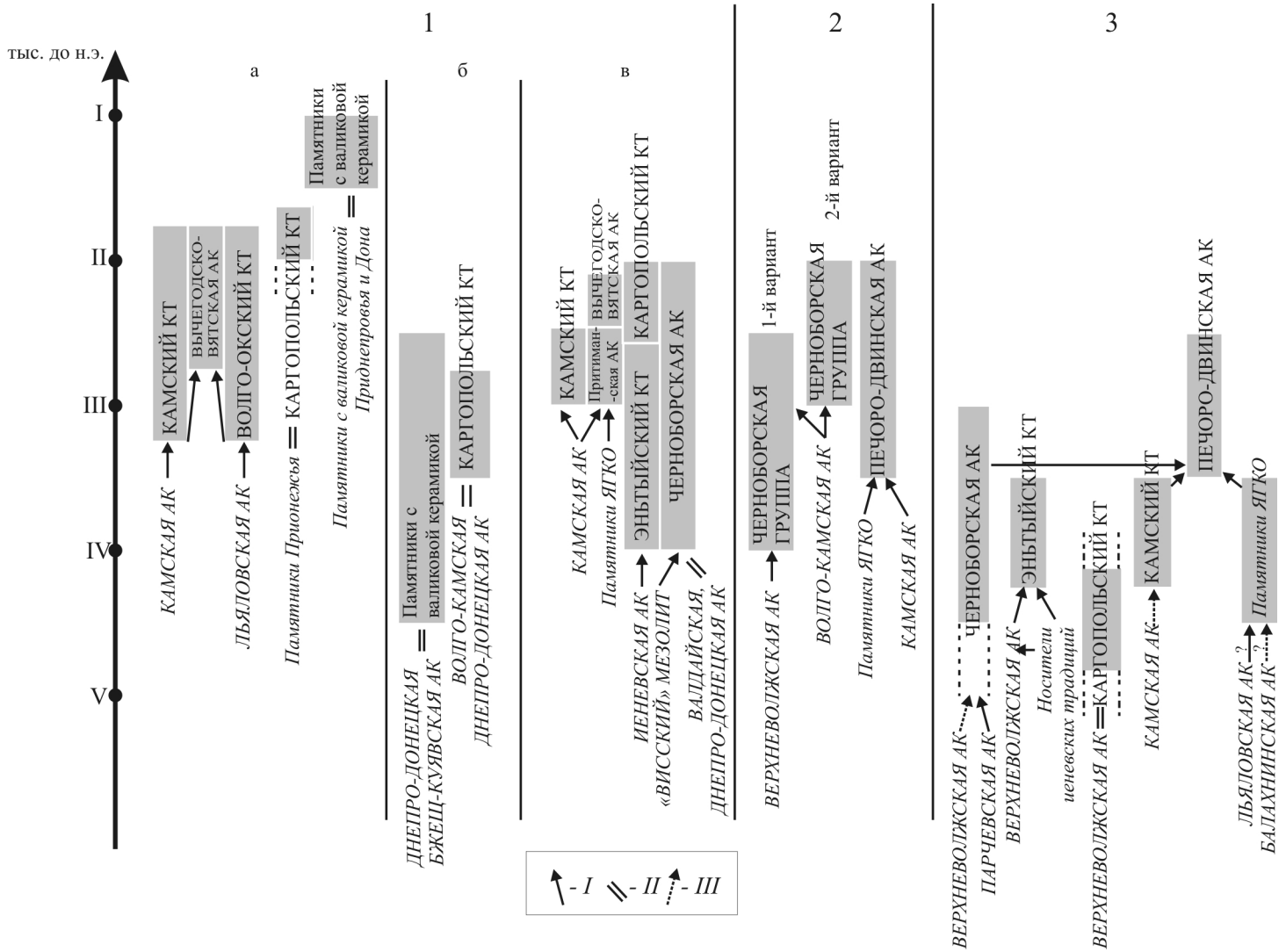


Рис. 1. Схемы генезиса и развития культур (АК) и культурных типов (КТ) Европейского Северо-Востока, предложенные Г.М. Буровым (1: а – 1967; б – 1974; в – 1986 г.), И.В. Верещагиной (2 – 1989 г.), Л.Л. Косинской (3 – 1997 г.). Курсивом выделены культуры и группы памятников, население которых, по мнению исследователей, участвовало в сложении культурных образований региона или их материалы имеют сходство с материалами памятников региона. I – миграция; II – сходство; III – иные виды культурной трансформации.

Рис. 2. Схема хронологии и периодизации неолитических памятников Европейского Северо-Востока.

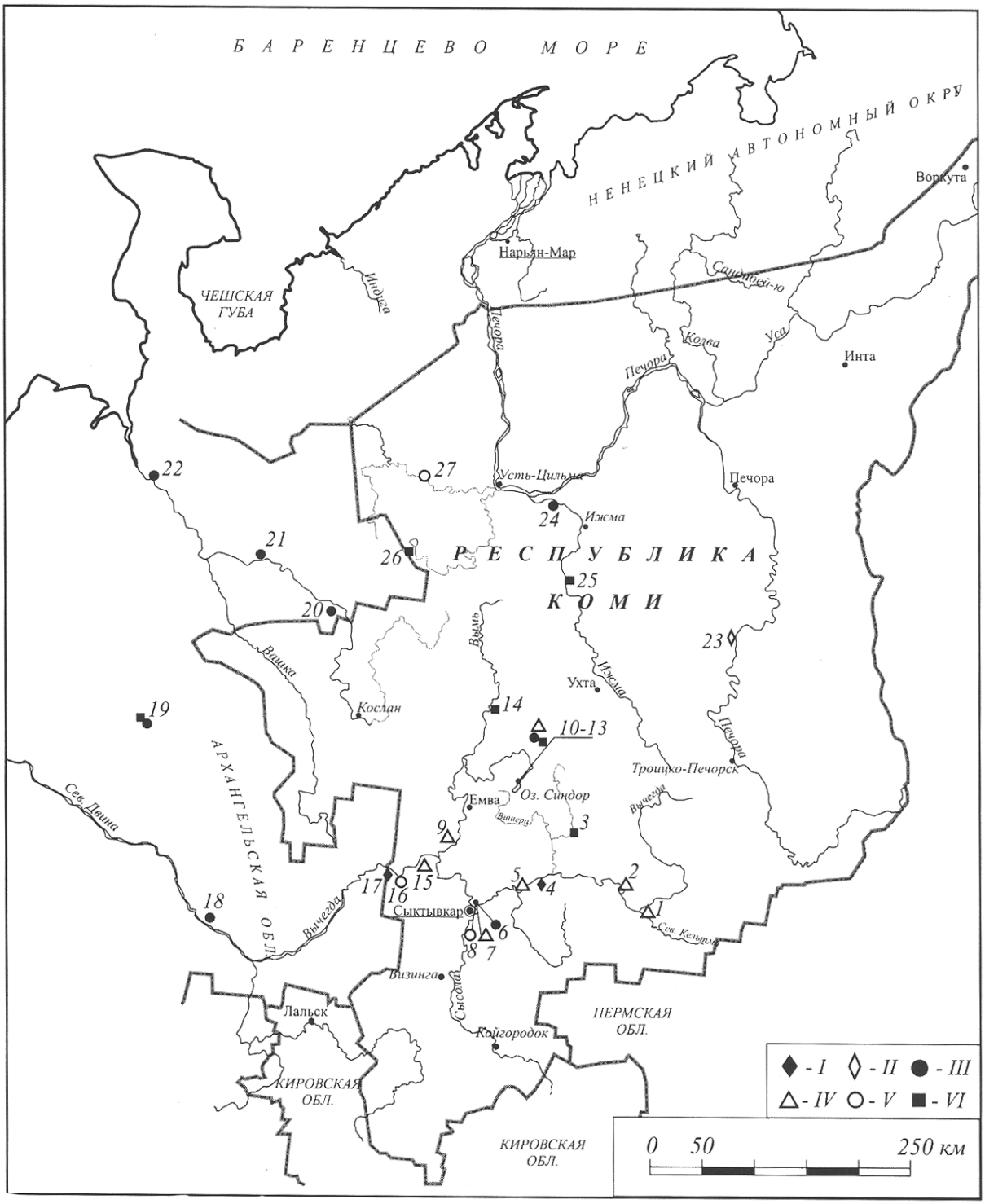


Рис. 3. Карта памятников раннего неолита.

Бассейн р. Вычегда: 1 – Себъяг; 2 – Усть-Кулом I; 3 – Юванаяг; 4 – Угдым 1; 5 – Пезмог IV; 6 – Чудгудоръяг; 7 – Эньты V; 8 – Эньты I; 9 – Ниремка I, п. 6; 10 – Вис I; 11 – Вис II; 12 – Вис III; 13 – Симва II; 14 – Усть-Комыс I; 15 – Кочмас Б; 16 – Ревью I; 17 – Черная Вадья; р. Северная Двина: 18 – Прилукская; 19 – Явронъга I; бассейн р. Мезень: 20 – Зубово; 21 – Конещелье; 22 – Тимощелье VI; бассейн р. Печора: 23 – Дутово I; 24 – Черноборская III; 25 – Картаель, уч. 3; 26 – Пижма II; 27 – Нонбург 10.

I – Черная Вадья; II – Дутово I; III – черноборская группа; IV – памятники камской культуры; V – памятники эньтыйского типа; VI – памятники с керамикой «каргопольского» типа.

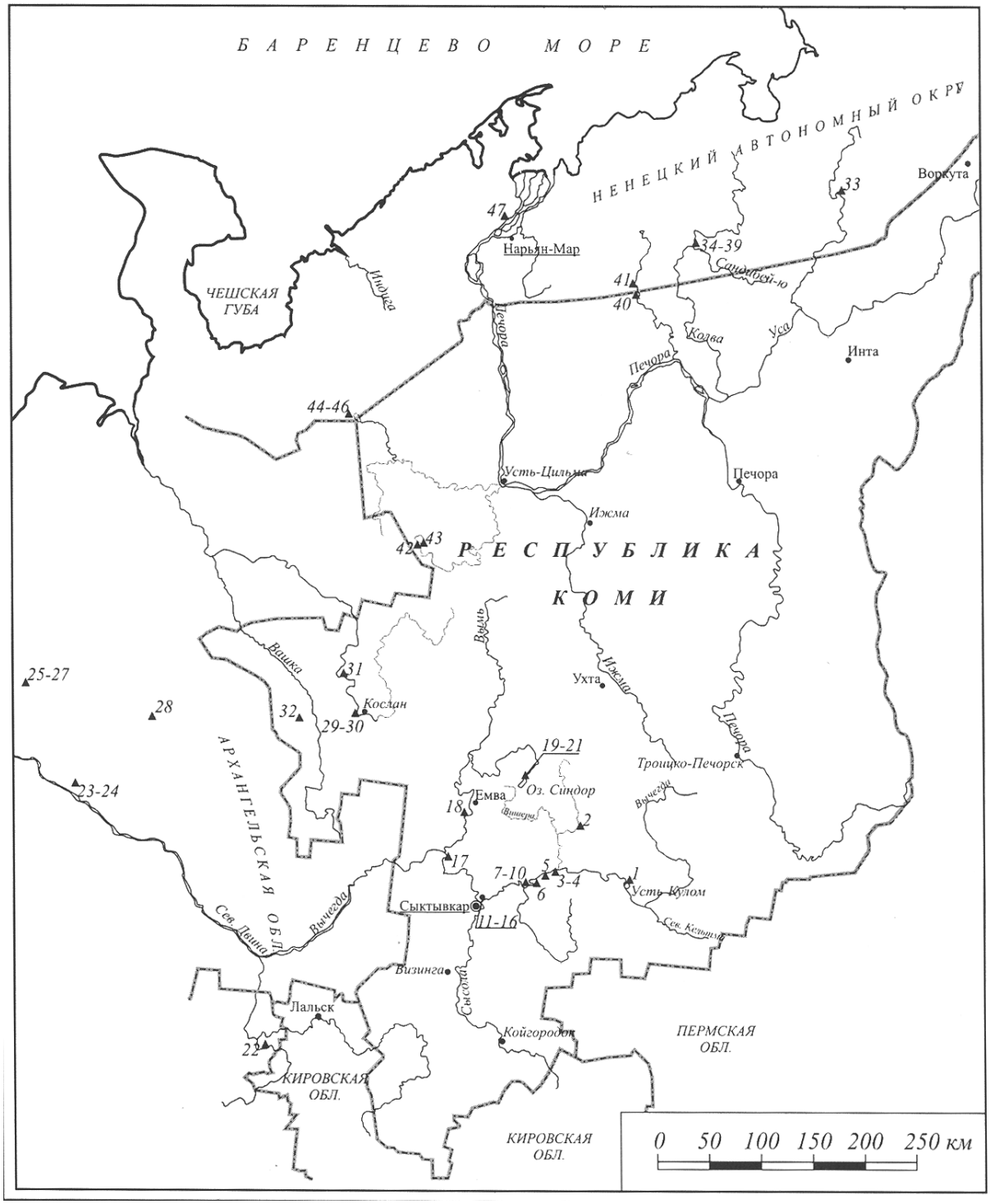


Рис. 4. Карта памятников с гребенчато-ямочной керамикой.
Бассейн р. Вычегда: 1 – Усть-Кулом I; 2 – Юванаяг; 3 – Вад I; 4 – Кыньтыяг I; 5 – Угдым I; 6 – Важкаяг II; 7 – Пезмогты 1; 8 – Пезмогты 3; 9 – Пезмогты 4; 10 – Пезмогты 5; 11 – Озельская; 12 – Эньты I; 13 – Эньты III; 14 – Эньты IV; 15 – Эньты VI; 16 – Ваднюр VI; 17 – Юромка; 18 – Половники II; 19 – Вис I; 20 – Вис II; 21 – Вис III; р. Северная Двина: 22 – Мармугино; 23 – Клоново 1; 24 – Клоново 2; 25 – Пинежское озеро III; 26 – Пинежское озеро IV; 27 – Пинежское озеро VI; 28 – Явроньга I; бассейн р. Мезени: 29 – Усогорск II; 30 – Усогорск IV; 31 – Кыстыръю; 32 – Каджером; бассейн р. Печоры: 33 – Адзьва 63; 34 – Колва 10; 35 – Колва 12; 36 – Колва 13; 37 – Сандибей-Ю VII; 38 – Сандибей-Ю VIII; 39 – Мой-Ярей; 40 – Лая II; 41 – Лая I; 42 – Пижма I; 43 – Пижма II; 44 – Ружникова; 45 – Кыско; 46 – Алексахина; 47 – Печорская.

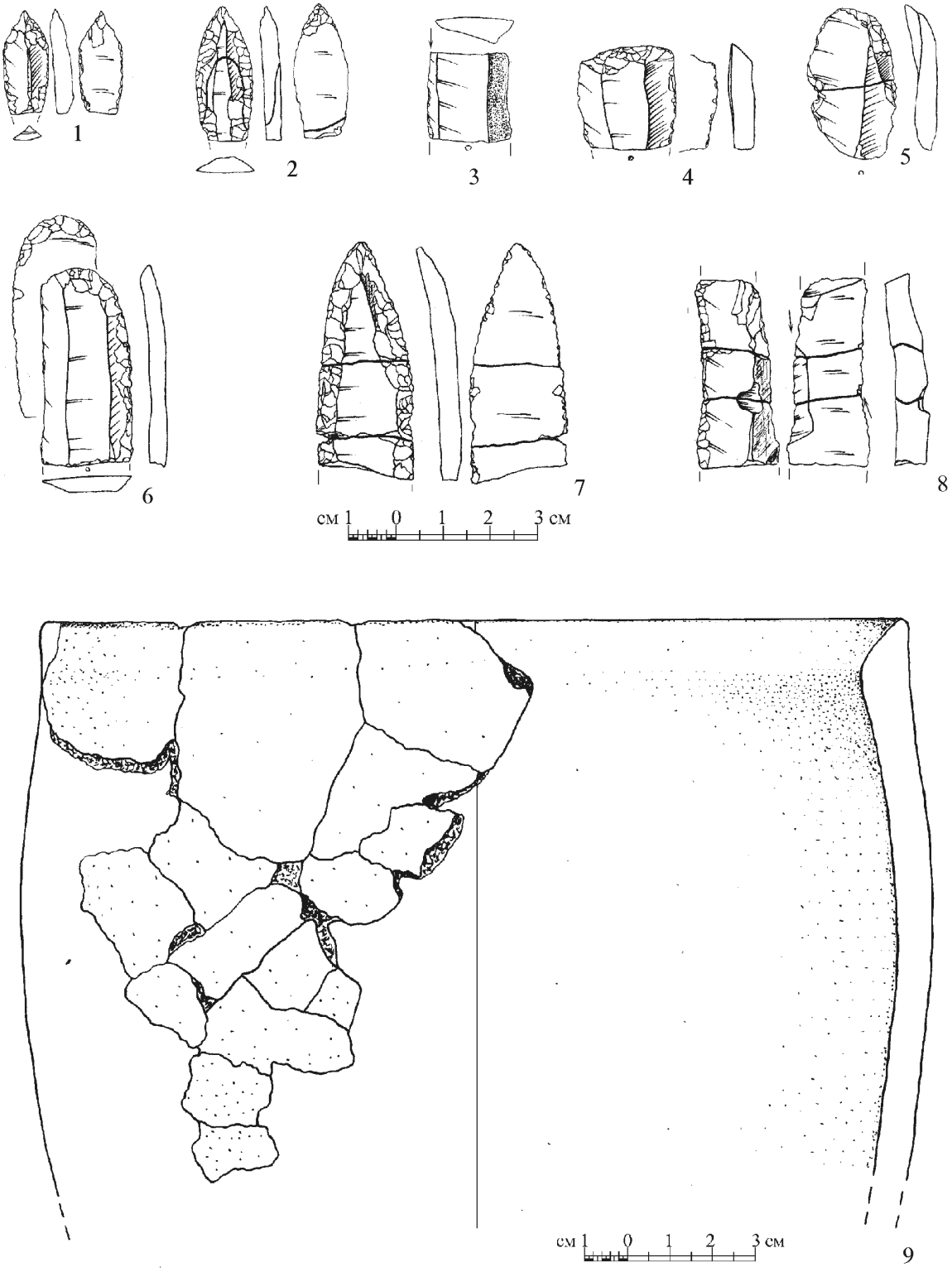


Рис. 5. Дутово 1. Кремневые изделия (1–8). Керамический сосуд (реконструкция) (9).

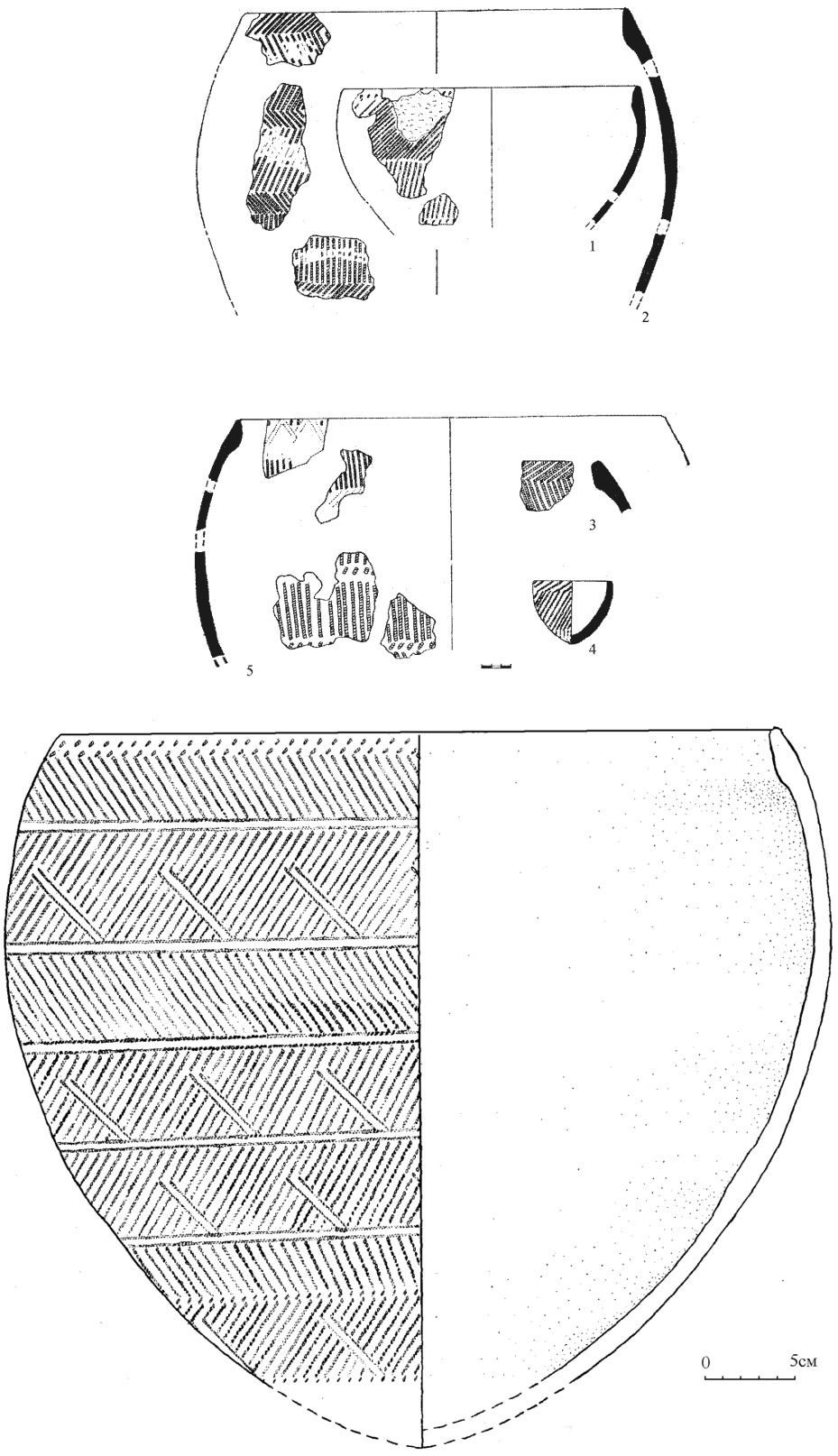


Рис. 6. Керамика камской культуры. 1–5 – Кочмас Б; 6 – Пезмог 4.

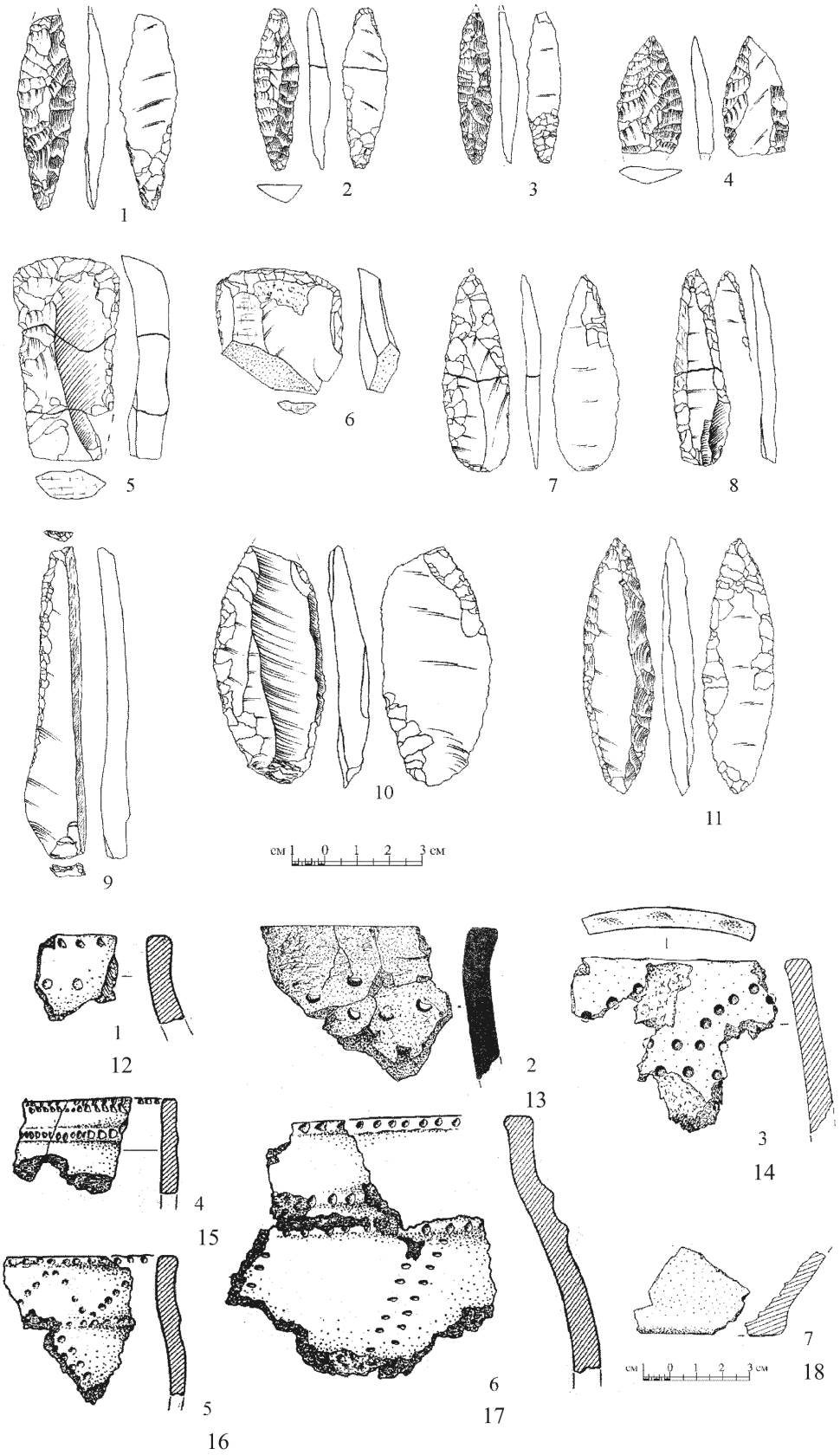


Рис. 7. Черноборская группа памятников. Кремневые изделия (1–11), керамика (12–18).
1–11 – Черноборская 3; 12, 15, 16 – Конещелье; 13, 17 – Прилукская; 14, 18 – Чудгудоръяг.

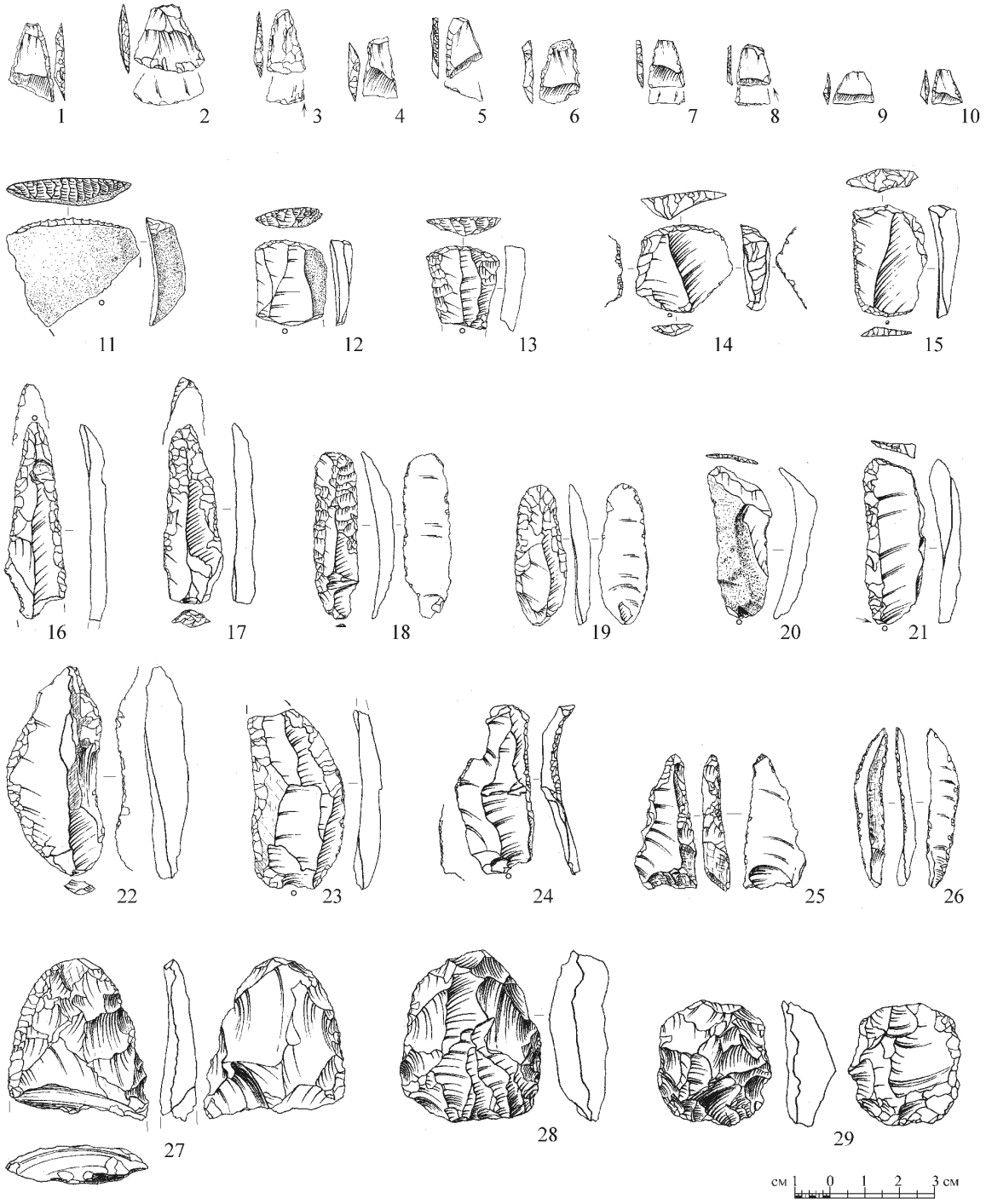


Рис. 8. Эньты IA. Кремневые изделия.

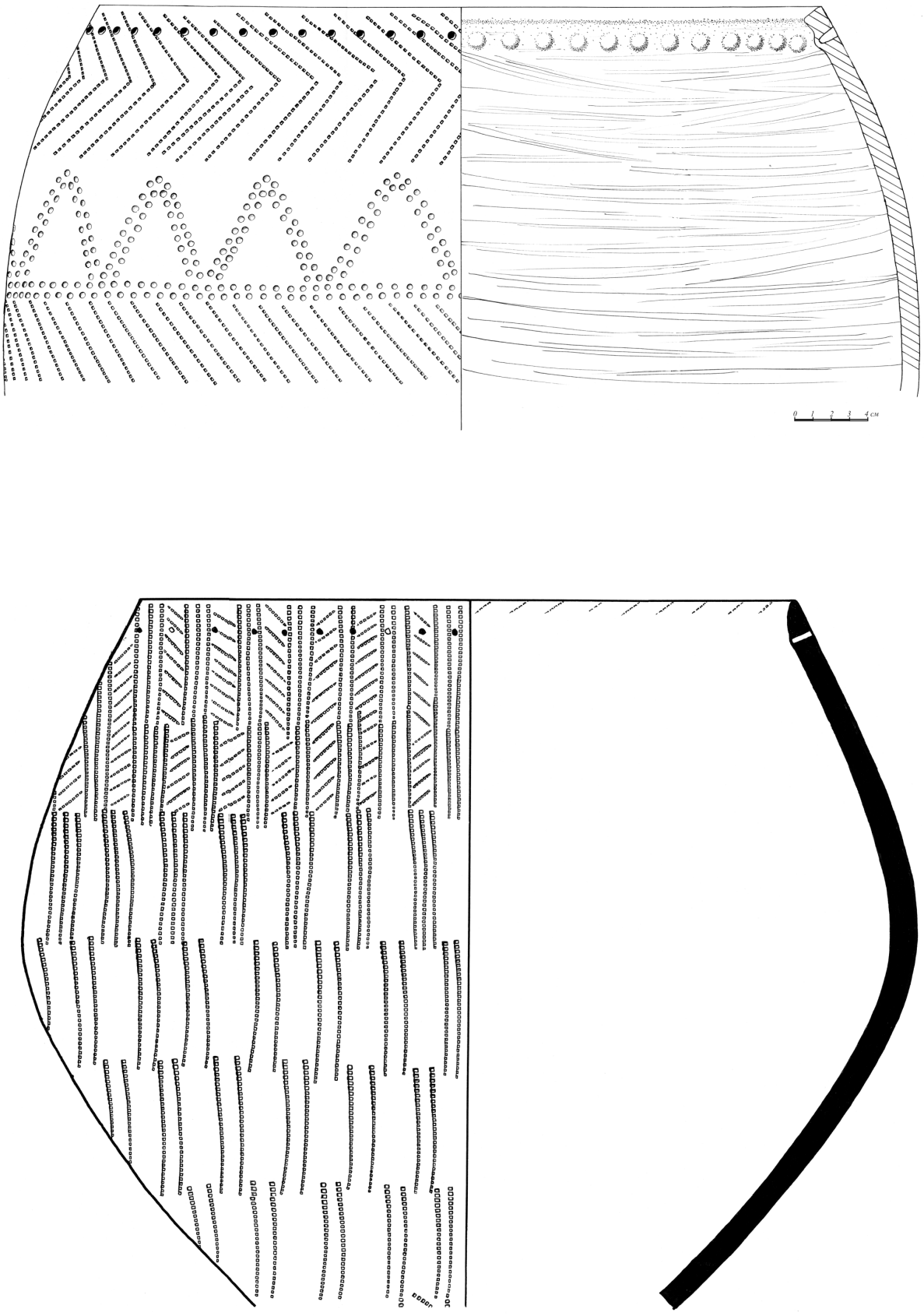


Рис. 9. Эньты IA. Керамические сосуды (реконструкция). По Э.С. Логиновой.

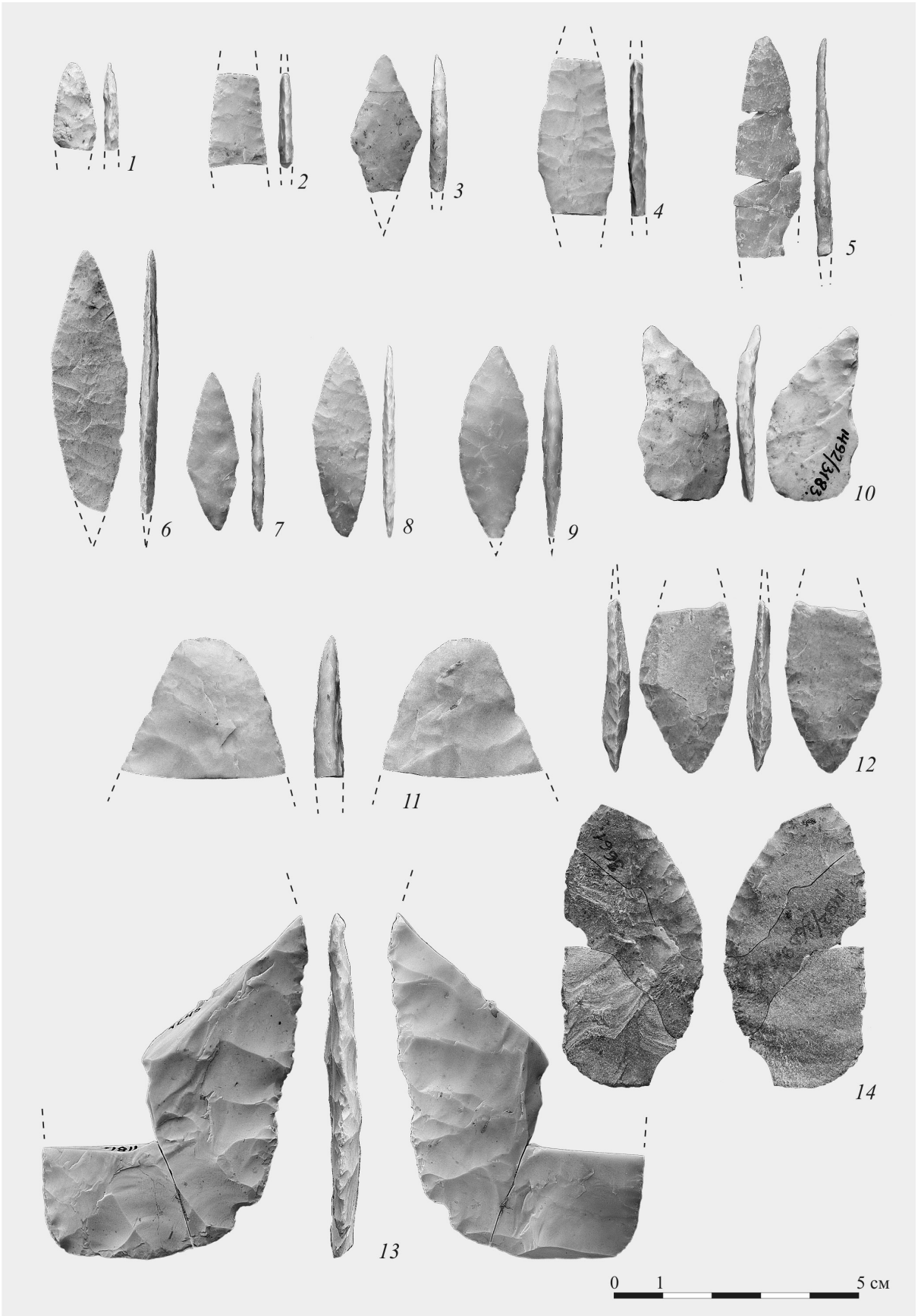


Рис. 10. Пезмогты 5. Кремневые изделия.
Наконечники стрел (1–9), ножи-бифасы и их фрагменты (10–14).

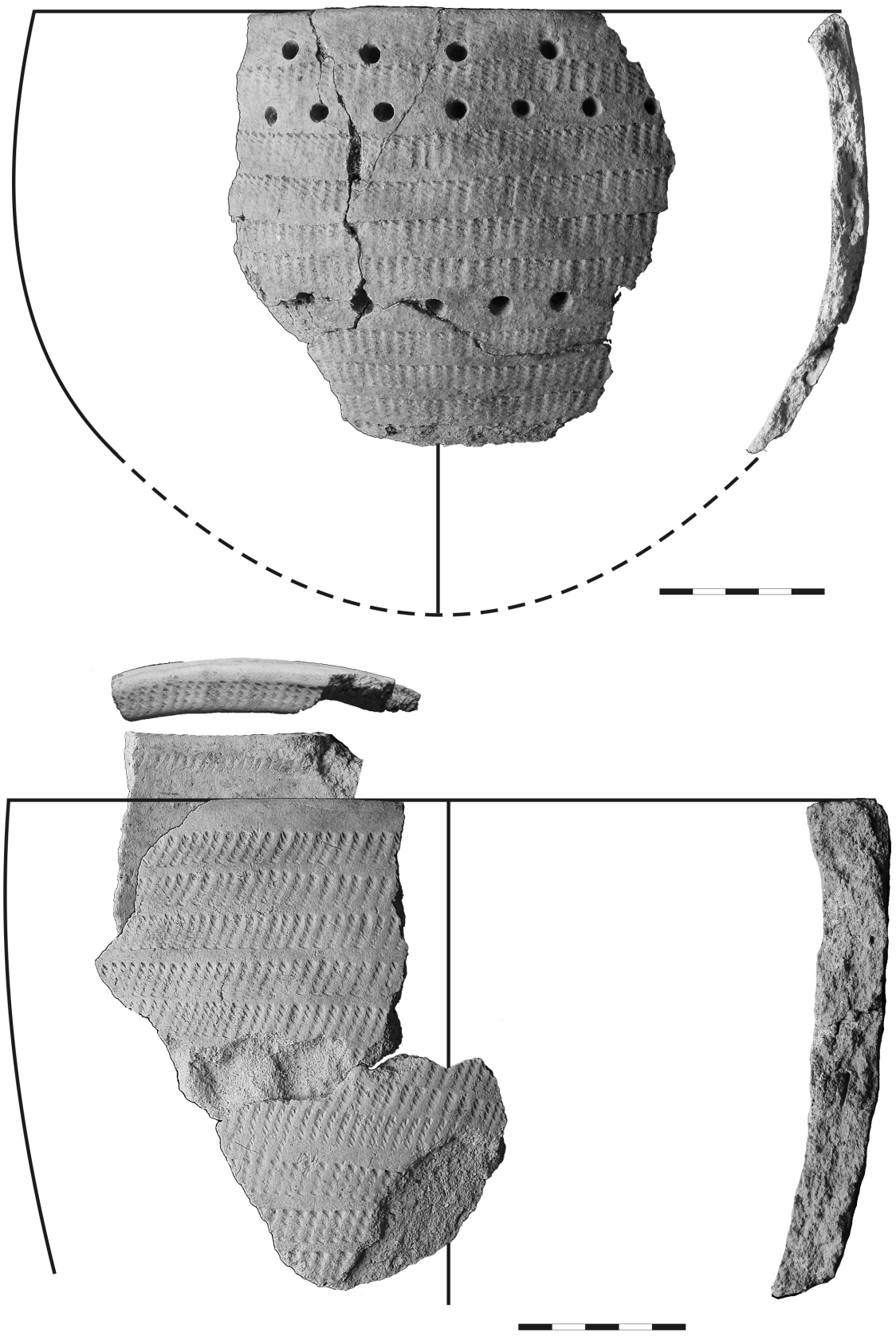


Рис. 11. Пезмогты 5. Керамические сосуды (реконструкция).

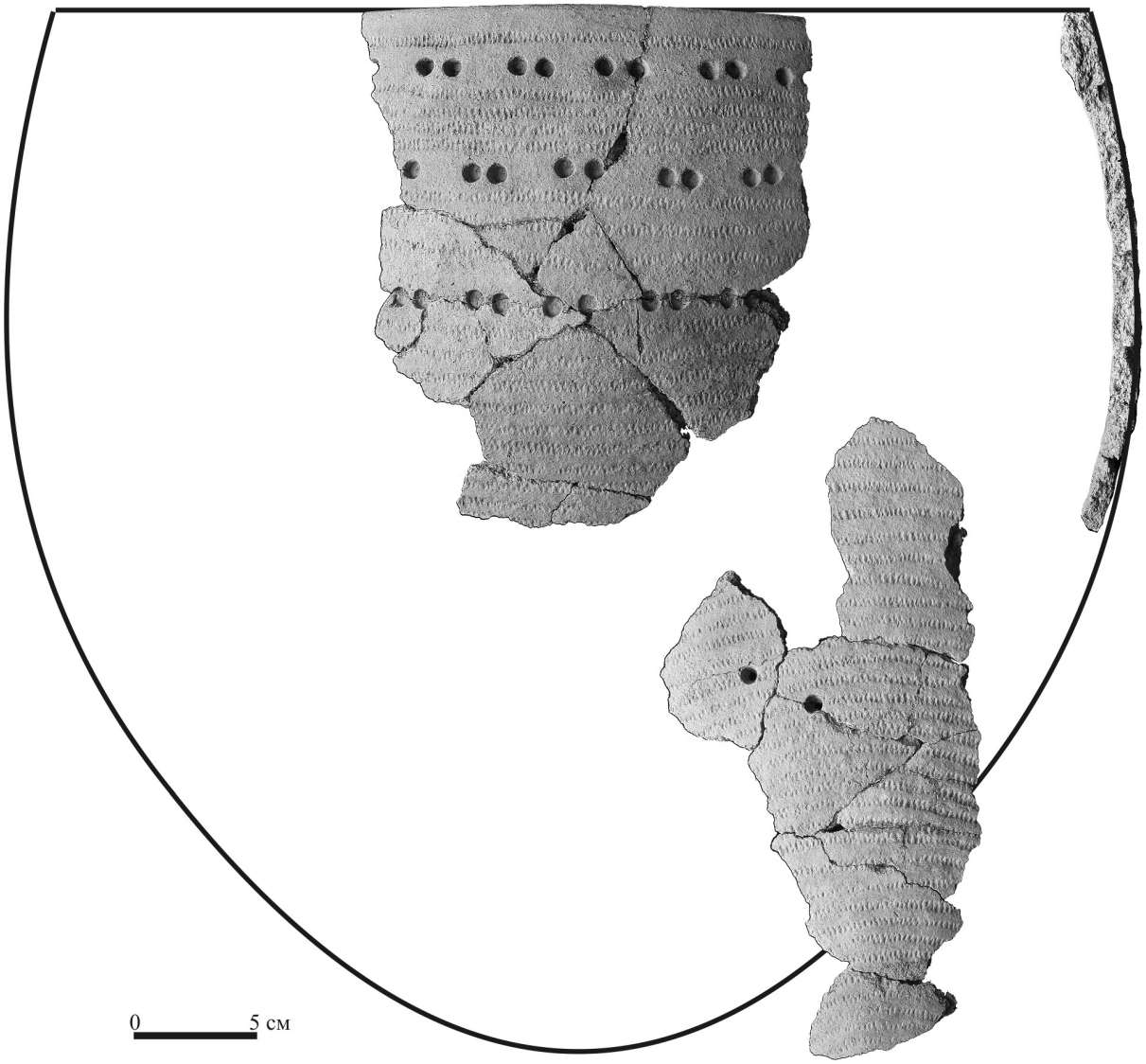


Рис. 12. Пезмогты 5. Керамический сосуд (реконструкция).

Вып. 18 2013

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ НАСЕЛЕНИЯ ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРО-ВОСТОКА В АНАНЬИНСКОЕ ВРЕМЯ*

И.О. Васкул

С конца 1950-х гг. начинается целенаправленное и планомерное археологическое изучение территории Республики Коми. Уже в первых публикациях Г.М. Бурова, В.И. Канивца, В.Е. Лузгина, посвященных интерпретации памятников археологии, выявленных в ходе полевых изысканий конца 1950–1960-х гг. на Вычегде, Печоре и Ижме, были определены основные направления этнокультурных связей населения ЕСВ в эпоху раннего железа. При этом разработка данной темы велась в неразрывном единстве с изучением проблем генезиса и культурной принадлежности памятников, традиций и новаций в развитии культур, их этнической интерпретацией.

Все исследователи, занимавшиеся рассматриваемой проблематикой, признавали и признают значение этнокультурных контактов в развитии культуры региона в эпоху раннего железа. Однако в вопросе о том, какую роль они играли, прежде всего, в вопросе о генезисе культур сложилось два противоположных подхода. Одни из них (Г.М. Буров) любые значимые изменения связывали с притоком в регион нового населения, приносившего сюда инновации в культуре. Другие, признавая роль этнокультурных связей, заимствований, миграций, делали упор на роль местного компонента в развитии культуры (В.И. Канивец).

Основные концепции, реконструирующие этнокультурные связи населения ЕСВ на первом этапе развития древностей эпохи раннего железа в регионе, базируются на материалах, полученных в ходе полевых исследований археологов конца 1950–1980-х гг., сборов геолога Г.А. Чернова во время геологических экспедиций в 1940–1950-х гг. в Большеземельской тундре. Значительная часть этих материалов происходила из разведочных сборов или из коллекций памятников, изученных небольшими по площади раскопками. До начала 1970-х гг. наиболее репрезентативными были керамические коллекции висских поселений у дер. Синдор, поселений Перный, Чаркабож на Печоре и Сынявом I на р. Усе. Ситуация изменилась в 1970-е гг., когда памятники ананьинского времени были выявлены и частично исследованы на Северной Двине (работы И.В. Верещагиной), Мезени и Вашке (разведки и раскопки Л.И. Ашихминой, А.М. Мурыгина, В.С. Стоколоса), водораздельных озерах Центрального Тимана и в Малоземельской тундре (изыскания В.Е. Лузгина), на средней Вычегде (работы К.С. Королева), Выми (исследования Л.Л. Косинской,

* Публикация подготовлена по программе фундаментальных исследований Президиума РАН «Традиции и инновации в истории и культуре», направление 1 «Преемственность и трансформации в развитии древних и средневековых обществ по археологическим и антропологическим данным», проект № 12-П-6-1002 «Формирование и развитие археологических культур эпохи железа на территории Европейского Северо-Востока: традиции и инновации».

Э.А. Савельевой, В.А. Семенова). В 1980-е гг. раскопки поселений интересующего нас периода велись в бассейне р. Вычегды. Особое значение при этом имели исследования широкими площадями поселений Борганъель I–II на Нившере и Ягу-яр на Выми (раскопки Л.И. Ашихминой), открытие ананьинских погребений на поселениях шойнатыйского геоархеологического микрорайона (раскопки К.С. Королева). В 1990-е – начале 2000-х гг. основные исследования памятников ананьинской КИО были также сосредоточены в бассейне р. Вычегды. Раскопки проводились К.С. Королевым на территории Угдымского геоархеологического микрорайона на средней Вычегде, где изучены как поселенческие, так и погребальные комплексы (на территории поселений). И.О. Васкулом проведены раскопочные работы на поселениях Мыелдино на верхней Вычегде и Себъяг I в низовьях Северной Кельтмы (левый приток р. Вычегды). Последние два памятника располагаются на водных путях, соединяющих Вычегодский край с бассейном р. Печоры и Волго-Камьем.

Меньше внимания уделялось в 1980-х – начале 2000-х гг. полевому изучению памятников ананьинского времени в Печорском крае. Экспедициями Сыктывкарского государственного университета (Т.В. Истомина, Н.Н. Чеснокова), Коми НЦ УрО РАН (А.Л. Багин, И.О. Васкул, В.С. Зеленский) выявлены новые пункты находок этого периода, однако стационарные раскопки проводились на ограниченном числе памятников. «Ананьинские» материалы были получены во время исследований поселений, содержащих разновременные культурные остатки в пределах железного века Айюва I, Топыд-нюр IV (А.М. Мурыгин), Китостав, Корольки II (И.О. Васкул), Адакского I пещерного святилища (В.А. Семенов). Стационарные раскопки проведены на поселении ямашорского культурного типа Сынявом I (И.О. Васкул). В эти же годы открыт и частично исследован Шиховской могильник, большинство погребений которого относится к ананьинскому времени.

Таким образом, накопленные материалы создают достаточно надежную базу для изучения этнокультурных связей населения ЕСВ в ананьинское время. В то же время неравномерная изученность древностей этого периода в нашем регионе несколько снижает полноту характеристики связей обитателей края с окружающими территориями.

Наиболее отчетливо фиксируются связи с населением ананьинской культурно-исторической общностью (областью) Волго-Камья (далее – АКИО)*. Сравнение керамических коллекций древностей ЕСВ и Волго-Камья позволило исследователям определить направления этих связей – памятники марийского Поволжья, бассейна р. Вятки, верхнего и среднего Прикамья (Буров, 1965. С. 116, 176–177; 1967. С. 126; 1989. С. 3–5; Вечтомов, 1968. С. 83; Оборин, 1969. С. 157–159; Лузгин, 1972. С. 113; Канивец, 1974. С. 134–135, 138; Ашихмина, Верещагина, 1980. С. 69; Ашихмина, 1985. С. 22–23; Мокрушин, 1993. С. 150–151;Марков, 2007. С. 56-57). Общие черты прослежи-

* Автор придерживается точки зрения тех исследователей, которые полагают, что на территории лесной полосы Восточной Европы, включающей Волго-Камье, Европейский Северо-Восток, Прибеломорье, в первой половине раннего железного века существовала ананьинская культурно-историческая область (Кузьминых, 2000. С. 108). В то же время для населения верхнего и среднего Прикамья и Европейского Северо-Востока мы вправе говорить о единой общности, подразумевая под этим и некое этническое единство жителей этих территорий, что отразилось в археологических материалах. При этом местные особенности культуры населения ЕСВ и верхнего, и среднего Прикамья, обусловленные генезисом памятников, этнокультурными контактами с сопредельными территориями, хозяйственным укладом, позволяют выделять в рамках этой общности локальные культурные образования.

ваются в форме, деталях оформления шейки, орнаментации венчика, шейки и плечиков сосудов. Изучение керамических комплексов послужило основой для ряда культуро- и этногенетических концепций. Особое внимание исследователи уделяли роли этнокультурных связей при разработке проблем, связанных с формированием археологических культур (далее – АК), переходных от эпохи бронзы к раннему железному веку и при смене культур АКИО на территории ЕСВ и Волго-Камья.

В настоящее время общепризнанным является тот факт, что формирование древностей АКИО происходило в начале I тыс. до н.э. в ходе взаимодействия носителей лебяжской, маклашеевской, ерзовской АК, культуры сетчатой керамики при воздействии зауральского населения. При этом речь идет о культурных контактах, а не об однонаправленных миграциях с территории Волго-Камья. Лебяжская керамика отмечена В.Н. Марковым на памятниках нижнего (Марков, 2007. Рис. 23–24, 29), А.Ф. Мельничуком, В.А. Обориным – среднего и верхнего Прикамья (Оборин, 1969. С. 157–160; Мельничук, 2002. С. 102; Мельничук, Коренюк, Перескоков, 2009. С. 111–112). Археологи ЕСВ, основываясь на том, что древности ананьинского времени в регионе сформировались на лебяжской основе (в последнее время этот тезис получил подтверждение в ходе изучения формовочной массы керамических комплексов бассейна р. Вычегда – Лысюк, Паршуков, Семенов, 2003. С. 135), отмечают также в керамических комплексах признаки, характерные для глиняной посуды Волго-Камья, что и позволило отнести северные памятники к ананьинской КИО. Именно параллели в керамических комплексах Прикамья позволили Л.И. Ашихминой разработать типолого-хронологическую схему развития керамики ананьинского времени в бассейнах рек Вычегды, Мезени и Северной Двины, увязав выделенные этапы с предложенной ею же схемой развития керамики средней Камы (Ашихмина, 1985. С. 32; Ашихмина, Васкул, 1997. С. 328–329).

В конце 1990-х – 2000-е гг. глиняная посуда, орнаментированная узорами, характерными для керамики ерзовской АК Прикамья, обнаружена во время исследований поселения Мыелдино на верхней Вычегде, сосуды с маклашеевскими чертами, сетчатыми отпечатками – на поселении Сэбъяг I в приустьевой части р. Сев. Кельтма (левый приток р. Вычегда). Последний памятник в целом имеет большое значение для решения вопроса об участии прикамского населения в генезисе культур ананьинского времени в бассейне р. Вычегда. В ходе раскопок этого памятника получена коллекция сосудов с высокой прямой или отогнутой наружу шейкой, четко выраженным переходом от шейки к плечикам. В керамическом тесте содержатся органические примеси. Шейка и плечики сосудов орнаментированы сочетаниями шнура, зубчатых оттисков и ямок, ямок и зубчатых отпечатков, зубчатым штампом, шнуром, клиновидными вдавлениями и ямками, шнуром, насечками. В нижней части ямок имеется рельефный наплыв, образовавшийся по нижнему обрезу ямочных вдавлений. У двух сосудов при переходе от шейки к плечикам прочерчена горизонтальная линия. Обломки глиняной посуды, близкой описанной, найдены также на поселении Шойнаты III на средней Вычегде (Королев, 1997. Рис. 18, 1). Керамика этой группы находит аналогии в раннеананьинских памятниках типа поселения Заюрчим верхнего и среднего Прикамья первой четверти I тыс. до н.э. (Вечтомов, 1967. С. 136; Денисов, 1968. С. 56–64, 70, табл. II; Майстренко, Мельничук, 2010. Рис. 2, 15–16) и свидетельствует об участии камского населения в формировании культур ЕСВ. Продвижение североприуральского

населения в бассейн р. Камы документирует ластинская керамика (позднелебяжская по Г.М. Бурову), обнаруженная на поселениях этого региона (Вечтомов, 1968. С. 83; Оборин, 1969. С. 160. Рис. 1, 3–5). В результате взаимодействия различных групп населения формируется традиция изготовления гребенчато-шнуровой керамики.

Большую роль связям с АК Прикамья исследователи отводят при формировании керамического комплекса типа Перный. В.И. Канивец связывал генезис этого типа памятников с возросшим влиянием населения Камского региона, подчеркивая местную ластинскую подоснову перныйских древностей (Канивец, 1974. С. 136–138). Г.М. Буров писал о переселении носителей перныйских древностей с территории Волго-Камья, предлагая называть их собственно ананьинскими (Буров, 1989. С. 4–5). Эта миграция вызвала, по его мнению, отток позднелебяжского (ластинского) населения на северо-запад, где в материалах памятников присутствует ластинская керамика (Буров, 1989. С. 29). Л.И. Ашихмина полагает, что формирование памятников типа Перный связано с проникновением родственного населения из Прикамья (Ашихмина, Васкул, 1997. С. 333). Эту точку зрения разделяет С.В. Кузьминых (Кузьминых, 2007. С. 44). Необходимо отметить, что керамические комплексы ЕСВ, объединенные В.И. Канивцом в культурный тип Перный, отражают усилившиеся связи с Камским регионом. Как было отмечено в свое время Г.М. Буровым, увеличивается доля сосудов с примесью раковины в глиняном тесте, на шейках сосудов появляются валик и воротничок (Буров, 1967. С. 122, 125). Л.И. Ашихмина полагает, что исходным районом этих инноваций в керамическом производстве был бассейн р. Вятки, где потомки постлуговского населения оформляли свою посуду воротничковым налепом и орнаментировали сосуды гребенчатым штампом (Ашихмина, Васкул, 1997. С. 333). А.Ф. Мельничук отмечает, что традиция оформления шейки налепом в виде воротничка известна на керамике ерзовской АК эпохи бронзы в пермском Прикамье (Мельничук, 2002. С. 103). В то же время при решении этого вопроса необходимо учитывать два фактора. Первый из них – археологический. Проведенное сравнение керамических коллекций поселения Мыелдино, в ходе раскопок которого была получена наиболее статистически представительная выборка глиняной посуды, с поселением Перный показало, что между этими памятниками имеются различия в добавках к глиняному тесту, орнаментации сосудов (Васкул, 2003. С. 41–42). Было установлено, что если для перныйского керамического комплекса характерна зубчато-ямочная орнаментация (Канивец, 1974. С. 138), то для мыелдинской керамики – ямочно-гребенчато-шнуровая. Сравнение глиняной посуды поселения Мыелдино с опубликованными коллекциями других вычегодских памятников показало, что для них характерна ямочно-гребенчато-шнуровая или шнуровая техника орнаментации. Исключение составляют висские поселения, которые по таким признакам, как примеси к глиняному тесту, орнаментация сосудов близки перныйским памятникам. На различия в орнаментации глиняной посуды печорских и вычегодских памятников обращала в свое время внимание и Л.И. Ашихмина (Ашихмина, 1985. С. 25–26, 32).

Подводя итог всему вышесказанному, следует отметить, что имеющиеся материалы свидетельствует о локальных различиях между керамическими комплексами памятников типа Перный и поселений верхней и средней Вычегды (прежде всего, поселения Мыелдино). Наличие в коллекции поселения Мыелдино сосудов с примесью дресвы в глиняном тесте, декорированных зубчатым штампом, а также украшенных шнуром и фигурными оттисками, является отражением

внутрирегиональных связей населения бассейнов рек Вычегды и Печоры. Это необходимо учитывать при сопоставлении древностей ЕСВ и Прикамья. Также нужно отметить, что керамические комплексы и печорских, и вычегодских памятников свидетельствуют о связях с культурами Прикамья, что неоднократно отмечалось исследователями.

Сравнение глиняной посуды поселения Мыелдино и Конецгорского селища позволяет говорить о близости керамики этих памятников, что выражается в форме глиняной посуды, преобладающем использовании органических примесей в глиняное тесто, ведущей роли зубчатых, шнуровых и ямочных узоров в орнаменте (Збруева, 1952. С. 254–258). Различия наблюдаются в проценте узоров, выполненных в той или иной технике, отсутствии в керамическом комплексе поселения Мыелдино сосудов, украшенных только ямками или только шнуром, в наличии на Конецгорском поселении (как и на других верхнекамских памятниках) довольно значительного процента керамики, декорированной резными узорами. К древностям конецгорского типа относит вычегодско-печорские памятники А.Ф. Мельничук (Мельничук, 2002. С. 103; Казанцев, Изосимов, Майстренко, Мельничук, 2009. С. 87).

В плане изучаемой темы особо интересны материалы памятников раннего железного века в предгорной части р. Вишеры (правый приток р. Камы). Помимо близости керамических комплексов этого района и памятников типа Перный (сравните: Канивец, 1974. Рис. 61 и Казанцев, Изосимов, Майстренко, Мельничук, 2009. Рис. 2, 1) необходимо отметить и то, что население северного Прикамья и бассейна р. Печоры использовало в качестве культовых памятников пещеры, где в ходе раскопок зафиксированы следы кострищ, найдены фаунистические остатки, керамика, металлические изделия. Все же, как представляется, при сравнении керамических комплексов типа Перный бассейна р. Печоры и глиняной посуды конецгорского типа, несмотря на близость формы и орнаментации сосудов названных типов, необходимо учитывать мнение В.И. Канивца, который при выделении памятников типа Перный отмечал различия в керамических комплексах Прикамья и ЕСВ: для глиняной посуды типа Перный не типична примесь раковины, характерен строгий и прямолинейный орнамент, восходящий к лебяжской культуре, основным элементом узора в отличие от Прикамья являются зубчатые оттиски (до 90% сосудов), имеются оттиски фигурных штампов, отсутствуют резные узоры и др. (Канивец, 1974. С. 138).

Второй фактор – климатический. Исследователи отмечают, что в середине I тыс. до н.э. на севере европейской части России происходит похолодание, что отразилось в материалах археологических памятников (Ашихмина, Васкул, 1997. С. 332; Стоколос, 1997. С. 40–41). На ЕСВ это выразилось в сокращении ареала древностей ананьинского времени. Так, если раннеананьинская керамика встречена по всей территории региона, то материалы середины – второй половины I тыс. до н.э., судя по имеющимся данным, на территории Большеземельской тундры практически отсутствуют (Чернов, 1985). Похолодание вызвало отток населения в более южные районы, на что указывает и С.В. Кузьминых (Кузьминых, 2000. С. 107). В связи с этим весьма интересной является концепция В.Н. Маркова об участии северо-приуральского населения в формировании культур гребенчато-шнуровой и сложно-шнуровой керамики в Прикамье (Марков, 2007 и более ранние публикации), вызвавшая оживленную дискуссию.

Одни исследователи поддержали концептуальные построения этого ученого (Кузьминых, 2000. С. 107–108; 2007. С. 43–44; Савельева, 2000. С. 46; Иванов, 2007. С. 31–34; Чижевский,

2008; Белавин и др., 2009. С. 123, 259). Другие – подвергли критике (Борзунов, 1992. С. 106–107; Ашихмина, Васкул, 1997. С. 320, 333; Голдина, 1999. С. 190, 193; История Удмуртии, 2007. С. 160–161; Мельничук, Коренюк, Перескоков, 2009. С. 112–114)*. Действительно, по форме глиняной посуды, орнаментации шейки и плечиков сосудов шнуровыми оттисками в сочетании с зубчатыми отпечатками отмечаются параллели между ластинской (позднелябяжской по Г.М. Бурову) керамикой и керамическими комплексами памятников ананьинского времени на Вятке, Ветлуге, в верхнем и среднем Прикамье (Черных и др., 2002. Рис. 19–28; Марков, 2007. Рис. 21–22, 25–27). К сожалению, В.Н. Марков не учел тот факт, что археологи Европейского Северо-Востока при выделении ластинской (позднелебяжской) керамики, не имея твердо датированных комплексов, ориентировались на параллели на Волго-Камских памятниках, принимая датировки, предложенные А.В. Збруевой (Збруева, 1952) и другими исследователями. Передатировка прикамских памятников с гребенчато-шнуровой и сложно-шнуровой керамикой, проведенная В.Н. Марковым (Марков, 2007. С. 54–57), должна привести к изменению датировок ластинских (позднелебяжских) комплексов на ЕСВ.

Открытие К.С. Королевым погребений ананьинского времени на поселениях средней Вычегды (Королев, 1997. С. 97–99; 1999. С. 60–61, 65), раскопки Шиховского могильника в бассейне р. Печоры дают возможность проследить взаимосвязь древностей Волго-Камья и ЕСВ по данным погребальных памятников. Однако при характеристике связей необходимо учитывать, во-первых, статистически незначительное количество погребений ананьинского времени на ЕСВ, во-вторых, то, что захоронения на Вычегде и большинство ананьинских некрополей в Волго-Камье датируются более ранним временем IX/VIII – VI вв. до н.э., в то время как погребения Шиховского могильника – VI – III вв. до н.э. (Васкул, 2002).

На поселениях долины средней Вычегды, по данным К.С.Королева, известно шесть одиночных захоронений по обряду кремации. Датируются они раннеананьинским временем. Эти погребения отличаются от захоронений Шиховского могильника бóльшей глубиной могильных ям, наличием на дне каменных вымосток и зольно-углистого слоя над ними, малочисленностью погребального инвентаря (обломки глиняной посуды, сильно коррозированный железный предмет). Преобладание обряда кремации, отсутствие каменных стел, вымосток на дне могилы, коллективных погребений, меньшие размеры могильных ям отличают его от погребальных памятников ананьинского периода в Волго-Камье. Наряду с отличиями выделяются и общие черты для прикамских памятников и Шиховского могильника. Шиховской могильник так же, как и они, расположен в приустьевой части притока крупной реки (р. Мача – левый приток р. Печоры), на месте более ранних поселений (Халиков, 1977. С. 88–90; Коренюк, 2000. С. 114).

Так же, как в Волго-Камском регионе, погребения Шиховского могильника были отмечены внешними признаками, о чем свидетельствует наличие в могильных ямах и рядом с ними столбовых ямок. Одно из захоронений Шиховского могильника ориентировано ногами к реке, что присуще погребальным обычаям ананьинцев (Збруева, 1952. С. 124). Несмотря на то, что для могильников Волго-Камья характерны большие размеры могильных ям (на Старшем Ахмыловском

* Необходимо отметить, что в более ранней работе Л.И. Ашихмина не отрицала «продвижение раннеананьинских групп (по В.Н. Маркову) в бассейн р. Унжи и Ветлуги, а также на верхнюю Вятку» (Ашихмина, 1991. С. 14), не исключает возможности миграции приуральского населения в более южные районы и В.А. Борзунов (Борзунов, 1992. С. 107).

могильнике 40% могильных ям имеет длину 201–254 см), часть из них близка по размерам захоронениям Шиховского некрополя. Так, на Старшем Ахмыловском могильнике, например, 24% захоронений имеет глубину до 40 см, длина 5% могильных ям – 100–130 см (Патрушев, Халиков, 1982. С. 133). В то же время на Шиховском могильнике выделяется группа захоронений в лодках, длина которых составляет не менее чем 3 м. А.А. Чижевским разработана типология могильных ям погребальных памятников АКИО. В ее основу положены такие признаки, как соотношение длины и ширины ям, их форма в плане и профиле, конструктивные особенности устройства (Чижевский, 2008. С. 24–32).

Могильные ямы Шиховского могильника соответствуют типам I вариант 1 и III. И на Шиховском, и на Старшем Ахмыловском могильниках зафиксированы погребения в колоде, прослежены остатки берестяной подстилки (Патрушев, Халиков, 1982. С. 134). Так же, как и на Шиховском, на могильниках Среднего Поволжья известны погребения в лодках (Ефимова, 2000. С. 327). Сближает Шиховской могильник и ананьинские погребальные памятники Волго-Камья такая деталь погребального обряда, как захоронения черепов (Халиков, 1977. С. 100–101; Ефимова, 2000а. С. 44–46). Несмотря на то, что в Волго-Камье абсолютно преобладает отряд трупоположения, исследователи отмечают значительную роль огня в погребальном обряде (Збруева, 1952. С. 111–116; Патрушев, Халиков, 1982. С. 133–136). А.В. Збруева подчеркивает, что в большинстве могил Котловского, Пьяноборского (Релки) и Уфимского могильников (синхронных или частично синхронных Шиховскому) наблюдались угли (Збруева, 1952. С. 124). По данным С.Н. Коренюка, трупосожжения составляют на памятниках Прикамья от 4,7 до 6,2% (Коренюк, 2000. С. 114). Сходен состав погребального инвентаря могильников, в который входят глиняная посуда, предметы вооружения, быта, зеркала, украшения головы, костюма (Васкул, 2002. С. 7–17).

В монографии А.Н. Чижевского, посвященной изучению погребальных памятников археологических культур Волго-Камья, входивших в АКИО, дана характеристика погребального обряда археологических культур эпохи поздней бронзы (маклашеевская) – раннего железного века (постмаклашеевская, акозинская, ананьинская культура шнуровой керамики, ананьинская культура гребенчато-шнуровой керамики). На основе тщательного анализа имеющихся данных, исследователь рассмотрел генезис и эволюцию элементов погребальных памятников, изучил вопросы, связанные с проблемой культурной дифференциации погребального обряда населения АКИО (Чижевский, 2008. С. 78–87). Анализ могильников Волго-Камья по тенденции признаков обряда позволил ему выделить три группы признаков: 1) всеобщие, характерные для всех культурных групп; 2) локальные, характеризующие как минимум две рассматриваемые выборки; 3) частные, присущие лишь одной археологической культуре (Чижевский, 2008. С. 85–86. Табл. 25).

Это дает возможность сравнить имеющиеся данные по погребальной обрядности населения Европейского Северо-Востока с конкретными АК, входившими в АКИО Волго-Камья. Большинство признаков, свидетельствующих о связях погребального обряда населения двух регионов, относится к группам всеобщих и локальных. Наиболее интересны выделенные А.А. Чижевским для культур АКИО частные признаки (Чижевский, 2008. С. 86). Именно они позволяют сделать выводы о более тесных связях погребальных памятников населения ЕСВ с конкретными археологическими культурами Волго-Камья. Так, в числе частных признаков, характеризующих постмаклашеевскую АК, выделяются антропозооморфные фигурки, что отмечено и для Шиховского

могильника. Для могильников акозинской АК, как и для Шиховского, характерно расположение захоронений группами. Кремация погребенных, наличие в составе инвентаря кельтов с шестигранной втулкой указывают на связи с АК шнуровой керамики. Наконец, присутствие в захоронениях Шиховского могильника сосудов, декорированных в гребенчато-шнуровой технике, является свидетельством связей с АК гребенчато-шнуровой керамики. Следует отметить, что приведенные данные отражают норму распределения и тенденцию признаков. Значения ниже порогового не учитываются, хотя, к примеру, обряд кремации на стороне (небольшой процент) присутствует и среди захоронений акозинской АК. В целом же необходимо отметить, вышеприведенные материалы несомненно свидетельствуют о близости погребальных обычаев населения ЕСВ и Прикамья. Обращает на себя внимание наибольшее число совпадений признаков с акозинской АК, ананьинской культурой шнуровой и ананьинской культурой гребенчато-шнуровой керамики. К сожалению, более детальное сопоставление с прикамскими памятниками затруднено отсутствием погребений эпохи поздней бронзы, небольшим числом захоронений ананьинского времени, исследованных в изучаемом регионе.

Наиболее отчетливо связи с культурами АКИО прослеживаются в различных типах изделий из цветных металлов, найденных на памятниках ЕСВ. Подавляющее большинство металлических предметов находит аналогии на памятниках АКИО Волго-Камья. Помимо этого многие предметы, происхождение которых связано с древностями кочевников евразийских степей, античными центрами Причерноморья также попадали на ЕСВ через территорию АКИО (бронзовые зеркала, стеклянные бусы и др.).

Для ананьинского времени на территории Среднего Поволжья и Прикамья С.В. Кузьминых выделяет два очага металлургии и металлообработки: акозинский и ананьинский, оба очага обнаруживают преемственность с металлообработкой предшествующего периода (Кузьминых, 1983. С. 157–181). Акозинский очаг датируется IX/VIII–VI вв. до н.э., его продукция распространялась на северо-западные области лесной полосы Восточной Европы, занятой культурами «текстильной общности» (Кузьминых, 1983. С. 169). Отчетливо фиксируются связи с населением Кавказа, ранними кочевниками степей Поволжья и Приуралья. После VI в. до н.э. очаг прекращает свое функционирование. По мнению А.Х. Халикова (Халиков, 1977. С. 258), население ушло из среднего Поволжья на восток – в Прикамье и на север, в Поветлужье или может быть еще севернее. С.В. Кузьминых полагает, что носители постмаклашеевской, акозинской и гребенчато-шнуровой АК уходят из Среднего Поволжья и Усть-Камья в северо-западные районы лесной полосы Восточной Европы, а часть населения постмаклашеевской АК переселяется в лесную зону на Самарской Луке и в среднее течение р. Белой (Кузьминых, 2007. С. 43–44). Как было отмечено выше, с миграцией из Прикамья этот исследователь, предположительно, связывает появление на ЕСВ памятников типа Перный (Кузьминых, 2007. С. 44).

В развитии ананьинского металлургического очага, продукция которого была ориентирована в основном на восточные районы АКИО, выделяются два этапа: IX/VIII – конец VI вв. до н.э. и VI–IV вв. до н.э. Между этапами наблюдаются различия, связанные с изменениями географии расселения ананьинского населения в конце VI в. до н.э. и прекращением деятельности наиболее мощного средневолжско-усть-камского варианта этого очага, в VI–IV вв. до н.э. функционирует только камский вариант (Кузьминых, 1983. С. 171). На рубеже V–IV вв. до н.э. происходит транс-

формация ананьинского металлургического очага, что выразилось в исчезновении характерных типов оружия и орудий труда, некоторых видов бытовых предметов, украшений, изделий в зверином стиле. В IV–III вв. до н.э. завершается функционирование ананьинской КИО в Прикамье, на ее месте формируются новые культурные образования. Число комплексов этого времени, как полагает С.В. Кузьминых, крайне незначительно. Исключение составляют кара-абызские памятники. Изменяется и структура ананьинского металлургического очага. Его локальные центры преобразуются в самостоятельные очаги металлообработки, деятельность которых была направлена на производство бронзовых украшений (Кузьминых, 1983. С. 180).

Изделия из цветных металлов ананьинского времени на территории ЕСВ представлены в основном материалами пещерных святилищ бассейна р. Печоры, Шиховского могильника и реже поселений. Среди них бронзовые кельты, секира, чекан, бронзовое копье, наконечники стрел (втульчатые трехлопастные и черешковый листовидный), колчанный крючок, кинжалы с бронзовыми рукоятями, предметы поясной гарнитуры, украшения костюма, культовое литье, бронзовые зеркала. Изучение химического состава свидетельствует, что эти предметы, как и в Волго-Камье, изготовлены из оловянистых и сурьмяно-мышьяковистых бронз, «чистой» меди (Канивец, 1964. С. 88–89; Буров, 1967. С. 130; Канивец, 1974. С. 69, 91. Табл. 2; Ашихмина, Васкул, Каликов, 1990. С. 97–106).

Несомненно, большинство находок предметов из цветных металлов связано своим происхождением с территорией ананьинского металлургического очага в Прикамье. В то же время необходимо отметить, что находки на поселениях на территории ЕСВ тиглей для выплавки предметов из меди-бронзы, сплесков и капель металла, металлического лома, предназначенного для переплавки (поселения Перный I, Сынявом I, Шиховское I, Шиховское VI и др.), формы для отливки кельта (поселение Вис I), склада бронзовых изделий, предназначенных для переплавки (стоянка Синдорское озеро I) свидетельствуют в пользу того, что часть изделий могла производиться на месте по прикамским образцам. Подобное предположение не противоречит известному методологическому положению о том, что в первобытном обществе инновации (утилитарные и престижно-знаковые) «по горизонтали» (территориально) распространялись достаточно быстро (Арутюнов, 1989. С. 177–178).

Большинство изделий из цветных металлов с территории ЕСВ относятся к VI–III вв. до н.э., ко второму этапу развития ананьинского металлургического очага, по С.В. Кузьминых (Кузьминых, 1983. С. 171). Изделия более раннего времени немногочисленны. Это бронзовые бляшка-пуговица, бляшка-личина с поселения Борганъель I и бронзовое культовое изделие («древо жизни») с поселения Борганъель II (Ашихмина, Васкул, 1997. С. 328–329. Рис. 13, 3, 4–5). Бляшка-пуговица имеет аналогии в памятниках эпохи поздней бронзы и раннеананьинского периода в Волго-Камье (Ашихмина, 1985. С. 29). Два других изделия не имеют внешних параллелей, хотя бронзовые изображения человеческих личин характерны для памятников Волго-Камья раннеананьинского времени (Васильев, 2004. С. 276).

Связи с ананьинским металлургическим очагом на втором этапе его развития отражают, в первую очередь, такие категории изделий с памятников ЕСВ, как оружие и орудия труда. Прежде всего, это бронзовая парадная секира, найденная в с. Слудка (Рябцев, Семенов, 1988. С. 244), относящаяся к секирам пинежского типа, датирующегося, по мнению С.В. Кузьминых,

рубежом VI – V – IV вв. до н.э. (Кузьминых, 1983. С. 143–144). Исследователи рассматривают данный тип изделий как символы власти (Берлин, 2010. С. 154). Параллели в древностях Прикамья находят железные ножи или кинжалы с зооморфными рукоятями, грифоноголовые наконечники ножен, найденные в погребениях Шиховского могильника, кинжал с бронзовой рукоятью и ножнами с головой грифона – случайная находка из окрестностей Усть-Цильмы (Чернецов, 1958. С. 157–158. Табл. XVIII, 2). По данным С.В.Кузьминых, железные кинжалы с бронзовыми зооморфными рукоятями встречаются в комплексах VI и V–IV вв. до н.э., железные ножи с бронзовыми зооморфными рукоятями известны в комплексах VI–IV вв. до н.э. (Кузьминых, 1983. С. 128–130, 150–151). Причем ножи с рукоятью в виде хищного животного (предположительно волка) датируются концом VI – V вв. до н.э. (Кузьминых, 1983. С. 151). Найденные на территории Волго-Камья грифоноголовые наконечники ножен С.В. Кузьминых датирует VI в. до н.э. и считает их кавказским импортом (Кузьминых, 1983. С. 134–135). Бронзовые трехлопастные наконечники стрел со скрытой втулкой, подобные находкам из Канинской пещеры, Шиховского могильника, поселений Ниремка 1 и Угдым 2, появляются на Каме в VI –V вв. до н.э. Пик их распространения, по данным С.В.Кузьминых, приходится на V в. до н.э. Более грубые экземпляры этих изделий с нечетким разделением втулки и пера известны в IV–III вв. до н.э. (Кузьминых, 1983. С. 110). Произведением уральских или западносибирских мастеров является чекан, втулка которого завершается головой грифона (Кузьминых, 1983. С. 142), найденный в бассейне р. Уса (Канивец, 1964. Рис. 33). Найденные на территории ЕСВ кельты имеют шестигранное сечение втулки, что также характерно для продукции металлургов ананьинского металлургического очага на втором этапе его развития (Кузьминых, 1983. С. 177). В захоронениях Ананьинского могильника в среднем Прикамье, Кадыровского VI курганного могильника V–III вв. до н.э. на северо-востоке Башкортостана известны изделия подобные железному однолезвийному кинжалу из погребения 19 Шиховского могильника (Збруева, 1952. Табл. XXI, 15; Гарустович, Лебедев, 1995. С. 47. Рис. 2, 4).

Параллели в ананьинских древностях находят украшения, найденные на памятниках ЕСВ. Прежде всего, это прямоугольные бляшки с треугольным орнаментом, найденные в погребениях Шиховского могильника и получившие чрезвычайно широкое распространение в пьяноборскую эпоху. Однако наиболее ранние их экземпляры известны в поздних захоронениях VII–VI вв. до н.э. Старшего Ахмыловского могильника, погребениях Ананьинского могильника (имеют с оборотной стороны одну петлю для крепления), в раннепрохоровских древностях, захоронениях IV–III вв. до н.э. кара-абызской и V–III вв. до н.э. гороховской культур на северо-востоке Башкортостана, погребении 3 III–II вв. до н.э. саргатского кургана 7 могильника Чепкуль 9 в Притоболье (Збруева, 1952. Табл. XVII, 2; Мошкова, 1963. Табл. 32, 8; Пшеничнюк, 1974. Рис. 4; Патрушев, Халиков, 1982. Табл. 126, 9а; Гарустович, Лебедев, 1995. С. 52, 58. Рис. 3, 10; Зах, Глушкова, 2009. Рис. 11–12). Наиболее близки находкам из Шиховского могильника предметы из раннесарматских, кара-абызских, гороховских и саргатских комплексов.

В материалах Никульчинского городища на р. Вятке имеются аналогии обломку подвески из Шиховского могильника (Голдина, 1999. Рис. 93, 10). Бляшки с изображением грифонов находят аналогии в материалах Гляденовского костища (Генинг, 1978. Рис. 32, 13). Подвески, сходные с арочной подвеской из погребения 23 Шиховского могильника, известны в комплексах Охлеби-

нинского могильника (Генинг, 1988. Рис. 17, 16) и на городище Алтен-Тау, которое датируется IV–III вв. до н.э. (Черных, 1959. С. 162–163. Рис. 7, 11). В Уфимском могильнике позднеананьинского времени и раннекара-абызских материалах известны аналогии бронзовым колокольчикам (Збруева, 1952. Табл. XXXI, 18; Пшеничнюк, 1968. Рис. 6, 14; 1974. Рис. 6, 19). К погребениям IV–III вв. до н.э. кара-абызской культуры уводят нас аналогии трапециевидной бляхе из захоронения 26 Шиховского могильника. Одной из характерных черт материальной культуры населения Волго-Камья в ананьинское время являлись поясные крючки, подобные найденному в погребении 36 Шиховского могильника (Збруева, 1952. Табл. XXXI, 1–6, 9), заимствованные ананьинцами, по мнению Ст. А. Васильева, из Подонья в VI–IV вв. до н.э. (Васильев, 2004. С. 281). VI–III вв. до н.э. датируется бляха с территории Нижнего Прикамья, подобная бляхе из погребения 28 того же могильника (Корепанов, 1991. С. 19).

Аналогии литым обоймам с памятников ЕСВ имеются в материалах позднеананьинского Зуевского могильника (погребение 16 – Древности Камы … Табл. XVII, 16), 1 курганной группы Шиповского могильника, датирующейся IV–III вв. до н.э. (Пшеничнюк, 1976. Рис. 8, 18), погребениях Юлдашевского могильника III–I вв. до н.э. (Пшеничнюк, 1986. Рис. 6, 38; 10, 8). Обращает на себя внимание тот факт, что большинство из вышеперечисленных категорий украшений, имеющих аналогии на ЕСВ, происходят из позднеананьинских комплексов среднего Прикамья, прилегающих к месту впадения в Каму р. Белой, и Уфимского могильника в Башкирии, а также из погребений кара-абызской археологической культуры в Башкортостане. Аналогии с древностями кара-абызской АК характерны и для следующего, гляденовского, периода развития раннего железного века на территории ЕСВ, особенно на его начальном этапе. Это свидетельствует о достаточно интенсивных связях с кара-абызским очагом металлообработки, являющимся одним из тех локальных очагов, которые возникли, по мнению С.В. Кузьминых, на месте ананьинского металлургического очага и были направлены на производство украшений (Кузьминых, 1983. С. 180).

По всей видимости, через территорию культурных образований позднеананьинского времени в Прикамье попали на ЕСВ четырехлепестковые бляшки, известные в материалах V–III вв. до н.э. новочекинской и IV–III – II–I вв. до н.э. большереченской АК Сибири (Полосьмак, 1987. Табл. IX; Троицкая, Бородовский, 1994. Табл. LII, 170). Однако, в отличие от изделия из погребения 26 Шиховского могильника, они не плоские, а выпуклые. В большереченских древностях указанного периода и погребениях позднеананьинского Уфимского могильника имеются также височные подвески, подобные найденным на Шиховском могильнике (Збруева, 1952. Табл. VI, 6; Троицкая, Бродовский, 1994. Табл. XXVIII, 2).

Для ананьинского времени на ЕСВ, так же как и для Камского региона, характерно распространение звериного стиля в искусстве, получившего название «ананьинский звериный стиль». В Прикамье пик распространения предметов звериного стиля, подобных найденным на ЕСВ, приходится на VI–IV вв. до н.э. Причем, время расцвета «ананьинского звериного стиля», по мнению С.В. Кузьминых, – V в. до н.э. (Кузьминых, 1983. С. 177–178). Ст. А. Васильев выделяет в развитии «ананьинского звериного стиля» два периода: VII–VI и V–III вв. до н.э. Большая часть находок датируется V–III вв. до н.э. (Васильев, 2004. С. 276). В V в. до н.э., по мнению этого исследователя, происходит смена одних категорий предметов, выполненных в зверином стиле,

другими, увеличивается количество местных, оригинальных изделий, мотивов и сюжетов, появляются локальные центры изготовления (Васильев, 2004. С. 279, 281–282). Особенно привлекательным в плане изучаемой темы является предположение Ст. А. Васильева о том, что «с IV в. до н.э. или даже более раннего времени в северных районах АКИО начинает формироваться новое художественное направление, характеризующееся использованием одинаковых стилистических приемов, элементов декора и форм ("перевитая косичка", ряды круглых или квадратных жемчужин, полые фигурки) для разных категорий украшаемых предметов. Близкие стилистические и сюжетные аналогии этим приемам имеются в пластике позднеананьинских печорских и усть-полуйских памятников Зауралья» (Васильев, 2004. С. 286).

Подавляющее большинство находок с территории ЕСВ происходит из раскопок Шиховского могильника, коллекция предметов в «зверином стиле» которого является одной из самых представительных в АКИО* (Васкул, 2002). Помимо находок из погребений этого могильника изделия «ананьинского звериного стиля», датирующиеся серединой-второй половиной I тыс. до н.э., представлены подвеской со сценой противостояния хищного и травоядного животных из раскопок поселения Весляна IV, парадной секирой из с. Слудка, чеканом, втулка которого завершается головой грифона, найденным в бассейне р. Усы. Основные мотивы те же, что и в искусстве Прикамья – изображения хищной птицы, грифона, медведя, волка, кошачьего хищника, выполненные в технике объемного и плоского одностороннего литья. Представлены как целые фигуры, так и части тела зверей и птиц (прежде всего, это головы грифонов). Встречены также изображения бобра, водоплавающей птицы, насекомого, «рогатой» человеческой личины на ящере, костяная антропоморфная фигурка, прочерченные на бронзовых изделиях изображения медведя, человеческих личин, неопределенного животного и композиция из зоо- и орнитоантропоморфных фигур с человеческими личинами на груди, стоящих на ящере. Так же, как и для прикамского «ананьинского звериного стиля», для орнаментации печорских изделий присущи перевитая веревочка, жемчужины. В список характерных признаков орнаментации следует добавить наличие спиралевидных завитков на изображениях, выполненных в зверином стиле, что фиксируется и на прикамских материалах (см. например: Васильев, 2004. Рис. 16, 1; 21, 22). Наблюдается реалистичность изображения одних (например, полые фигурки медведя и бобра из Шиховского могильника) и схематичность других (бляшка со сценой противостояния хищного и травоядного животного с поселения Весляна IV). Подобное единство в технике изготовления и орнаментации предметов звериного стиля с территорий ЕСВ и Прикамья свидетельствует в пользу правомерности предположения Ст. А. Васильева о том, что в северных районах АКИО не позже, чем в IV в. до н.э. формируется новое художественное направление (Васильев, 2004. С. 286), с той лишь оговоркой, что изделия с территории ЕСВ являются не аналогиями, а составной частью этого художественного направления. В то же время между регионами наблюдаются различия в образах звериного стиля. Так, по имеющимся в распоряжении автора данным, в Прикамье большая часть изделий встречена на поселениях, в то время как на ЕСВ абсолютное большинство подобных предметов найдено в захоронениях Шиховского могильника. В нашем регионе более значительное место занимают целые фигуры животных и птиц, граффито на бронзовых

* Имеются в виду как специально изготовленные изделия, так и прочерченные изображения на других предметах.

изделиях. Подводя итог вышесказанному, необходимо отметить, что предметы звериного стиля являются ярким свидетельством этнокультурных связей ЕСВ и Прикамья в ананьинское время.

На этнокультурные контакты населения ЕСВ и северо-запада европейской части России обратила внимание еще М.Е. Фосс. Она сравнивала глиняную посуду стоянок с территории Большеземельской тундры (стоянка на оз. Ярей-ты) с керамикой типа кьельмо, писала о проникновении «большеземельских племен в область беломорской культуры» (Фосс, 1952. С. 142, 145)*. Идеи об этнокультурных связях с территорией ЕСВ в раннем железном веке нашли дальнейшее развитие в работах археологов, изучающих культуры эпохи раннего железа на Северо-Западе Восточной Европы (Ошибкина, 1975. С. 18–24; Косменко, 1993. С. 162–193; 1997. С. 238–270; 2006. С. 204–219; Манюхин, 1997. С. 220–238; 2002. С. 59–177; Жульников, 2005. С. 35–40, 98–99; 2007. С. 77–81; 2008. С. 34–42). М.Г. Косменко и вслед за ним И.С. Манюхин предполагали прямое переселение ананьинского населения с территории среднего Поволжья, в результате которого, во взаимодействии с культурой сетчатой керамики, в Карелии образовались археологические культуры с «ананьинской вуалью» (позднекаргопольская, луукунсаари, с керамикой арктического типа, позднебеломорская). Причем к западу и северу восточные элементы ослабевали, а местные – усиливались (Косменко, 1993. С. 162–193; 1997. С. 238–270; Манюхин, 1997. С. 220–238; 2002. С. 59–177). Генезис позднебеломорской АК связывался с более восточными районами таежной зоны лесной полосы Восточной Европы (Косменко, 1997. С. 263) или восточными районами бассейна Белого моря в Архангельской области (Косменко, 2006. С. 213). В одной из последних работ М.Г. Косменко пересмотрел свои взгляды на генезис и развитие культур раннего железного века в Карелии (Косменко, 2006. С. 204–219). Подчеркивая тот факт, что камско-уральские связи на протяжении раннего железного века были преобладающими (Косменко, 2006. С. 212), восточный компонент был интегрирующим (Косменко, 2006. С. 202), исследователь полагает, что следует говорить об «инфильтрации ананьинского населения в среду западных этносов», имеющиеся материалы «служат доводами в пользу диффузной, а не классической миграционной модели распространения камско-уральских этнических элементов и групп населения на запад. Образ жизни и, видимо, социальная организация населения северо-западной части лесной зоны существенно не изменились по сравнению с бронзовым веком, поэтому проникновение камско-уральского этноса на запад вряд ли сопровождалось регулирующими формами властного характера» (Косменко, 2006. С. 218).

Для рассматриваемой в настоящей работе темы чрезвычайно интересны исследования А.М. Жульникова, посвященные памятникам раннего железного века юго-западного Прибеломорья. Он также исходит из того, что ананьинская КИО оказала существенное влияние на формирование культур эпохи раннего железа на Северо-Западе лесной полосы Восточной Европы. Среди глиняной посуды ананьинского облика этого региона он выделяет две группы керамики: сосуды типов Красная Гора и Водоба (Жульников, 2007. С. 77–80; 2008. С. 40–41).

Керамика типа Красная Гора датируется исследователем VI–V вв. до н.э. А.М. Жульников полагает, что население, использовавшее данный тип посуды, пришло в юго-западное Прибело-

* Необходимо учитывать, что М.Е. Фосс относила, исходя из существовавших на момент публикации ее монографии датировок, выделенную ею «печорскую культуру» к концу II – первой половине I тыс. до н.э. (Фосс, 1952. С. 138–145). В настоящее время датировка многих из приведенных исследовательницей материалов изменена в сторону омоложения.

морье по Северной Двине, в верхнем течении которой и в бассейне Вычегды распространены раннеананьинские памятники*. С территории Прибеломорья, по его мнению, ананьинское население проникло в районы Водлозеро, Лаче и Воже (Жульников, 2007. С. 79; 2008. С. 40–41). Он выдвигает также предположение о том, что ананьинская керамика типа Красная Гора со временем приобрела гляденовский облик, выделяя на памятниках Карелии серию сосудов с гляденовскими признаками (Жульников, 2007. С. 79; 2008. Рис. 4).

Происхождение керамики типа Водоба А.М. Жульников связывает с верхневолжским районом, датируя ее VII–VI вв. до н.э. (Жульников, 2008. С. 40).

Миграция обеих групп ананьинского населения была вызвана внешним фактором. В определенный момент, по мнению А.М. Жульникова, в Восточном Прионежье и Юго-Западном Прибеломорье два потока ананьинского населения пересеклись.

В бассейне Онежского озера и Юго-Западном Прибеломорье население с ананьинской керамикой контактировало с носителями культуры лууконсаари, в результате чего в керамическом комплексе этой АК имеются признаки, указывающие на ананьинское влияние (Жульников, 2007. С. 79; 2008. С. 41). Граница, сложившаяся в середине I тыс. до н.э. между культурой лууконсаари и населением, принесшим ананьинские традиции изготовления глиняной посуды, сохраняется и в конце I тыс. до н.э. между населением с керамикой лууконсаари, наследующей традиции сетчатой керамики, и группами населения с керамикой гляденовского облика, генетически связанной с ананьинской. А.М. Жульников подчеркивает, что по ряду признаков может быть намечена хронологическая параллель между керамикой лууконсаари и гляденовскими древностями. Более сложной была картина этнокультурных взаимодействий в Юго-Восточном Приладожье, бассейне озер Белое, Лаче, Воже, верховьях р. Сухона, где наблюдается сочетание традиций, характерных для сетчатой и ананьинской керамики (Жульников, 2005. С. 37–38; 2007. С. 80–81; 2008. С. 41). Предположение А.М. Жульникова о том, что население, использовавшее керамику типа Красная Гора, пришло в юго-западное Прибеломорье по Северной Двине из бассейна р. Вычегды (или через бассейн р. Вычегды), находит подтверждение в распространении ананьинских бронзовых парадных секир «пинежского типа». Две из них обнаружены в среднем, одна – в Верхнем Прикамье, одна – на Вычегде в с. Слудка и две – на р. Пинеге. Еще две секиры, отличающиеся от «пинежского типа» формой обушка и оформлением втулки, найдены на городище Кара-абыз и под Юрюзанью (Кузьминых, 1983. С. 144; Берлин, 2010. Табл. 3). Карта распространения парадных секир, составленная С.В. Кузьминых (Кузьминых, 1983. Рис. 78), с учетом вычегодской находки (не вошедшей в его сводку), маркирует один из водных путей, по которым ананьинское влияние распространялось на северо-запад лесной зоны восточной Европы. Рассматривая вопрос о связях культур ЕСВ и Северо-Запада, необходимо обратить внимание еще на один факт. На поселении Ружникова на Косминских озерах на Центральном Тимане в коллекции керамики ананьинского времени присутствует серия сосудов чашевидной формы, содержащих минеральные примеси в глиняном тесте, декорированных ямками, шнуровыми оттисками, рядами и линиями широкой гребенки с приостренными или тонкими зубцами, что является специфическим признаком орнаментации керамики типа Красная Гора, по А.М. Жульникову (Жульников, 2007.

* В работе 2005 г. А.М. Жульников сопоставляет памятники с ананьинской керамикой Юго-Западного Прибеломорья с ранними комплексами керамики типа Перный (Жульников, 2005. С. 36).

С. 77–80; 2008. С. 40–41). Связи населения Беломорья с ЕСВ подтверждаются также присутствием в керамическом комплексе поселения Красная Гора сосудов со змеевидными отпечатками в орнаментации (Ошибкина, 1987. Рис. 82, 19), которые представлены на ЕСВ, начиная с эпохи бронзы, а в раннем железном веке характерны для культурных типов Ласта и Ямашор (Канивец, 1974. С. 135, 139). Возможно, о связях населения двух регионов свидетельствует керамика, декорированная протащенной гребенкой в обрамлении отпечатков зубчатого штампа с поселений Ружникова и Кыско (Стоколос, 1973. Рис. 5, 4–5, 11) и на стоянке Колва-Вис 20 в Большеземельской тундре, отнесенная В.С. Стоколосом к эпохе бронзы и отражающая, по его мнению, атаманнюрское влияние на керамический комплекс лебяжской культуры (Стоколос, 1997. С. 253–254). В раннем железном веке подобная орнаментация глиняной посуды является характерным признаком культур лууконсаари и позднекаргопольской в Карелии (Косменко, 1992. Рис. 56–57; Манюхин, 1997. Рис. 56). Если датировки В.С. Стоколоса верны, то вполне вероятно мы можем говорить о влиянии населения ЕСВ на формирование вышеназванных археологических культур Карелии, особенно, учитывая тот факт, что в период поздней бронзы на территории юго-западного Прибеломорья были распространены памятники типа Бохта II, керамический комплекс которых близок лебяжскому (Жульников, 2005).

Уже в первых работах, посвященных анализу древностей ананьинского времени, были выделены материалы, свидетельствующие об этнокультурных связях ЕСВ с культурами Зауралья и Западной Сибири. Эти данные послужили В.И. Канивцу основанием для выделения культурных типов Чаркабож и Ямашор, в материалах которых отчетливо прослеживаются зауральские черты (Канивец, 1974. С. 138–145). Г.М. Буров, согласившись с В.И. Канивцом о наличии на территории региона древностей культурного типа Чаркабож, выделил также ружниковский тип памятников, обнаруживающий, по его мнению, сходство с наиболее ранними кулайскими материалами (Буров, 1989. С. 4–5). Приходится констатировать, что после выхода этих работ, а также статьи Л.И. Ашихминой, посвященной периодизации памятников с керамикой, декорированной крестовидными оттисками на территории ЕСВ, источниковедческая база по рассматриваемой проблеме практически не пополнилась*. Это вызвало разнобой в трактовках исследователями одних и тех же материалов. Так, В.С. Стоколос относит керамику с фигурно-штамповой орнаментацией с поселений Центрального Тимана к эпохе бронзы (Стоколос, 1973. С. 52; 1997. С. 254–256). Г.М. Буров те же сосуды, как было указано выше, выделяет в ружниковский тип раннего железного века, ссылаясь на параллели в кулайских материалах (Буров, 1989. С. 5). В.А. Борзунов высказывает сомнение в правомерности датировки всей керамики с фигурно-штамповой орнаментацией поселений на Косминских озерах эпохой бронзы, сравнивая ее часть с посудой с ямочно-гребенчатой и ямочно-змейчатой орнаментацией белоярской культуры раннего железного века в Сургутском Приобье (Борзунов, 1992. С. 105), которую Ю.П. Чемякин датирует концом VIII/VII – IV/нач. III вв. до н.э. (Чемякин, 2008. С. 74). Керамику памятников (поселения Нижне-Петрушинская, Сотчемъель II, Палью I, Антон), отнесенных Л.И. Ашихминой к раннему железному веку (Ашихмина, 1984. С. 121), Ю.В. Паршуков включает во вторую и третью группы глиняной посуды ле-

* На момент выхода статьи Л.И. Ашихминой наиболее значительные коллекции сосудов с крестовой керамикой составляли материалы поселений Ружникова (26 сосудов), Чаркабож (14), Пижма II (10). Культурный тип Ямашор характеризовался в основном данными из раскопок поселения Сынявом I (30 сосудов). Количество реконструированных сосудов на этих поселениях значительно меньше.

бяжской археологической культуры (Паршуков, 2000. С. 211), возвращаясь, по сути дела, к датировкам В.И. Канивца и В.Е. Лузгина (Канивец, 1965. С. 62; Лузгин, 1965. С. 115, 121).

В последние два десятилетия коллекция глиняной посуды, свидетельствующая о связях с культурами Зауралья и Западной Сибири, пополнилась благодаря раскопкам Шиховского могильника на средней Печоре, поселения Сынявом I на р. Усе (ямашорская керамика), поселения-святилища Мыелдино (фрагменты ямашорской керамики, сосуды с крестовой орнаментацией) на верхней и Себъяг I на средней Вычегде (керамика с крестовой орнаментацией). Необходимо констатировать, что только в ходе исследований Шиховского могильника и поселения Сынявом I получены коллекции керамики, позволяющие производить статистические подсчеты (Васкул, 1995; 2002). На остальных памятниках глиняная посуда, свидетельствующая о связях с Зауральем и Западной Сибирью, представлена незначительным количеством сосудов.

Существующая в настоящее время источниковедческая база позволяет согласиться с мнением исследователей, полагающих, что проникновение населения с фигурно-штамповой орнаментацией глиняной посуды начинается в эпоху поздней бронзы (или даже развитой бронзы, по Л.И. Ашихминой) (Канивец, 1974. С. 143; Ашихмина, 1984. С. 121; Борзунов, 1992. С. 106; Стоколос, 1997. С. 257, 259). Именно с периода поздней бронзы можно говорить о постоянном присутствии на ЕСВ групп населения в культурном отношении, связанных с Зауральем и Западной Сибирью. Л.И. Ашихмина выделяет в развитии процесса переселения три этапа: «в эпоху развитой (?) бронзы (поселения Ружникова, Кыско), в эпоху поздней бронзы (поселения Лебяжское I–II, Пидж – расчистка А, Знаменская, Усть-Волосницкая, Тыбью, Канинская пещера) и в эпоху раннего железа (поселения Усть-Пидж, Нижне-Петрушинское, Сотчемъель II – участки В и Д, Палью I, Антон, Мыелдино, Чаркабож, Щельябож» (Ашихмина, 1984. С. 121). По мнению В.А. Борзунова, находки глиняной посуды приобского и зауральского типов на территории ЕСВ являются следами не просто культурных контактов населения двух регионов, а отражают ряд миграций «в системе общего этнокультурного сдвига обского таежного населения конца II – середины I тыс. до н.э. Переселение гамаюнских групп из бассейна Тавды и Лозьвы было только частью этого потока и не самой ранней» (Борзунов, 1992. С. 106). Пик этих миграций приходится на X–VIII вв. до н.э., что было связано с наиболее неблагоприятной обстановкой в северной тайге (Борзунов, 1992. С. 134–135). Северные миграции приуральского населения были в определенной степени спровоцированы движением приобских и зауральских общин. Со временем, как полагает исследователь, они вызвали подвижку лебяжского населения на юг, в бассейн р. Вятки в том числе. Более осторожно высказываются по вопросу о проникновении носителей гамаюнской культуры на ЕСВ В.М. Морозов и Ю.П. Чемякин. Они полагают, что оно носило эпизодический характер, но следы влияния «гамаюнцев» или контактов с ними прослеживаются в позднелебяжских материалах (Морозов, Чемякин, 1991. С. 100).

В.И. Канивец, выделяя культурный тип Чаркабож, исходя из существовавшей в то время схемы развития культур Зауралья и Западной Сибири, связывал его происхождение на ЕСВ с гамаюнской АК. Зауральские параллели отмечались и для керамики культурного типа Ямашор (Канивец, 1974. С. 139, 142–145). Л.И. Ашихмина полагает, что чаркабожская керамика «отражает смешение разнокультурных черт, свойственных местному ананьинскому и пришлому гамаюнскому населению» (Ашихмина, 1984. С. 122)**,** Г.М. Буров – с гамаюнской и кулайской АК (Буров,

1989. С. 2–5), В.С. Стоколос – с атлымской культурой эпохи поздней бронзы и молчановской АК переходного периода от бронзового к железному веку (Стоколос, 1997. С. 257–259). В.А. Борзунов подчеркивает необходимость выделить в комплексах керамики с фигурно-штамповой орнаментацией на территории ЕСВ признаки, свидетельствующие о связях с атлымской и гамаюнской АК. Воздействие приобского комплекса, по его мнению, выразилось в гребенчатых и змейчатых оттисках, иной группировке круглых ямок, отпечатков фигурно-штампованного крупного креста, в особых вогнутых шейках с приостренными венчиками. Гамаюнское влияние проявилось в таких деталях формы и орнаментации сосудов, как резко отогнутая плоская шейка, со скосом наружу венчиком, выпуклые плечики, прокатанные волнистые узоры, ямки в шахматном порядке и пояски мелких крестов (Борзунов, 1992. С. 105–106). О связях с гамаюнской АК свидетельствуют также наплывы (отворотики) под ямками при переходе от шейки к плечикам, надрезы, удлиняющие ямку (Ашихмина, 1984. С. 116), зафиксированные на керамике верхней и средней Вычегды, верхней и средней Печоры. Исследователи отмечают, что наиболее близок древностям ЕСВ северный, вагильский вариант гамаюнской АК (Ашихмина, 1984. С. 120; Борзунов, 1992. С. 106). Следствием взаимодействия местного и пришлого населения и стало формирование керамического комплекса типа Чаркабож (Канивец, 1974. С. 142–144; Ашихмина, 1984. С. 122). Этот вывод подтверждается материалами новейших раскопок И.О. Васкула на верхней Вычегде, О.А. Лыскова и И.О. Васкула в низовьях Северной Кельтмы (левый приток средней Вычегды). В ходе полевых исследований здесь получена немногочисленная, но выразительная коллекция керамики, декорированной горизонтальными наклонными рядами, горизонтальными прямыми и волнистыми линиями крупного и мелкого крестообразного штампа в сочетании с ямками, нанесенными в один или два ряда (на некоторых сосудах под ямками имеется характерный наплыв) и шнуровыми отпечатками. В составе керамической массы сосудов содержатся органические и минеральные примеси. На поселении Себъяг I найден фрагмент сосуда с примесью талька в глиняном тесте*, что отчетливо указывает на связи с гамаюнской АК, для большинства локальных вариантов которой эта добавка в глиняное тесто является характерным признаком (Борзунов, 1992. С. 54). Исключение составляет вагильский вариант, для посуды которого характерна примесь песка, дресвы и шамота (Борзунов, 1992. С. 118). Помимо этого в коллекции керамики поселения Себъяг I, как было указано выше, содержится керамика заюрчимского типа, в орнаментации которой присутствуют ямки, расположенные в шахматном порядке, с рельефными наплывами (отворотиками) под ними, поверх ямок нанесены насечки. В.П. Денисов считает их наличие в орнаменте заюрчимских сосудов (третий этап развития ерзовской АК) отражением влияния зауральских культур (Денисов, 1967. С. 45).

Ареал памятников типа Чаркабож включает бассейн верхней и средней Печоры, верхней Вычегды. Один памятник – поселение Вонгода II В (раскопки И.В. Верещагиной в 1972 г., фонды музея археологии Европейского Северо-Востока, колл № 567) известен на нижней Вычегде. Г.М. Буров приводит сведения о наличии чаркабожского поселения в Западной Сибири (Буров, 1989. С. 3), что также является свидетельством взаимодействия населения двух регионов. Между вычегодскими и печорскими памятниками раннего железного века с крестовой керамикой, как представляется, имеются хронологические различия. На Вычегде они датируются первой чет-

* Раскопки О.А. Лыскова – фонды Национального музея РК, КП 10607.

вертью I тыс. до н.э., на Печоре, судя по коллекции поселения Чаркабож, присутствию сосудов с «псевдокрестовой» орнаментацией в материалах поселения Перный, они существуют до VI в. до н.э. (Канивец, 1974. С. 102. Рис. 53, 2–4. Рис. 65, 1–10).

Население, принесшее с собой из Зауралья и Западной Сибири традиции изготовления фигурно-штампованной керамики, оказало влияние на формирование керамического комплекса культурного типа Ласта (позднелебяжская культура, по Г.М. Бурову), датирующегося раннеананьинским временем. В орнаментации ластинских сосудов, наряду с ямками, шнуровыми и зубчатыми отпечатками, присутствуют змеевидные оттиски, волнистые линии, являющиеся отличительной чертой данной посуды (Буров, 1965. С. 112; Канивец, 1974. С. 135), выделяющей ее из других керамических комплексов культур АКИО.

В VI–III вв. до н.э. связи с культурами Западной Сибири документируются, прежде всего, керамическими комплексами культурного типа Ямашор (Канивец, 1974. С. 139). В орнаментации сосудов присутствуют волнистые линии и фигурные оттиски (в виде шевронов короткого вертикального зигзага, вопросительного знака, запятой, русской буквы Б, латинской S, подковообразных и серповидных вдавлений), характерные для археологических культур западной Сибири (Чиндина, 1984. Рис. 1–3; Чемякин, 2008. Рис. 54, 1–4, 7, 9, 10, 12, 13; 56, 6, 11, 14, 16). Л.И. Ашихмина связывает появление этих элементов в орнаментации ямашорской керамики с притоком нового населения из-за Урала. Она также полагает, что появление населения с керамикой типа Ямашор могло вызвать отток ананьинцев с территории ЕСВ на Северо-Запад европейской части России (Ашихмина, Васкул, 1997. С. 333). Точку зрения этой исследовательницы в целом поддерживает В.А. Борзунов. Однако, по его мнению, установить причины переселения из Северного Приуралья в VI в. до н.э. более сложно. Возможно, оно было частью общих миграций конца VI в. до н.э., вызванных скифо-персидской войной 514 г. до н.э. На Вятке северные мигранты встретились с ананьинским населением, отошедшим на север из районов Среднего Поволжья. В.А. Борзунов подчеркивает, что, несмотря на локальные своеобразия, материалы свидетельствуют о культурном единстве вятского, волжского и камского населения (Борзунов, 1992. С. 107).

В целом создается впечатление, что глиняная посуда типа Ямашор носит гибридный характер. Наряду с отмеченными признаками, для нее характерна такая деталь шейки, как воротничок, шнуровые и зубчатые отпечатки в орнаментации, что типично для керамических комплексов АКИО на всей территории ее распространения. На ямашорских памятниках фиксируется перныйская керамика, а в комплексах типа Перный – ямашорская. На Шиховском могильнике в погребениях имеются сосуды культурных типов Перный и Ямашор. Следует также отметить, что короткий вертикальный волнистый штамп присутствует в орнаменте глиняной посуды древностей ЕСВ, начиная с эпохи бронзы (Стоколос, 1973. Рис. 3, 1, 2, 6, 9–10; 5, 1). Подобная орнаментация керамики, по мнению В.С. Стоколоса, является свидетельством миграций западносибирского населения на крайний северо-восток Европы в бронзовом (атлымская АК) и на рубеже бронзового и железного веков (молчановская АК) (Стоколос, 1997. С. 254–255). Волнистые (змеевидные) линии и короткий вертикальный зигзаг имеются в орнаментации керамики типа Ласта (Буров Г.М., 1967. Табл. XXV, 3, 6, 9, 11, XXVI, 1, 7–8, 12, 15, XVII, 5; Канивец, 1974. Рис. 31, 10–12; 34, 3, 6; Ашихмина, Васкул, 1997. Рис. 8, 6, 9–10). Присутствие их в декоре ямашорских сосудов является свидетельством традиций, сложившихся в керамическом производстве

на территории ЕСВ в результате взаимодействия местного и пришлого населения и восходящих к кругу зауральских культур позднебронзового века в Зауралье и Западной Сибири. В целом же, наличие «фигурных» штампов в ямашорской керамике является отражением устойчивых связей с археологическими культурами Приобья, откуда глиняная посуда с фигурно-штамповой орнаментацией распространялась на территорию ЕСВ.

В.И. Канивцом в орнаментации керамики поселения Перный выделены три типа отпечатков фигурных штампов: «двутавровый», или «волноподобный»; «псевдокрестовый»; зубчатый, напоминающий «змеевидный» (Канивец, 1974. С. 102). Исследователь полагает, что «вещественный инвентарь Перныйского поселения, судя как по керамике, так и по кремню, представляет собой чистый комплекс и не содержит включений других периодов или культурных типов» (Канивец, 1974. С. 108). На поселении Питюяг I, относящемуся к культурному типу Перный, найден сосуд, украшенный волнистыми линиями и S-видным штампом, характерными как было показано выше, для ямашорской керамики. Фигурные оттиски отличают перныйский керамический комплекс как от ананьинской керамики Прикамья (Канивец, 1974. С. 138), так и бассейна р. Вычегды (Васкул, 2003. С. 40–41). Л.И. Ашихмина полагает, что подобные штампы свидетельствуют о зауральских чертах в орнаментации керамики, что послужило исследователю основанием для исключения памятников типа Перный (как и более ранних ластинских) из разработанной ею схемы хронологического развития памятников ЕСВ ананьинского времени (Ашихмина, 1985. С. 25–26, 32). Как представляется автору этих строк, выделенные В.И. Канивцом типы фигурных отпечатков, несомненно, отражают влияние орнаментальных традиций, связанных своими истоками с Западной Сибирью, что для псевдокрестовых оттисков отмечал и сам исследователь (Канивец, 1974. С. 102). Однако появление их в декоре перныйской керамики можно объяснить внутрирегиональными контактами с носителями культурных типов Чаркабож и Ямашор, в глиняной посуде которых зауральские элементы выражены наиболее рельефно.

Как уже было отмечено, Г.М. Буров выделяет также ружниковский культурный тип, видя в нем аналогии ранней кулайской керамике (Буров, 1989. С. 4), о возможности датировки части сосудов с фигурно-штампованной орнаментацией ранним железным веком писал В.А. Борзунов (Борзунов, 1992. С. 105). Представляется, что в данном случае более правы те исследователи, которые относят материалы поселений с водораздельных озер Центрального Тимана к эпохе бронзы или рубежу бронзового и железного веков (Ашихмина, 1984. С. 121; Стоколос, 1997. С. 254–255). В то же время в керамических комплексах ЕСВ действительно присутствует глиняная посуда, имеющая аналогии в раннекулайской (васюганский этап, по Л.А. Чиндиной – Чиндина, 1984. С. 79–88; белоярская АК, по Ю.П. Чемякину – Чемякин, 2008. С. 69–70) керамике в Сургутском Приобье. Например, на поселении Вис I найден глиняный сосуд (Буров, 1967. Табл. XXV, 4), орнамент которого имеет практически полные соответствия в орнаментации первой группы кулайской керамики, по Л.А. Чиндиной (Чиндина, 1984. Рис. 38, 1–2).

В плане изучения этнокультурных контактов населения ЕСВ и Западной Сибири особый интерес представляют керамические комплексы перегребнинского типа в Нижнем Приобье, датирующиеся предварительно серединой – третьей четвертью I тыс. до н.э. (Морозов, Чемякин, 2008. С. 218). Маркируют керамику этого типа карнизики под венчиком и значительное преобладание гребенчатого штампа в орнаментации керамики. Еще одним признаком, характеризующим

перегребнинскую глиняную посуду, являются горизонтальные шнуровые линии. При переходе от шейки к плечикам нанесены ямки круглой, изредка треугольной или ромбической формы. Использовались также мелкоструйчатый и гладкий штампы (Морозов, Чемякин, 2008. С. 217). В.М. Морозов и Ю.П. Чемякин подчеркивают, что карнизики под венчиком и оттиски шнура в орнаментации сосудов имеют аналогии в ананьинской керамике (Морозов, 2002. С. 64; Морозов, Чемякин, 2008. С. 217). Предположительно, перегребнинские древности сформировались на основе нижнеобского варианта памятников кульминского типа (Морозов, Чемякин, 2008. С. 217–218). Сравнение глиняной посуды перегребнинского типа и керамики культурных типов Перный и Ямашор позволяет расширить список общих признаков у названных керамических комплексов. Прежде всего, необходимо отметить, что перныйская и ямашорская керамика, как и перегребнинская, по оформлению верхней части тулова подразделяется на сосуды с воротничком (карнизиком) или без него. В керамическом тесте содержатся минеральные примеси (песок, дресва). В орнаменте перегребнинских и ямашорских сосудов имеются ямки ромбической формы (Канивец, 1974. Рис. 39, 3; 40, 5; Морозов, Чемякин, 2008. Рис. 9, 2, 7). Орнаментация перегребнинской и перныйской керамики характеризуется преобладанием узоров, выполненных зубчатым штампом, причем на сосудах обоих типов имеются узоры, нанесенные зубчатыми отпечатками, напоминающими мелкоструйчатый и змеевидный штампы (Канивец, 1974. С. 98, 102; Морозов, Чемякин, 2008. С. 217). Приведенные факты говорят о тесных контактах носителей культур Печорского края и Нижнего Приобья в середине – второй половине I тыс. до н.э. В этой связи крайне интересно предположение Н.В. Федоровой и А.В. Гусева о том, что в Нижнем Приобье выделяются два ареала древностей раннего железного века, разделенных руслом р. Оби: западный (представлен памятниками бассейнов рек Сыня, Войкар, Собь) и восточный (памятники бассейнов рек Полуй и Куноват). Они предполагают, что «западный ареал обнаруживает тяготение к культурному кругу Северного Приуралья и Республики Коми, начиная с раннеананьинского времени и даже, возможно, ранее. Восточный ареал теснее связан с собственно кулайским ареалом Среднего Приобья» (Федорова, Гусев, 2008. С. 36).

Итак, первый период раннего железного века характеризуется интенсивными культурными контактами населения региона. Определяющими были связи с АКИО Волго-Камья. Культуры ананьинской культурно-исторической области, обладающей признаками выделенного А.В. Головневым магистрального типа культуры (Головнев, 2009. С. 18–24), оказали мощное воздействие на этнокультурные процессы, происходившие в IX/VIII – III вв. до н.э. в лесной зоне Восточной Европы. Связи с населением Волго-Камья прослеживаются во всех компонентах культуры охотников и рыболовов ЕСВ. Материалы археологических раскопок свидетельствуют об участии переселенцев из Прикамья в формировании культурных образований Крайнего Северо-Востока Европы в ананьинское время. Наиболее близки древностям ЕСВ памятники среднего и верхнего Прикамья, с которыми они образовывали единую культурную общность, о чем неоднократно писали исследователи. С другой стороны, североприуральское население, как свидетельствуют имеющиеся данные, в свою очередь активно участвовало в формировании культур верхнего и среднего Прикамья. На памятниках этого региона, начиная с эпохи поздней бронзы, фиксируется глиняная посуда, характерная для территории ЕСВ. Своеобразие культурам региона придавало постоянное взаимодействие с носителями археологических культур Зауралья и Западной Сиби-

ри, что выразилось в формировании таких культурных типов, как Чаркабож и Ямашор, наличии зауральских элементов в декоре ластинского и перныйского керамических комплексов, черт, характерных для орнаментации глиняной посуды древностей АКИО в культурах Западной Сибири. Исследования карельских археологов указывают на западное – северо-западное направление культурных связей населения ЕСВ (керамические комплексы типа Красная Гора), фиксируемых, начиная с эпохи поздней бронзы. Подобная интенсивность и разнонаправленность этнокультурных контактов свидетельствуют о миграционной активности населения, обусловленной климатическими изменениями, происходившими на протяжении рассматриваемого периода, хозяйственно-культурным типом населения региона, предполагавшим его достаточно высокую подвижность. Переселение на север из более южных районов АКИО объясняется набегами южных кочевых племен на районы средней Волги и нижнего Прикамья (Марков, 1997. С. 14; Коренюк, 2000. С. 79), событиями скифо-персидской войны (Борзунов, 1992. С. 107). При этом, как представляется автору этих строк, более правомерно говорить не о широкомасштабных миграциях, а об инфильтрации отдельных групп населения в родственную среду, диффузии культурных элементов. В итоге в результате взаимодействия различных групп населения и связанных с этим процессом влияний и заимствований происходила интеграция различных культурных элементов (Массон, 2006. С. 5–6), стимулировавших дальнейшее развитие культуры населения ЕСВ в I тыс. до н.э.

Литература

Арутюнов С.А. Народы и культуры: развитие и взаимодействие. М.: Наука, 1989. 247 с.

Ашихмина Л.И. Культуры эпохи раннего железа в этногенезе народа коми // Проблемы этногенеза народа коми. Сыктывкар, 1984. С. 20–34. (Труды ИЯЛИ. Вып. 36).

Ашихмина Л.И. Генезис ананьинской культуры в среднем Прикамье. Сыктывкар, 1985. 28 с. (Научные доклады / Коми НЦ УрО РАН. Вып. 119).

Ашихмина Л.И. Этнокультурная ситуация в Северном Приуралье в эпоху бронзы и раннего железа // Проблемы историко-культурной среды Арктики: Международный симпозиум (Сыктывкар, 16-18 мая 1991 г. ТД). Сыктывкар, 1991. С. 12–14.

Ашихмина Л.И., Верещагина И.В. Раннеананьинские поселения в бассейне Северной Двины // Древние памятники Северного Приуралья. Сыктывкар, 1980. С. 42–70. (МАЕСВ. Вып. 8).

Ашихмина Л.И., Васкул И.О., Каликов В.Н. К проблеме смены культур эпохи железа на Европейском Северо-Востоке (по результатам лазерного микроспектрального анализа цветных металлов) // Взаимодействие древних культур Урала: Межвуз. сб.науч. тр. Пермь, 1990. С. 97–106.

Ашихмина Л.И., Васкул И.О. Памятники ананьинской культурной общности // Археология Республики Коми. М.: ДиК, 1997. С. 314–348.

Белавин А.М., Иванов В.А., Крыласова Н.Б. Угры Предуралья в древности и средние века. Уфа, 2009.

Борзунов В.А. Зауралье на рубеже бронзового и железного веков. Екатеринбург, 1992. 188 с.

Буров Г.М. Вычегодский край. Очерки древней истории. М.: Наука, 1965. 198 с.

Буров Г.М. Древний Синдор. М.: Наука, 1967.

Буров Г.М. Железный век Крайнего Европейского северо-востока (от начала до столетия VIII н.э.). Симферополь, 1989. 48 с. (деп. 38239).

Буров Г.М. Бронзовые культовые плакетки I тысячелетия н.э. на Крайнем Северо-Востоке Европы: печорский (местный) «звериный» стиль // Проблемы финно-угорской археологии Урала и Поволжья. Сыктывкар, 1992. С. 51–59.

Васильев Ст. А. Ананьинский звериный стиль. Истоки, основные компоненты и развитие // Археологические вести. 2004. № 11. С. 275–297.

Васкул И.О. Шиховской могильник раннего железного века (первые результаты исследований). Сыктывкар: Изд-во Коми НЦ УрО РАН, 2002. 52 с. (Научные доклады / Коми НЦ УрО РАН; Вып. 451).

Васкул И.О. Поселение Мыелдино и проблемы культурной принадлежности древностей Европейского Северо-Востока в ананьинское время // Чтения, посвященные 100-летию деятельности Василия Алексеевича Городцова в Государственном историческом музее: Тезисы конференции. М., 2003. Ч. II. С. 41–42.

Вечтомов А.Д. Периодизация и локальные группы памятников ананьинской культуры Среднего Прикамья // Труды IV Уральского археологического совещания. Пермь, 1967. С. 133–155. (Ученые записки Пермского государственного университета. № 148).

Вечтомов А.Д. К вопросу о племенной организации населения Среднего Прикамья в эпоху железа // Труды Камской археологической экспедиции. Вып. IV. Пермь, 1968. С. 71–86. (Ученые записки Пермского государственного университета. № 191).

Гарустович Г.Н., Лебедев А.И. Курганы раннего железного века (V–III вв. до н.э.) северо-восточных районов Башкортостана // Курганы кочевников Южного Урала. Уфа, 1995. С. 40–61.

Генинг В.Ф. Этническая история Западного Приуралья на рубеже нашей эры. М.: Наука, 1988. 240 с.

Голдина Р.Д. Древняя и средневековая история удмуртского народа. Ижевск: Изд-во УдГУ, 1999. 464 с.

Головнев А.В. Антропология движения. Екатеринбург, 2009. 496 с.

Денисов В.П. Культуры эпохи поздней бронзы в Верхнем и Среднем Прикамье и их роль в формировании ананьинской культуры // Труды IV Уральского археологического совещания. Пермь, 1967. С. 29–50. (Ученые записки Пермского государственного университета. № 148).

Денисов В.П. Заюрчимское VI поселение – памятник раннего железного века в Среднем Прикамье // Труды камской археологической экспедиции. Пермь, 1968. № 191. С. 48–71. (Ученые записки Пермского государственного университета).

Древности Камы по раскопкам А.А. Спицына в 1989 г. Л., 1933.

Ефимова Н. Общие черты и особенности погребального обряда финно-угров Среднего Поволжья в I тыс. до н.э. (VIII–VI вв. до н.э.) // Congressus nonus internationalis fenno-ugristarum. Summaria acroasium in sectionibus et symposiis factarum. Tartu, 2000. Pars III.

Ефимова Н.Э. Частичные захоронения в могильниках Марийского Поволжья (1-е тыс. до н.э.) // Финно-угорский мир: история и современность: Материалы II Всероссийской конференции финно-угроведов. Саранск, 2000. С. 44–46.

Жульников А.М. Поселения эпохи раннего металла Юго-Западного Прибеломорья. Петрозаводск, 2005. 310 с.

Жульников А.М. Ананьинские памятники на территории южного Прибеломорья // Пермские финны: археологические культуры и этносы: Материалы I Всероссийской научной конференции. Сыктывкар, 2007. С. 77–81.

Жульников А.М. Западное Беломорье в эпоху раннего железа: динамика межкультурного взаимодействия // РА. М.: Наука, 2008. № 4. С. 34–42.

Завьялов В.И., Розанова Л.С., Терехова Н.Н. История кузнечного ремесла финно-угорских народов Поволжья и Приуралья: К проблеме этнокультурных взаимодействий. М., 2009. 264 с.

Зах В.А., Глушкова Т.Н. Тканые пояса из саргатского кургана 7 могильника Чепкуль-9 // Археология, этнография и антропология Евразии. 2009. № 4 (40). С. 57–66.

Иванов В.А. Сравнительно-типологическая характеристика предананьинской и ананьинской культурно-исторических общностей Прикамья и Приуралья // Пермские финны: археологические культуры и этносы. Сыктывкар, 2007. С. 31–34.

История Удмуртии. С древнейших времен до XV века. Ижевск, 2007.

Казанцев Р.С., Изосимов Д.А., Майстренко Д.А., Мельничук А.Ф. Комплексы раннего железного века в предгорной части р. Вишеры // Пермские финны и угры в эпоху железа. Пермь: ПГГПУ, 2009. С. 85–91. (Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. Вып. VI).

Канивец В.И. Канинская пещера. М.: Наука, 1964. 136 с.

Канивец В.И. Древние поселения Южно-Печорской равнины // Древние поселения на Печоре и Вычегде. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1965. С. 3–100. (МАЕСВ. Вып. III).

Канивец В.И. Печорское Приполярье. Эпоха раннего металла. М.: Наука, 1974. 152 с.

Коренюк С.Н. Ананьинская культура в трудах А.П. Смирнова и новые данные в ее изучении // Научное наследие А.П. Смирнова и современные проблемы археологии Волго-Камья: Материалы научной конференции. М., 2000. С. 68–79.

Корепанов К. И. История и культура населения Елабужского края в раннеананьинскую эпоху. Елабуга, 1991. 32 с.

Королев К.С. Население Средней Вычегды в древности и средневековье. Екатеринбург, 1997. 196 с.

Королев К.С. Угдымский археологический комплекс на Средней Вычегде (эпоха железа). Сыктывкар, 2002. 112 с.

Косарев М.Ф. Древние культуры Томско-Нарымского Приобья. М.: Наука, 1974.

Косменко М.Г. Многослойные поселения южной Карелии. Петрозаводск, 1992. 222 с.

Косменко М.Г. Археологические культуры периода бронзы – раннего железа в Карелии. СПб.: Наука, 1993. 216 с.

Косменко М.Г. Культура лууконсаари // Археология Карелии. Петрозаводск, 1997. С. 238–253.

Косменко М.Г. Культура с керамикой «арктического» типа // Археология Карелии. Петрозаводск, 1997. С. 253–257.

Косменко М.Г. Позднебеломорская культура // Археология Карелии. Петрозаводск, 1997. С. 257–267.

Косменко М.Г. Проблемы изучения этнической истории бронзового века – раннего Средневековья в Карелии // Проблемы этнокультурной истории населения Карелии (мезолит – средневековье). Петрозаводск, 2006. С. 158–229.

Кузьминых С.В. Металлургия Волго-Камья в раннем железном веке. М.: Наука, 1983. 257 с.

Кузьминых С.В. Археологическое изучение ананьинского мира в XX веке: основные достижения и проблемы // Российская археология: достижения XX и перспективы XXI вв.: Материалы научной конференции. Ижевск, 2000. С. 104–113.

Кузьминых С.В. Этно- и культурно-генетические процессы на севере Восточной Европы в финале бронзового и раннем железном веке // Пермские финны: археологические культуры и этносы: Материалы I Всероссийской научной конференции. Сыктывкар, 2007. С. 41–47.

Лузгин В.Е. Археологическая разведка в бассейне Ильича в 1963 г. // Древние поселения на Печоре и Вычегде. Сыктывкар, 1965. С. 109–138. (МАЕСВ. Вып. III).

Лузгин В.Е. Древние культуры Ижмы. М.: Наука, 1972. 126 с.

Лысюк Г.Н., Паршуков Ю.В., Семенов В.А. Особенности формовочной массы керамики с памятников энеолита-бронзы бассейна р. Вычегды // Вестник Сыктывкарского университета. Серия 8. Вып. 4. Сыктывкар, 2003. С. 134–135.

Майстренко Д.А., Мельничук А.Ф. Новые памятники эпохи бронзы в среднем течении р. Вишеры // Археологическое наследие как отражение исторического опыта взаимодействия человека, природы и общества. XIII Бадеровские чтения. Ижевск, 2010. С. 193–197.

Манюхин И.С. Позднекаргопольская культура // Археология Карелии. Петрозаводск, 1997. С. 220–238.

Манюхин И.С. Происхождение саамов. Петрозаводск, 2002. 242 с.

Марков В.Н. Нижнее Прикамье в ананьинскую эпоху (об этнокультурных компонентах ананьинской общности). Казань, 2007. 136 с.

Массон В.М. Культурогенез Древней Центральной Азии. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2006. 384 с.

Мельничук А.Ф. Этнические процессы и освоение Северного Прикамья в эпоху раннего железного века – позднего средневековья // Исторические истоки, опыт взаимодействия и толерантности народов Приуралья: Материалы Международной конференции. Ижевск, 2002. С. 101–109.

Мельничук А.М., Коренюк С.Н., Перескоков М.Л. Шнуровой орнамент – этнический индикатор в культурах железного века Среднего Приуралья? // Пермские финны и угры в эпоху железа. Пермь: ПГГПУ, 2009. С. 109–118. (Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. Вып. VI).

Мокрушин В.П. Керамика Пермского Прикамья VI в. до н.э. – V в.н.э. // Археологические культуры и культурные общности большого Урала: Тез. докл. XII УАС. Екатеринбург, 1993. С. 150–151.

Морозов В.М. Нижнее Приобье в эпоху железа (о перегребнинском типе памятников) // Северный археологический конгресс: Тезисы докладов. Екатеринбург; Ханты-Мансийск, 2002. С. 63–64.

Морозов В.М., Чемякин Ю.П. Культуры Нижнего Приобья эпохи железа и их связи с Европейским Северо-Востоком // Проблемы историко-культурной среды Арктики (Сыктывкар, 16–18 мая 1991 г.): Тезисы докладов. Сыктывкар, 1991. С. 100–102.

Морозов В.М., Чемякин Ю.П. Керамика перегребнинского типа с поселения Низямы 9 // ВАУ. Екатеринбург; Сургут, 2008. Вып. 25. С. 208–219.

Мошкова М.Г. Памятники прохоровской культуры. М.: Наука, 1963. 56 с. (САИ. – Вып.Д 1 – 10).

Оборин В.А. Культурные связи племен Верхнего Прикамья и северо-востока Европы в эпоху железа // Древности Восточной Европы. М., 1969. С. 156–167. (МИА. № 169).

Ошибкина С.В. Краткая характеристика позднекаргопольской культуры // КСИА. М.: Наука, 1975. Вып. 142. С. 18–24.

Ошибкина С.В. Энеолит и бронзовый век Севера европейской части СССР // Эпоха бронзы лесной полосы СССР. Археология СССР. М.: Наука, 1987. С. 147–156.

Паршуков Ю.В. Территориально-хронологические комплексы лебяжской культуры // Коренные этносы Севера европейской части России на пороге нового тысячелетия: история, современность, перспективы: Материалы Международной научной конференции (Сыктывкар, 17–19 мая 2000 г.). Сыктывкар, 2000. С. 208–213.

Патрушев В.С., Халиков А.Х. Волжские ананьинцы. М.: Наука, 1982. 278 с.

Полосьмак Н.В. Бараба в эпоху раннего железа. Новосибирск: Наука, 1987. 144 с.

Пшеничнюк А.Х. Охлебининский могильник // АЭБ. Уфа, 1968. Т. III. С. 59–104.

Пшеничнюк А.Х. Кара-абызская культура (население центральной Башкирии на рубеже нашей эры) // АЭБ. Уфа, 1973. Т. V. С. 162–243.

Пшеничнюк А.Х. Шиповский комплекс памятников (IV в. до н.э. – III в. н.э.) // Древности Южного Урала. Уфа, 1976. С. 35–131.

Пшеничнюк А.Х. Юлдашевский могильник // Археологические работы в низовьях Белой. Уфа, 1986. С. 45–74.

Рябцев А.Н., Семенов В.А. Ананьинская парадная секира из-под Сыктывкара // СА. 1988. № 1. С. 244–245.

Савельева Э.А. Коми археология на рубеже веков // Российская археология: достижения XX и перспективы XXI вв.: Материалы научной конференции. Ижевск, 2000. С. 42–49.

Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М.: Наука, 1989. 464 с.

Стоколос В.С. Стоянки бронзового века на водораздельных озерах Центрального Тимана // Археологические исследования на Печоре и Вычегде. Сыктывкар, 1973. С. 35–52. (Материалы по археологии Европейского Северо-Востока. Вып. 5).

Стоколос В.С. Энеолит и бронзовый век // Археология Республики Коми. М.: ДиК, 1997. С. 213–313.

Троицкая Т.Н., Бородовский А.П. Большереченская культура лесостепного Приобья. Новосибирск: Наука, 1994. 184 с.

Федорова Н.В., Гусев А.В. Древнее святилище Усть-Полуй: результаты исследований 2006–2008 гг. // Усть-Полуй – древнее святилище на Полярном круге. Салехард, 2008. С. 3–36. (Научный вестник Ямало-Ненецкого автономного округа. Вып. 9 (61)).

Фосс М.Е. Древнейшая история Севера Европейской части СССР. М.: Наука, 1952. 280 с. (МИА. № 29).

Халиков А.Х. Волго-Камье в начале эпохи раннего железа. М.: Наука, 1977. 262 с.

Чемякин Ю.П. Бронзовая пластика раннего железного века с Барсовой Горы // Вопросы археологии Урала. Екатеринбург, 2002. Вып. 24. С. 214–245.

Чемякин Ю.П. Барсова гора: очерки археологии сургутского Приобья. Древность. Сургут; Омск: ОАО «Омский дом печати», 2008. 224 с.

Чернецов В.Н. Нижнее Приобье в I тыс. н.э. // Культура древних племен Приуралья и Западной Сибири. М.: Наука, 1958. С. 136–245.

Чернов Г.А. Атлас археологических памятников Большеземельской тундры. М.: Наука, 1985. 168 с.

Черных Е.Н. Городище Алтен-Тау // Отчеты Камской (Воткинской) археологической экспедиции. Пермь, 1959. Вып. 1. С. 152–163.

Чиндина Л.А. Древняя история Среднего Приобья в эпоху раннего железа. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1984. 256 с.

Вып. 18 2013

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ НАСЕЛЕНИЯ НА КРАЙНЕМ СЕВЕРО-ВОСТОКЕ ЕВРОПЫ В СЕРЕДИНЕ I ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ Н.Э. И ИХ РОЛЬ В ФОРМИРОВАНИИ КУЛЬТУР ЭПОХИ РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ*

А.М. Мурыгин

Вопрос об этнокультурных связях, контактах и взаимодействии населения крайнего северо-востока Европы с окружающим миром в эпоху железа был поставлен еще в работах А.П. Смирнова (1928; 1952), М.Е. Фосс (1952), А.В. Збруевой (1952), В.Н. Чернецова (1953а, б; 1957). В связи с проблемой этногенеза народа коми этнические и культурные связи населения бассейнов рек Вычегды, Печоры, Прикамья и Нижнего Приобья рассматривал этнограф Л.П. Лашук (1961; 1971).

В 60-е – начале 70-х гг. XX в., на основе широкомасштабных археологических исследований в бассейнах рек Вычегды и Печоры, на территории Верхнего и Северного Прикамья был подготовлен ряд монографических работ и обобщающих статей, в которых так или иначе затрагивались вопросы взаимодействия населения этих регионов в эпоху железа (Савельева, 1963, 1964, 1971 и др.; Канивец, 1964, 1972 и др.; Буров, 1965, 1967; Оборин, 1969).

Именно в этот период в историографии средневековой археологии Европейского Северо-Востока сложились две основные гипотезы относительно смешанного облика местного керамического материала и находок инвентаря и керамики нижнеобского и прикамского происхождения или типологически близкой (полную историографию см.: Мурыгин, 1992; Археология Республики Коми, 1997).

Первая из них считает конечным результатом взаимодействия северных приуральских и зауральских племен *ассимиляцию* (полную или частичную) местного финно-пермского населения обско-угорским. В трудах Г.М. Бурова (1965; 1967) получила развитие гипотеза *миграционного* направления, согласно которой ванвиздинская культура сформировалась в процессе поглощения части местного, особенно верхневычегодского гляденовского, населения угорскими племенами Нижнего Приобья. Пришлый этнос сопоставлялся с материалами бичевницкого типа или культуры (Буров, 1965. С. 128; 1967. С. 173, 174). При этом, по мнению Г.М. Бурова, миграционная волна племен южного происхождения, приведшая в Верхнем Прикамье к возникновению памят-

* Публикация подготовлена по программе фундаментальных исследований Президиума РАН «Традиции и инновации в истории и культуре», направление 1 «Преемственность и трансформации в развитии древних и средневековых обществ по археологическим и антропологическим данным», проект № 12-П-6-1002 «Формирование и развитие археологических культур эпохи железа на территории Европейского Северо-Востока: традиции и инновации».

ников харинского типа, бассейна Вычегды непосредственно не коснулась (Буров, 1965. С. 180). Находки на ванвиздинских памятниках единичных изделий харинского типа, немногочисленной типично харинской керамики, интерпретировались как существование межплеменного обмена и связей между камским и вычегодским населением (Буров, 1965. С. 136–138, 188). Им же были намечены основные направления и характер связей ванвиздинского населения (Буров, 1965. С. 184–186).

Вторая гипотеза объясняет эти факты *влиянием* нижнеобских племен на местное население и отдает предпочтение *автохтонной* линии развития населения Печоры и Вычегды. Основной акцент в ней ставится на отрицание определяющей роли пришлых (угорских) групп в формировании этно-культурного облика печоро-вычегодского населения эпохи железа (Канивец, 1964). В.И. Канивец полагал, что ванвиздинская культура сложилась на местной печоро-вычегодской основе, уходящей корнями в культуру гляденовского типа (Канивец, 1964. С. 119). В отличие от Г.М. Бурова, в основе сложения бичевницких племен В.И. Канивец видел результат определенной *эволюции* северных гляденовских племен под влиянием угорского населения нижнеобской усть-полуйской культуры (Канивец, 1964. С. 97). Аналогичной позиции в 1960-е гг. придерживалась Э.А.Савельева (Савельева, Канивец, 1965; Савельева, 1971), которая считала, что носители ванвиздинской культуры являются пермским по этнической принадлежности населением, сформировавшимся на основе местных гляденовских племен и населения, оставившего памятники бичевницкого типа, и ничто не свидетельствует об участии западносибирских угров в этногенезе ванвиздинского населения. Впоследствии Э.А. Савельева отказалась от признания участия бичевницкого (восточного – А.М.) компонента в этногенезе ванвиздинцев (Савельева, 1982. С. 22), хотя не отрицала влияние бичевницкого компонента на ванвиздинцев в контактных зонах (Савельева, 1985а. С. 14; 1985б. С. 17).

Открытие в 1961 г. первого на Европейском Северо-Востоке могильника, содержащего харинский инвентарь и захоронения под насыпями (Веслянский I), рассматривалось вплоть до конца 70-х гг. XX в. только как доказательство культурной близости населения Вычегодского края и Прикамья (Савельева, 1963. С. 97), однако характер этой близости не был определен (Савельева, 1964. С. 240). Позднее, учитывая новые данные, Э.А. Савельева согласилась с высказанной точкой зрения (Мурыгин, 1980. С. 91; 1981. С. 86–87; Мурыгин, Королев, Ляшев, 1984. С. 18–20) о непосредственном проникновении в бассейн Вычегды групп харинского населения (Савельева, 1985а. С. 14; 1985б. С. 17). Однако, по мнению Э.А. Савельевой, линия развития финно-пермского этноса в бассейне Вычегды не прерывается в течение всего железного века (Савельева, 1971. С. 143–144; 1995. С. 38), а новые материалы не противоречат тезису о пермской (древнекоми) этнической принадлежности ванвиздинской культуры, сложившейся на ананьинско-гляденовской основе (Савельева, 1985а. С. 14; 1985б. С. 11–12). Ванвиздинская культура рассматривается Э.А. Савельевой в качестве северной параллели ломоватовской культуры Прикамья, отражающей вместе с ней разделение во второй половине I тыс. н.э. древнекоми общности на коми-зырян и коми-пермяков (Савельева, 1979а. С. 77–78; 1982. С. 26–27; 1985б. С. 11–12; 1995. С. 38).

Однако несмотря на существенные расхождения исследователей во взглядах на проблему генезиса и этнокультурной принадлежности раннесредневекового населения таежной полосы Европейского Северо-Востока, обе гипотезы не отрицают значительную роль «горизонтальных»,

т. е. межрегиональных (культурно, этнически или территориально чуждых компонентов) связей в формировании вычегодско-печорских коллективов раннего средневековья, с одной стороны, «вертикальных» генетических связей – с другой. Однако в этих основных и некоторых других, не упомянутых здесь, научных исследованиях главное внимание все же уделялось проблеме *происхождения и этнической принадлежности* местных этнокультурных образований*.

В настоящей статье главное внимание предполагается уделить не описанию керамики и вещевого инвентаря и далее, исходя из аналогий в основных ареалах распространения, предполагать то или иное направление этнокультурных связей местного населения или реконструировать их характер, а попытаться определить, насколько это возможно, сущность процессов взаимодействия, особенности их прохождения на Вычегде и Печоре на разных этапах, их причины и возможные последствия для населения раннесредневековых локальных культур Европейского Северо-Востока.

Возможности по изучению этнокультурных связей населения Европейского Северо-Востока середины – второй половины I тыс. н. э. на основе археологических источников, особенно для бассейна Печоры, ограничены.

До сих пор основным видом из числа доступных исследователю источников по теме, наиболее широко представленных на всей территории крайнего северо-востока европейской части России и охватывающих время от середины I тыс. н.э. до рубежа I – II тыс. н. э., остаются керамические материалы. Они происходят, как правило, с многочисленных неукрепленных поселений, реже – из погребальных комплексов. Керамика является самым массовым составным элементом материальной культуры вычегодско-печорского населения, который достаточно быстро и адекватно реагирует на изменения традиций в культурах местного населения и часто напрямую указывает на те или иные инновации, их генезис. Керамический инвентарь документирует, главным образом, период V–VI вв. н.э. и сосредоточен в вычегодских, единично – печорских, могильниках с погребениями под насыпями, а также в грунтовых захоронениях VII–VIII вв. н.э. вычегодских могильников. Для восточных областей крайнего северо-востока Европы (бассейн р. Печора) этнокультурные связи населения в период второй половины I тыс. н.э. могут быть выявлены наряду с керамикой, также на основе немногочисленных коллекций вещевого инвентаря, происходящего из пещерных жертвенных мест, «кладов» и редких случайных находок.

Спецификой источниковой базы является отсутствие надежной корреляции между керамикой (за исключением погребальных комплексов и то не во всех случаях) и прочим, в том числе – датирующим, инвентарем, что заставляет говорить об этнокультурных связях не определенных культур, само выделение которых и их хронологические рамки нуждаются в уточнениях, а скорее – в целом для населения территории.

Этап формирования раннесредневековых культур населения Европейского Северо-Востока совпадает с эпохой Великого переселения народов. К этой исторической эпохе общепринято относить период, начиная с гуннского нашествия в Европе (375 г.) и заканчивая концом V – началом VI в. н.э.

* Исключение представляет, пожалуй, работа В.А. Оборина (1969), в которой конкретно рассматривались вопросы о времени, путях, интенсивности и характере культурных связей Верхнего Прикамья и Европейского Северо-Востока в эпоху железа.

Кризисы и миграционная активность эпохи Великого переселения народов не обошли стороной и северные районы уральского региона Евразии*. Судя по имеющимся источникам, они затронули не только южную и среднюю части Приуралья, но непосредственно коснулись и обширных слабо заселенных пространств крайнего северо-востока европейской части современной России.

На Европейском Северо-Востоке во второй четверти – середине I тыс. н. э. основным итогом во многом переломных для приуральского населения глобальных событий эпохи Великого переселения народов явились проникновение на Вычегду и Печору (т. е. на территорию северной периферии позднегляденовского ареала) из Прикамья носителей курганного обряда захоронения, а также широкое распространение на Печорской низменности нетипичных для Приуралья форм, техник и мотивов орнаментации керамики, формирование новых культурных типов.

Резкие изменения в этнокультурной ситуации на Европейском Северо-Востоке нельзя рассматривать в качестве локального явления. В это же время прослеживается устойчивая тенденция к перемещению части западносибирских этнических групп по западную сторону Урала. В результате наблюдений западносибирских археологов за распространением фигурно-штамповой посуды из таежного Приобья установлено, что в этом процессе было две волны: первая – в начале I тыс. до н. э., вторая пришлась на середину I тыс. н. э. Со второй волной они связывают появление подобной керамики в верховьях р. Вычегда и в бассейне р. Чепца (Викторова, 1970). Материалы средневековых археологических памятников Удмуртии показывают, что проникновение зауральского населения на р. Чепца началось где-то в первой половине VI в. н. э. (Семенов, 1982). Приток угорского населения в Северное Прикамье начинается около середины I тыс. н. э. и продолжается на протяжении ломоватовской и родановской культур (Оборин, 1969; 1976; Голдина, 1976). К этому же времени исследователи относят появление в Южно-Уральском Приуралье (преимущественно в бассейне р. Белая) зауральского населения, связывая его с памятниками кушнаренковского типа (Васюткин, 1971; Могильников, 1971; Мажитов, 1976; Халикова, 1976; Генинг, 1977). Таким образом, тенденция к проникновению зауральского этнического компонента на Европейский Северо-Восток, усилившаяся в финале раннего железного века – начале эпохи средневековья, является частным случаем более масштабного проявления нарастающего «фронтального» давления на население Приуралья западносибирских племен. Эти процессы для населения бассейнов Вычегды и Печоры оказались неадекватны по времени и направлениям основных векторов внешних воздействий.

Для населения бассейна Вычегды наиболее важным и археологически документированным в период около середины I тыс. н. э. (V–VI вв. н. э.) оказалось южное направление этнокультурных связей, которое выявляется при обращении, в основном, к вещевому инвентарю курганных комплексов и керамическим материалам поселений. На поселениях находки изделий этого времени очень редки, однако все они находят аналогии в харинских древностях Прикамья. Из числа последних следует выделить типично глиняные сосуды с ребром по тулову (поселение Кузьвомын – верхняя Вычегда, Вис II, суходол и торфяник – водораздельное Синдорское озеро), железные ножи с желобком по лезвию (Вис II, суходол) и ряд других. Яркой иллюстрацией проникновения в среду

* Миграция – передвижение этнических групп в пределах этнической территории, переселение их в другие районы. В зарубежной этнографии термин «миграция» часто прилагается к культуре, и в таком случае миграционные процессы могут рассматриваться как вторжение населения или культур в чуждую этническую и культурную область (Итс, 1991. С. 60–61).

таежного вычегодского населения пришлых групп с традициями иного хозяйственного уклада является находка глиняной чаши с изображениями коней в движении, найденная на поселении Угдым III (Королев, 2002. Рис. 22).

Могильники с захоронениями под насыпями на территории Европейского Северо-Востока сосредоточены в бассейне средней Вычегды, где известно пять таких некрополей. На трех вычегодских могильниках (Веслянском I, Борганъель и Юванаяг) из пяти, наряду с погребениями под курганными насыпями, выявлены и грунтовые захоронения. Комплексы могильников Юванаяг, Шойнаяг и Вомынъяг являются самыми ранними на территории бассейна Вычегды. Могильник Юванаяг датирован концом V – VI в. н. э. (Ашихмина, 1989. С. 5), Вомынъяг – V–VI вв. н. э. (Ашихмина, 1994. С. 74–78), Шойнаяг – второй половиной V – второй половиной VI в. н. э. (Васкул, Овчинников, 1999. С. 54). Материал могильника Борганъель укладывается в пределах VI в. н. э. (Ашихмина, 1988. С. 15). К VI в. н. э. отнесены погребения под курганными насыпями Веслянского I могильника (Савельева, 1979б. С. 96). В бассейне Печоры (в нижнем течении р. Ижма) исследован могильник Сэбысь конца V – VI вв. н. э., на котором зафиксированы грунтовые захоронения и могилы под насыпями (Багин, 2007). Появлению захоронений под насыпями, содержащих сходные с верхнекамскими материалы, на верхней и средней Вычегде, в северном Припечорье, кроме событий глобального исторического характера, благоприятствовали, видимо, в общем позитивные изменения в окружающей среде. Именно в предшествующее время (примерно 1600–2000 лет назад; Климанов, Никифорова, 1982) в палеогеографии Европейского Северо-Востока отмечается один из периодов с температурами выше современных, что подготовило благоприятную почву для освоения мигрантами северных территорий*.

Непосредственное взаимодействие с коллективами прикамского региона привело, в конечном счете, к формированию шойнатыйского культурного типа. В настоящее время поселения с керамикой шойнатыйского типа известны на Вычегде и в таежном Припечорье (не менее 23 памятников). Большинство из них расположено на Вычегде (65,2% от общего количества), меньше – в бассейне р. Печора (30,4%). В долине р. Мезень типологически близкая посуда встречена на одном поселении (4,4%). На Вычегде имеются однослойные памятники, на Печоре такая керамика встречена только в комплексах с сосудами типа Бичевник.

Шойнатыйская керамика представлена сосудами чашевидной формы с суженным устьем и слабо профилированной равноутолщенной наклонной внутрь или прямой шейкой, чашами закрытых форм, примесью дресвы и органики в глине. Венчик орнаментирован оттисками зубчатого штампа и вдавлениями, верхняя часть тулова – каким-либо одним (глубокие ямки, оттиски зубчатого штампа, шнур или неглубокие вдавления) или сочетанием двух элементов. Для керамики характерным является украшение сосудов многорядовыми горизонтальными отпечатками шнура и волнистыми шнуровыми линиями; типична некоррелируемость в украшении одного сосуда ямок с другими элементами**.

---

* Здесь и далее результаты палеогеографических исследований привлекаются с учетом того, что возможные изменения в культуре и хозяйственно-бытовом укладе населения следуют за изменениями естественно-географической среды.

** Такая керамика считалась Г.М.Буровым ранневанвиздинской (висский этап) (Буров, 1965; 1967). Н.Н. Чеснокова рассматривала эту посуду как технико-типологическую традицию ТА керамического производства ванвиздинской культуры (Чеснокова, 1982. С. 106–117; 1983).

Вычегодско-печорские погребальные комплексы с курганным обрядом захоронения и поселения с типологически близкой найденной в курганных захоронениях керамикой в основном одновременны. Сходная керамика, исключая из числа сопоставимых, пожалуй, только сосуды, украшенные снаружи глубокими ямками, получила распространение в Верхнем Прикамье, – на поселениях и в курганных могильниках харинского типа V–VI вв. н. э. (Генинг, 1980. Рис. 26, 27; Голдина, 1985. Табл. XXXVI, XLV; Мельничук, Соболева, 1986. Рис. 3; Мельничук, 2002. С. 101–109). Об этом также свидетельствуют типологические параллели на вычегодских могильниках V–VI вв. н. э. с курганным обрядом захоронения (Ашихмина, 1988. Рис. 4, 16, 17; Васкул, Овчинников, 1999. Рис. 5, 1–4; Багин, 2007. Рис. 3–А), в грунтовых погребениях середины I тыс. н. э. могильника Угдым II (Королев, 1992. С. 120. Рис. 2, 2–5; 2002. Рис. 37, 1, 2, 5).

В формально-типологическом отношении шойнатыйский культурный тип представляет собой комплекс из нескольких групп сосудов, почти в одинаковом наборе встречающихся, как правило, на одном и том же памятнике. Керамика имеет аналогии на разных территориях и в разных культурах (гляденовская культура – поздний этап, ранний харинский этап ломоватовской культуры; Верхнее Прикамье, Печора, Вычегда). В культурно-типологическом плане памятники шойнатыйского типа, включающие поселения и могильники с насыпями над погребениями, отражают смешанный состав и региональные особенности населения, в основном, вычегодской, отчасти – печорской тайги, на переходном этапе от памятников гляденовского типа к ванвиздинским на Вычегде и к бичевницким на Печоре (Мурыгин, 1992).

Сформировавшись в восточной части бассейна Вычегды в результате смешения, в основном, местных позднегляденовских и привнесенных харинских этнокультурных традиций, шойнатыйский культурный тип, охватывающий по времени своего существования финальные века раннего железного века и начало раннего средневековья, впоследствии именно в таком, двухкомпонентном, виде распространяется в таежное Припечорье. Его носители в Печорском Приуралье и на верхней Вычегде начинают контактировать с группами печорского раннебичевницкого населения, обитая с ними на одних и тех же поселениях (Мылва, Черноборская II и др.; Мурыгин, 1992. Рис. 34, 35, 39, 53, 21–27; С. 145–146). Наличие тесных связей шойнатыйских и бичевницких групп в Припечорье нашли отражение в морфологии не только поселенческой, но и погребальной глиняной посуды (Сэбысь; Багин, 2007. Рис. 3).

Возможно также, что эти же группы вычегодского населения проникают в Северное Прикамье. На памятниках конца раннего – начала позднего железного века Северного Прикамья появляются керамические комплексы, включающие, наряду со слабо орнаментированными сосудами, украшенные многорядным горизонтально-шнуровым или волнисто-шнуровым орнаментом. В коллекциях присутствует также глиняная посуда, сочетающая в орнаментации отпечатки многорядного шнура с наклонными зубчатыми оттисками (Мельничук, 2002. С. 104–105). Подобная керамика в Верхнем Прикамье ассоциируется исследователями с посудой поздней стадии гляденовской культуры (Поляков, 1980. С. 15–17) или с харинским временем, т. е. ранней стадией ломоватовской культуры (Голдина, 1985. С. 134–138). Концентрация местонахождений керамики этого времени в Северном Прикамье отмечена в районе Чусовского озера (Лисья Курья, Чирва 2, Васюково). Несколько местонахождений известны в среднем течении р. Весляна (левый приток р. Кама) и на правобережье р. Кама. Аналогичная керамика найдена на жертвенном месте

Камень Бычок (р. Вишера). На поселении Лисья Курья получен относительно чистый комплекс шнуровой посуды, зафиксированный у одного из очагов. Вместе с данной керамикой найден нож харинского типа с желобком по лезвию (Мельничук, 2002. С. 105).

В отличие от бассейна Вычегды для населения таежного Припечорья намечается преобладание северного (тундрового) и восточного (нижнеобского) векторов этнокультурных связей, которые по-разному объективированы в археологическом материале.

Главным отличием от Вычегодского бассейна, где группы гляденовского населения (джуджыдъягская культура) продолжают существовать вплоть до V в. н. э., является то, что на Печоре этнокультурные традиции гляденовского населения практически полностью были трансформированы уже к III или IV вв. н. э. (Васкул, 1997. С. 349–399). Для таежного Припечорья основным показателем серьезных изменений стало сложение на основе одной из культур гляденовской общности – пиджской, бичевницкого культурного типа, в материалах которого фиксируется продолжение общих для Европейского Северо-Востока тенденций сближения с Западной Сибирью.

Раннебичевницкие памятники представлены, главным образом, поселениями. К бичевницким отнесены также грунтовые (Шиховской, Пожемты) и со смешанным обрядом захоронения (грунтовые и погребения под насыпями; Сэбысь) могильники (Васкул, 2002; Селезнева, Васкул, 2004; Багин, 2007), характеризующие, соответственно, период становления (вторая четверть I тыс. н. э.) и ранний этап развития бичевницкого культурного типа (VI в. н. э.). Аналогичная керамика встречена на жертвенных местах (Канинская пещера на верхней Печоре, Хэйбидя-Пэдарское жертвенное место в северной части Большеземельской тундры). Керамика типа Бичевник распространена на памятниках таежной и тундровой зон Печорского Приуралья, в равнинной части и на водораздельных озерах Тиманского кряжа (не менее 34, 77,3% от общего числа известных на Европейском Северо-Востоке). В бассейне Вычегды эта характерная керамика найдена на 10 поселениях (22,7%). Она известна на верхней Вычегде и в Нижнем Приобье, единично – в средней части Вычегодского бассейна и Северном Прикамье. На однослойных памятниках встречена только в таежном Припечорье.

Уже на стадии своего формирования раннебичевницкие группы населения проникают не только в близлежащие районы бассейна р. Вычегда, но и на территорию Верхнего Прикамья, где достигают устья р. Чусовая (свыше 400 км южнее верховий р. Вычегда; поселение Скородум, местонахождение близ г. Добрянка). Можно согласиться с тем, что если северные охотники этой культурной группы проникали так далеко на юг вниз по р. Кама, то их сезонные поселения могли располагаться и в Северном Прикамье (Мельничук, 2002. С. 104). К этому же времени, вероятно, можно отнести проникновение бичевницких групп по левобережным притокам Нижней Оби – р. Северная Сосьва (городище Няксимволь) на р. Обь и далее по ее долине почти до устья (городище Усть-Полуй) (Мошинская, 1965. Рис. 11. Табл. 21, 31–34).

Главными отличительными чертами керамики типа Бичевник периода завершения оформления стереотипа (около середины I тыс. н. э.) являются утолщение на шейке (воротничок), в орнаменте – горизонтальные каннелюры, зубчатые оттиски и овальные или близкие к ним по форме неглубокие гладкие вдавления. На меньшей части бичевницкой посуды этого времени отмечены такие элементы, как фигурные оттиски и в виде гладкой «лопаточки», отпечатки шнура, в орнаменте появляются вертикальные композиции (фестоны), а при нанесении узоров применяется отступающая техника.

На стадии становления в формировании бичевницкого культурного типа приняли участие два основных компонента – субстратный, связанный с местной культурой типа печорского Гляденова (пиджской) и пришлый со стороны Большеземельского Севера. Общими типообразующими признаками для субарктической (типы Хутыюнкосе и Море-ю) и бичевницкой глиняной посуды, резко выделяющими их из керамической традиции населения всего Приуралья, являются – утолщение шейки в виде карниза, добавление дресвы в глину, орнаментальная схема построения орнамента в целом, каннелирование, отступающая техника, сочетание этих признаков с ямочным узором в основании шейки. Фактически разница заключается только в распространении на раннебичевницкой керамике гладких овальных вдавлений (возможно, следствие смешения с гляденовским населением), которые отсутствуют на типично тундровой глиняной посуде. В ее орнаменте развиты гребенчатые (штампованные и в отступающей технике, в том числе – овальнозубые) узоры, сочетающиеся с ямками и горизонтальными каннелюрами, а также более выраженное утолщение шейки по отношению к остальной части тулова.

Появление субарктических групп населения на территориях южнее Полярного круга вызвано климатическим фактором (Мурыгин, 1992. С. 170, 171). На рубеже суббореального и субатлантического периодов материки северного полушария охватило резкое ухудшение климата (Кац, 1952; Нейштадт, 1957; Шнитников, 1957; Хотинский, 1977, 1982; Андреичева и др., 2009). Для северо-востока Европы этот рубеж относится ко времени 2300 лет назад. Последствием ухудшения климата является сдвиг ландшафтных зон в меридиональном направлении. На Европейском Северо-Востоке происходит расширение тундровой зоны и граница лесной растительности смещается на 150 км к югу от современной (Никифорова, 1982. С. 160).

Можно предполагать, что такое кардинальное изменение среды обитания является достаточно серьезной побудительной причиной для оттока части населения из Заполярья (или, возможно, проникших туда через полярный трансуральский коридор миграций – хребет Пай-Хой и Прикарская низменность – зауральских групп) в более благоприятные для проживания южные районы Печорского Приуралья. Принципиальным для понимания особенностей взаимодействия на этом этапе является то, что постепенное просачивание в гляденовский ареал Припечорья групп инородного населения происходило в течение длительного времени (начиная, вероятно, с последней четв. I тыс. до н. э.) и в рамках примерно одного и того же, хотя и сокращающегося, лесного ландшафта.

Гляденовская керамика с каннелюрами на Европейском Северо-Востоке появляется уже в конце III – II вв. до н. э. (Васкул, 1997. С. 379)*, что опосредованно указывает на вероятное начало этого затяжного по времени процесса. Использование в орнаменте такого не типичного для всей приуральской глиняной посуды раннего железного века узора, как горизонтальные каннелюры, является главным отличием керамики, как правило – в бассейне таежного Припечорья, где они характерны для всех гляденовских поселений (7,2 – 35,4%; Васкул, 1997. С. 369)**. В то же время необходимо признать, что сейчас мы не можем конкретно указать на те археологические

* В бассейне Вычегды этот признак выявлен только на раннегляденовской керамике поселения Вис I – водораздельное Синдорское озеро (Буров, 1967. С. 174).

** Среди одновременных культур Уральского региона керамика с каннелюрами представлена на сперановских памятниках Зауралья. Однако там она составляет незначительный процент (0,9%) и предположительно считается наиболее поздней, отражающей процесс ее трансформации в горносталевскую (Елагин, Молодин, 1991. Рис. 32. С. 77, 81).

культуры, орнаментальные традиции керамики которых могли послужить в качестве ранних прототипов при оформлении этого элемента декора таежно-печорской бичевницкой и одновременной ей тундровой глиняной посуды*.

На сложение раннебичевницкого керамического комплекса оказали влияние также контакты с теми же группами западносибирского населения, которые приняли участие в формировании культуры предшествующего (гляденовского) времени на Печоре (пиджской). В то же самое время когда вычегодское позднегляденовское население испытывало существенные изменения в культуре из-за вхождения в его состав верхнекамских харинских групп, родственные коллективы пиджской археологической культуры таежного Припечорья начали контактировать с носителями кулайской культуры Зауралья (Васкул, 1997. С. 382).

Безусловным индикатором взаимодействия бичевницких групп с шойнатыйскими коллективами из Вычегодского бассейна являются не только находки каннелированной керамики на вычегодских поселениях и шнуровой в бассейне Печоры, но и специфические черты раннебичевницкого керамического комплекса в Припечорье: выстраивание бичевницких элементов орнамента (вдавления или оттиски лопаточки) по типично шойнатыйской схеме – несколько горизонтальных рядов из одних и тех же элементов орнамента, нанесение бичевницких элементов на слабо- или непрофилированные приземистые чаши, характерные для шойнатыйской глиняной посуды.

Необычное межзональное размещение преимущественно раннебичевницких памятников на огромной территории таежного и субарктического Припечорья выявляет высокую миграционную подвижность и длительные перекочевки населения. Подобные перемещения, связанные со сменностью географических поясов, находят аналогии в «челночном» типе миграций, реконструируемых для охотников на дикого северного оленя Северной Евразии (Симченко, 1976. С. 285). Расширение бичевницкого культурно-хозяйственного ареала в континентальную тундру («маятниковый» эффект) могло быть обусловлено спецификой хозяйственно-культурного типа, включавшего в систему природопользования населения несопоставимые природно-географические зоны и ориентированного в значительной степени на подвижную охоту на копытных как в тундровой, так и в таежной зонах Припечорья. Характерно, что анализ распространения костных остатков оленя и лося как составной части средневековой археофауны Печорской низменности независимо от природно-географических зон и типа археологических памятников (поселение, жертвенное место) дает картину преобладания оленя при охоте на копытных в целом по Печорскому Приуралью при его естественном доминировании в Большеземельской тундре (Мурыгин, 1990). Меридиональным передвижениям уже сложившихся раннебичевницких групп (середина I тыс. н. э.) и их контактам с тундровыми коллективами (зафиксировано по материалам поселений и жертвенного места в Большеземельской тундре) благоприятствовало улучшение климатической обстановки в период примерно 1600–2000 лет назад. Наблюдаемое распространение бичевницких памятников в северные районы Нижнего Приобья (городища Няксимволь на р. Сев. Сосьва и Усть-Полуй близ устья р. Обь) также могло быть связано не с исторически обусловленными однонаправленными миграциями, а с сезонными межрегиональными широтными перекочевками вслед за стадами лесных копытных.

* Существует точка зрения, согласно которой появление каннелюр в орнаменте керамики Европейского Северо-Востока связано с культурным импульсом со стороны Беломорья (Васкул, 2005. С. 15).

К VI – VII в. н. э. активная фаза взаимодействий на Европейском Северо-Востоке, сопровождавшихся глубокими изменениями в культуре и носивших характер *межэтнических* миграционных процессов, завершилась. В среднем субатлантикуме (1800–1200 лет назад; Никифорова, 1982), несмотря на известные климатические колебания, природные условия развивались с общей тенденцией в сторону потепления, способствовавшего новому расцвету темнохвойных лесов. В таежной полосе Европейского Северо-Востока начинается этап относительной стабилизации культурной обстановки. В регионе сложились новые археологические образования, становление которых в предшествующий период было связано со взаимодействием различных этнокультурных компонентов. Между Тиманским кряжем и Уральским хребтом продолжается развитие культуры типа Бичевник, ее ареал сократился до районов таежного Припечорья. В западном Притиманье на смену шойнатыйским появляются памятники ванвиздинского типа, занимавшие часть Вычегодского, а затем Мезенского бассейна.

Таким образом, можно полагать, что одним из факторов, оказавших серьезное влияние на особенности становления и развития локальных культур раннесредневекового населения в бассейнах рек Вычегды и Печоры, явились взаимодействия и связи коллективов, протекавшие в форме перманентно происходящих разнотипных миграций. Их можно рассматривать в качестве *постоянной величины*, не изменяющей своего значения в территориальных рамках Европейского Северо-Востока на протяжении длительного времени и даже отнести к одному из стержневых элементов системы жизнеобеспечения коллективов в районах северной, крайне-северной тайги и тундровой зоны.

Миграционные процессы привели в I тыс. н. э. также к радикальным изменениям в этнокультурной обстановке на северо-востоке Европы. Одним из результатов глубоких перемен, произошедших в культурах местного населения, явилось выраженное своеобразие раннесредневековых этнокультурных образований, которые можно определить как *синкретические,* представлявшие собой единство неоднородных компонентов. Возможно, следует на время отказаться от традиционно прямого отождествления культур региона с конкретными этносами. Известно, что элементы материальной культуры в той или иной степени обусловлены главным образом развитием производительных сил и особенностями природной среды, а также особенностями исторического развития и прочно не привязаны к этносу (Чистов, 1972. С. 79). Поэтому более продуктивно, может быть, рассматривать их с точки зрения хозяйственно-культурных образований с эклектичным набором культуроопределяющих признаков. Это связано не только и, возможно, не столько с исторически обусловленными событиями «гуннского» периода эпохи Великого переселения народов. Ситуация объективно была определена самим положением территории, которая оказалась зоной постоянных и длительных контактов угорского, самодийского и пермского населения. Повторяясь, следует все же подчеркнуть, что в числе предпосылок невысокого уровня культурной дифференциации социальных групп следует рассматривать и миграционную подвижность различного вида, а для печорского населения также дисперсный тип расселения и длительные сезонные широтные и меридиональные перекочевки. Этому способствовала специфика географического положения территории обитания, особенности ее естественно-географической среды – выраженная зональность растительного покрова, перекрещивание двух зоогеографических границ, широтной – тундра-тайга и долготной – Европа-Сибирь, значительные климатические изменения и большая

зональная мобильность на протяжении многих тысячелетий, сравнительно позднее формирование современной границы между тундрой и лесом (Кац, 1952; Нейштадт, 1957; Шнитников, 1957; Хотинский, 1977; Никифорова, 1982; Климанов, Никифорова, 1982; Андреичева и др., 2009).

Вторую четверть и середину I тыс. н. э. для древнего населения Печорской и Вычегодской тайги можно считать переломным и особым этапом их истории. Характерные для этого времени материалы являются не только связующим звеном между эпохой раннего железного века и средневековья. Этот переход отмечен значительными подвижками населения как внутрирегионального, так и межрегионального масштаба, взаимодействием с племенами Зауралья, Большеземельской тундры и Прикамья. Растет роль внешних проникновений в форме инфильтраций и инвазий, внутренних перемещений населения, усиливаются процессы культурной диффузии.

В формировании культурных особенностей подвижного охотничье-рыболовческого населения бассейна Вычегды, наряду с *внешними инфильтрациями* из западносибирского культурного ареала и бассейна р. Печора, существенную роль сыграла исторически обусловленная прямая *инвазия* инородных коллективов из Прикамья.

В это же время для населения Печорского Приуралья, также с доминированием присваивающих форм деятельности, этнокультурные связи были обусловлены больше длительными *внешними инфильтрационными процессами* и *внутрирегиональной культурной диффузией*. Они определялись двумя основными факторами, *непосредственным* – негативными изменениями естественно-географической среды (северный инфильтрат) и *опосредованным* – далекими отголосками кризисных для многих народов событий эпохи Великого переселения народов (восточный инфильтрат). В отличие от бассейна Вычегды последовавшие изменения в культуре гляденовского населения Припечорья были преимущественно связаны не с «одномоментным броском» извне, а с растянутым на столетия продвижением на Европейский Северо-Восток мигрировавших групп и, очевидно, переносом в этом же направлении соответствующих элементов традиционной культуры, средств и способов деятельности.

При непосредственном взаимодействии местных и пришлых групп к середине I тыс. н. э. на Европейском Северо-Востоке произошло сложение новых культурных типов. На Вычегде появляются памятники шойнатыйского типа, позднее распространившиеся в таежное Припечорье, в таежной зоне бассейна Печоры – раннебичевницкого, широко представленные в Большеземельской тундре, восточном Привычегодье, известные на нижней Оби и в Северном Прикамье. Оба культурных типа явились продуктом межэтнического синтеза и последующей интеграции, возникших в результате процесса взаимовлияния и взаимопроникновения, происходившего на фоне *трансформации* подстилающих культурных традиций. До какого-то времени (но не позднее VI в. н. э.) их носители сосуществовали и осуществляли тесные связи между собой в пределах почти одной и той же территории, за исключением тундровой окраины раннебичевницкого ареала.

На этапе относительной стабилизации культурной обстановки в таежной полосе Европейского Северо-Востока (где-то в третьей четверти I тыс. н. э.) основное направление этнокультурных связей вычегодско-печорского населения продолжает оставаться прежним – южное и восточное. Слабее проявляют себя контакты с коллективами заполярных областей Европейского Северо-Востока. Отметим здесь, что в полной мере взаимодействие культур этого региона с окружающим миром, под которым понимается особый вид непосредственных отношений и связей,

складывающихся между по меньшей мере двумя культурами, а также тех влияний, взаимных изменений, которые появляются в ходе этих отношений (Арутюнов, 1989; Аванесова, 1997. С. 70), происходило только в момент миграционного пика сер. I тыс. н. э.

В заключение следует обратить внимание на следующее обстоятельство. Имеющиеся данные создают впечатление, что этнокультурные связи в эпоху раннего средневековья между окружающим (по отношению к территории крайнего северо-востока Европы) миром и населением Вычегодского и Печорского бассейнов имели преимущественно однонаправленный характер и осуществлялись путем *односторонней культурной трансмиссии*. Это означает, что для местного населения они носили больше характер заимствования и проявлялись в виде распространения объектов материальной культуры из районов с производящей экономикой (торговля, обмен и т.п.) либо как культурные новации в области хозяйства, технологий и т. д., или были определены освоением новых территорий пришлым (родственным или неродственным) населением и их смешением с местными коллективами.

Литература

Аванесова Г.А. Взаимодействие культур // Культурология. XX век. Словарь. СПб., 1997. С. 70–71.

Андреичева Л.Н., Голубева Ю.В., Марченко-Вагапова Т.И. Изменение природной среды и климата в Арктике в четвертичное время. Геология полярных областей Земли: Мат. XLII тектонического совещания. М., 2009. Т. 1. С. 7–11.

Арутюнов С.А. Народы и культуры: Развитие и взаимодействие. М.: Наука, 1989. 243 с.

Археология Республики Коми. М.: ДиК, 1997. 758 с.

Ашихмина Л.И. Погребальный обряд курганного могильника Борганъёль. Сыктывкар, 1988. 20 с. (Научные доклады / Коми НЦ УрО РАН. Вып. 191).

Ашихмина Л.И. Исследования Вычегодско-Вятского отряда в бассейне Средней Вычегды // Археологические открытия Урала и Поволжья. Сыктывкар, 1989. С. 3–5.

Ашихмина Л.И. К реконструкции мировосприятия у населения Вычегды в V–VI вв. // Научный семинар по теме: «Проблемы изучения духовной культуры древних обществ». Тез. докл. Екатеринбург, 1994. С. 74–78.

Багин А.Л. Первые результаты исследований могильника VI в. Сэбысь в среднем Припечорье // Пермские финны: Археологические культуры и этносы / Мат. I Всерос. научн. конф. Сыктывкар, 2007. С. 107–112.

Буров Г.М. Вычегодский край. М.: Наука, 1965. 196 с.

Буров Г.М. Древний Синдор. М.: Наука, 1967. 219 с.

Васкул И.О. Памятники гляденовской культурной общности // Археология Республики Коми. М.: ДиК, 1997. С. 349–399.

Васкул И.О. Шиховской могильник раннего железного века (первые результаты исследований). Сыктывкар, 2002. 52 с. (Научные доклады / Коми НЦ УрО РАН. Вып. 451).

Васкул И.О. Европейский Северо-Восток в I тысячелетии н. э. // Север Евразии: этносоциокультурные и социально-экономические процессы. Сыктывкар, 2005. С. 3–23.

Васкул И.О., Овчинников Ф.В. Шойнаягский могильник // Этнокультурные процессы в древности на Европейском Северо-Востоке (источники и исследования). Сыктывкар, 1999. С. 44–57. (МАЕСВ. Вып. 16).

Васюткин С.М. О периодизации этнической истории населения Башкирии эпохи средневековья (III–XIII вв.) // АЭБ. Уфа, 1971. Т. 4. С. 135–138.

Генинг В.Ф. Памятники у с. Кушнаренково на р. Белой (VI–VII вв. н. э.) // Исследования по археологии Южного Урала. Уфа, 1977. С. 90–135.

Генинг В.Ф. Опутятское городище – металлургический центр харинского времени в Прикамье (2-я половина V – 1-я половина VI вв. н. э.) // Памятники эпохи средневековья в Верхнем Прикамье. Ижевск, 1980. С. 92–135, 197–217.

Голдина Р.Д. Связи населения Верхнего Прикамья с Сибирью в эпоху средневековья // Этнокультурные связи населения Урала и Поволжья с Сибирью, Средней Азией и Казахстаном. Уфа, 1976. С. 44–45.

Голдина Р.Д. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. Иркутск: Изд-во Иркутского ун-та, 1985. 280 с.

Елагин В.С., Молодин В.И. Бараба в начале I тысячелетия н. э. Новосибирск: Наука, 1991. 125 с.

Збруева А.В. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху. М., 1952. 321 с. (МИА; № 30).

Итс Р.Ф. Введение в этнографию: Учебное пособие. Л.: Изд-во ЛГУ, 1991. 168 с.

Канивец В.И. Канинская пещера. М.: Наука, 1964. 136 с.

Канивец В.И. Поселения железного века на средней Печоре // ИКФВГО. Сыктывкар, 1972. Т. II. Вып. 4(14). С. 79–89.

Кац Н.Я. К истории позднечетвертичной флоры и климата СССР // Материалы по четвертичному периоду. М., 1952. Вып. 3. С. 39–48.

Климанов В.А., Никифорова Л.Д. Изменение климата на северо-востоке Европы за последние 2000 лет // Доклады Академии наук СССР. М., 1982. Т. 267. № 1. С. 164–167.

Королев К.С. Раннесредневековый могильник Угдым II // Проблемы финно-угорской археологии Урала и Поволжья. Сыктывкар, 1992. С. 116–121.

Королев К.С. Угдымский археологический комплекс на средней Вычегде. Сыктывкар, 2002. 109 с.

Лашук Л.П. Происхождение народа коми. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1961. 40 с.

Лашук Л.П. Формирование народности коми. М.: Изд-во МГУ, 1972. 290 с.

Мажитов Н.А. Южный Урал и переселение народов в I и начале II тысячелетий // Этнокультурные связи населения Урала и Поволжья с Сибирью, Средней Азией и Казахстаном в эпоху железа. Уфа, 1976. С. 6–9.

Мельничук А.Ф. Этнические процессы и освоение Северного Прикамья в эпоху раннего железного века – позднего средневековья // Мат. Междунар. науч. конф. «Исторические истоки, опыт взаимодействия и толерантности народов Приуралья» (к 30-летию Камско-Вятской археологической экспедиции). Ижевск, 2002. С. 101–109.

Мельничук А.Ф., Соболева Н.В. Селище Пеньки – памятник харинского времени на р.Чусовой // Приуралье в древности и средние века. Устинов, 1986. С. 99–109.

Могильников В.А. К вопросу о связях населения Башкирии и Зауралья в конце I тысячелетия до н. э. – I тысячелетия н. э. // Археология и этнография Башкирии. Уфа, 1971. Т. 4. С. 151–157.

Мошинская В.И. Археологические памятники севера Западной Сибири // Свод археологических источников. М., 1965. Вып. ДЗ-8. 87 с.

Мурыгин А.М. Поселение Усогорск III на средней Мезени // Древние памятники Северного Приуралья. Сыктывкар, 1980. С. 71–91. (МАЕСВ. Вып. 8).

Мурыгин А.М. О некоторых традициях в раннесредневековой керамике Северного Приуралья // Методологические аспекты археологических и этнографических исследований в Западной Сибири. Томск, 1981. С. 86–88.

Мурыгин А.М. Лось и олень в материальной культуре средневековых племен Припечорья // III Междунар. симпоз. по лосю: Тез. докл. Сыктывкар, 1990. С. 18.

Мурыгин А.М. Печорское Приуралье: эпоха средневековья. М.: Наука, 1992. 182 с.

Мурыгин А.М., Королев К.С., Ляшев В.А. Миграционный фактор в развитии средневековых культур Северного Предуралья. Сыктывкар, 1984. 56 с. (Науч. докл. / Коми филиал АН СССР. Вып. 105).

Нейштадт М.И. История лесов и палеогеография СССР в голоцене. М., 1957. 404 с.

Никифорова Л.Д. Динамика ландшафтных зон голоцена северо-востока европейской части СССР // Развитие природы территории СССР в позднем плейстоцене и голоцене. М., 1982. С. 154–162.

Оборин В.А. Культурные связи племен Верхнего Прикамья с племенами северо-востока Европы в эпоху железа // Древности Восточной Европы. М.: Наука, 1969. С. 156–167. (МИА. 169).

Оборин В.А. Этнокультурные связи населения Верхнего Прикамья с племенами Западной Сибири в IX–XV вв. // Этнокультурные связи населения Урала и Поволжья с Сибирью, Средней Азией и Казахстаном. Уфа, 1976. С. 20–21.

Поляков Ю.А. Гляденовская культура в верхнем и среднем Прикамье: Автореф. дис… канд. ист. наук. М., 1980. 17 с.

Савельева Э.А. Первый Веслянский могильник // Историко-филологический сборник. Сыктывкар, 1963. Вып. 8. С. 87–98.

Савельева Э.А. Средневековые могильники на р. Вымь // АЭБ. Уфа, 1964. Т. II. С. 237–247.

Савельева Э.А. Пермь вычегодская. М.: Наука, 1971. 222 с.

Савельева Э.А. Этническая принадлежность ванвиздинской культуры // Вопросы финно-угроведения. 1979а. Ч. II. С. 77–78.

Савельева Э.А. Хронология погребальных комплексов Веслянского I могильника // КСИА. 1979б. Вып. 158. С. 91–96.

Савельева Э.А. Актуальные проблемы этногенеза коми-зырян // Проблемы этногенетических исследований Европейского Северо-Востока. Сыктывкар, 1982. С. 14–31.

Савельева Э.А. Этногенез коми-зырян**:** (По данным археологии) // Проблемы этногенеза народа коми. Сыктывкар, 1985а. С. 3–19. (Труды ИЯЛИ. Вып. 36).

Савельева Э.А. Этногенез коми-зырян. Сыктывкар, 1985б. 34 с. (Науч. докл. / Коми филиал АН СССР. Вып. 130).

Савельева Э.А. Европейский северо-восток в эпоху средневековья: Научный доклад на соиск. уч. ст. д-ра ист. наук. М., 1995. 52 с.

Савельева Э.А., Канивец В.И. Некоторые вопросы этногенеза коми в свете археологических источников // Всесоюз. конф. по финно-угроведению: Тез. докл. Сыктывкар, 1965. С. 156–159.

Селезнева О.М., Васкул И.О. Новые данные об этнокультурных связях населения европейского северо-востока и Зауралья в эпоху железа // Этнодемографические и этнокультурные процессы на крайнем севере Евразии. Сыктывкар, 2004. Вып. 1. С. 52–57.

Семенов Вл. А. К вопросу об этническом составе населения бассейна р. Чепцы по данным археологии // Материалы по этногенезу удмуртов. Ижевск, 1982. С. 51–53.

Симченко Ю.Б. Культура охотников на оленей Северной Евразии. М., 1976. 310 с.

Смирнов А.П. Ванвиздинская дюнная стоянка // ТСА РАНИОН. М., 1928. Вып. IV. С. 472–480.

Смирнов А.П. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья. М.: Изд-во АН СССР, 1952. 274 с. (МИА. № 28).

Фосс М.Е. Древнейшая история Севера Европейской части СССР. Л., 1952. 280 с. (МИА. № 29).

Халикова Е.А. Зауральские истоки культуры протовенгров // Этнокультурные связи населения Урала и Поволжья с Сибирью, Средней Азией и Казахстаном в эпоху железа. Уфа, 1976. С. 52–53.

Хотинский Н.А. Голоцен Северной Евразии. М., 1977. 198 с.

Хотинский Н.А. Голоценовые хроносрезы: дискуссионные проблемы палеогеографии голоцена // Развитие природы территории СССР в позднем плейстоцене и голоцене. М., 1982. С. 142–147.

Чернецов В.Н. Усть-Полуйское время в Приобье. М.: Изд-во АН СССР, 1953а. С. 221–241. (МИА. № 35).

Чернецов В.Н. Древняя история Нижнего Приобья. М.: Изд-во АН СССР, 1953б. С. 7–71. (МИА. № 35).

Чернецов В.Н. Нижнее Приобье в I тысячелетии н. э. М.: Изд-во АН СССР, 1957. С. 136–245. (МИА. № 58).

Чистов К.В. Этническая общность, этническое сознание и некоторые проблемы духовной культуры // СЭ. 1972. № 3. С. 73–85.

Чеснокова Н.Н. Классификация ванвиздинской керамики // Проблемы этногенетических исследований Европейского Северо-Востока. Сыктывкар, 1982. С. 106–121.

Чеснокова Н.Н. Ванвиздинская археологическая культура: Автореф. дис… канд. ист. наук. Л., 1983. 16 с.

Шнитников А.В. Изменчивость общей увлажненности материков Северного полушария // Зап. Географич. об-ва СССР. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1957. Т. 16. 334 с.

Вып. 18 2013

О ФИНСКОМ КОМПОНЕНТЕ В ДРЕВНОСТЯХ ПЕРМСКОГО ПРЕДУРАЛЬЯ X–XI ВЕКОВ*

А.М. Белавин, Н.Б. Крыласова

В последнее время, вернувшись к проблеме преобладания угорского этнического компонента среди носителей ломоватовской археологической культуры V – середины XI в. в Пермском Предуралье, мы столкнулись с недопониманием со стороны ряда коллег, которые полагают, что при этом мы отрицаем наличие в составе средневекового населения финского компонента. Но это совершенно не соответствует нашим представлениям, основанным на убеждении в том, что ломоватовская культура связана с финно-уграми.

В разные эпохи соотношение финнов и угров в составе прикамского населения менялось. В рассматриваемый период функционирования ломоватовской культуры угры доминировали, что ярко прослеживается в характере материальной культуры. Однако в материальной культуре отчетливо выделяется и финский компонент. Особенно показательные результаты дает анализ погребальной керамики, который позволяет условно определить долю угров и финнов среди языческого населения Пермского Предуралья.

Попробуем проследить это на примере анализа комплекса погребальной керамической посуды двух из наиболее изученных средневековых могильников Пермского Предуралья – Огурдинского (Усольский район Пермского края) и Рождественского (Карагайский район Пермского края), которые на протяжении ряда полевых сезонов исследовались Камской Археолого-этнографической экспедицией Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. На Огурдинском могильнике конца X – первой половины XI в. вскрыто 276 погребений, на Рождественском языческом могильнике X – начала XI в. – 207.

На Рождественском могильнике обнаружено 160 сосудов, которые происходят из 69% погребений. Могильник оставлен жителями Рождественского городища – торгово-ремесленной фактории волжских булгар на прикамской земле, имеющей все признаки средневекового городка, одним из которых является полиэтничный и поликонфессиональный состав населения. Основную часть жителей городища составляли представители местных финно-угорских племен и выходцы из Волжской Булгарии – купцы и охранники торговых караванов, ремесленники и члены их семей. Среди последних были как мусульмане, хоронившие умерших на отдельном кладбище, так и язычники финно-угры, в погребениях которых на Рождественском языческом могильнике встречается посуда, отнесенная Т.А. Хлебниковой к этнокультурной группе VII, сформи-

* Статья выполнена в рамках проекта №29а-Ф ПСР ПГГПУ.

ровавшейся на территории Волжской Булгарии на основе неволинской целиндрошеей посуды при ее взаимодействии с верхнекамской (Хлебникова, 1984. С. 109–111). В небольшом количестве на могильнике представлена посуда с орнаментацией, характерной для населения бассейна р. Чепцы, со своеобразными отпечатками ромбовидного и розетковидного штампов (Белавин, Крыласова, 2008. Рис. 129/20-22). В наиболее поздних рядах захоронений встречены фрагменты так называемой «славяноидной» керамики (раскопки 2012 г.).

Все же подавляющую часть сосудов, обнаруженных на языческом Рождественском могильнике, можно отнести к типичным для ломоватовской археологической культуры. Это профилированные круглодонные сосуды с округлобоким туловом, отогнутой наружу средней или относительно высокой шейкой. Среди них подавляющее большинство (более 90%) составляют приземистые сосуды – чаши. В глиняном тесте наблюдаются растительные примеси, песок, шамот, в 23% случаев – мелкотолченая раковина. Поверхность заглажена мягким предметом или рукой. Обжиг костровой, неровный, некачественный. Цвет неровный – от темно-серого, почти черного, до коричневого различных оттенков (Белавин, Крыласова, 2008. С. 205–207).

По особенностям орнаментации подавляющее большинство сосудов можно отнести к шнурогребенчатым, поскольку, даже если они не имеют отпечатков многорядного шнура по шейке, по плечику нанесен орнамент в виде «подковок» или близких к ним «личинок», который наиболее часто сочетается со «шнуром» в ломоватовской керамике. Шнуровой орнамент нередко дополняется также нанесенными по плечику вертикальными или наклонными оттисками гребенчатого штампа, гребенчатым зигзагом. Шнуровая или шнуро-гребенчатая орнаментация большинством исследователей (В.Н. Чернецов, В.А. Могильников, Е.П. Казаков, В.Д. Викторова и др.) признается как угорская. В.Д. Викторова считает, что распространение сосудов со шнуровой орнаментацией является одним из наиболее убедительных аргументов в пользу идеи продвижения угорских племен в лесную полосу по обе стороны Уральских гор (Викторова, 2008. С. 110).

Но среди местной ломоватовской посуды выделяется также небольшая группа сосудов с чисто гребенчатой орнаментацией. Гребенчатая керамика уже с эпохи неолита идентифицируется с носителями урало-камской культуры, которую исследователи связывают с предками финно-пермских народов (Кузеев, 1992. С. 23).

Всего восемь таких сосудов, что составляет 5% керамического комплекса Рождественского могильника, происходят они из 3,8% погребений. При этом данные сосуды обнаружены преимущественно в рядах погребений, относящихся к началу XI в.

Особенностью орнаментации чисто гребенчатой керамики является, во-первых, украшение шейки сосудов не «шнуром», а несколькими рядами горизонтальных оттисков гребенчатого штампа (три сосуда, рис. 1, *5–7*), во-вторых, компоновка оттисков гребенчатого штампа группами по два-четыре, из которых образуются элементы орнамента, например, зигзага (рис.1, *2–4*), в-третьих, использование более крупного гребенчатого штампа, чем на сосудах со шнурогребенчатой орнаментацией. Подобные особенности наблюдаются на посуде, характерной для вымской культуры XI–XIV вв. (Савельева, 1987. С. 79–81. Рис. 22, *13;* 25, *9, 12*).

На Огурдинском могильнике керамическая посуда встречена в 15% погребений, где собраны фрагменты 53 керамических сосудов. Большинство из них принадлежит к типичной ломоватовской посуде, хотя имеются и инокультурные сосуды зауральского и западносибирского происхождения (Белавин, Крыласова, 2012. С.205–207).

15 сосудов орнаментированы исключительно гребенчатым штампом (28,3% керамики Огурдинского могильника, рис. 2). По форме эти сосуды, как и на Рождественском могильнике, весьма схожи с местными, ломоватовскими, но их отличают более высокие пропорции. Среди этих сосудов преобладают горшки и высокие чаши, они отличаются относительно высокой шейкой. По цвету и составу теста посуда данной группы существенно не отличается от местной – в тесте присутствуют растительные примеси, песок, реже – толченая раковина. Венчики прямые, скошенные наружу, орнаментированы косыми резными насечками (рис. 2, *1*), защипами (рис. 2, *15*), но преимущественно – наклонными или прямыми отпечатками гребенчатого штампа (рис.2, *3–4, 7–8, 10–13*). По шейке большинство сосудов орнаментировано горизонтальными гребенчатыми поясками. По плечику на ряде сосудов наблюдаются вертикальные или наклонные оттиски гребенчатого штампа (рис. 2, *5–6, 13, 15*). Как и на Рождественском могильнике, в орнаментации гребенчатой керамики Огурдинского могильника часто используются элементы орнамента, скомпонованные из двух–пяти оттисков гребенчатого штампа. К примеру, на двух сосудах в верхней части тулова довольно бессистемно размещены группы отпечатков гребенчатого штампа, образующие квадраты (рис. 2, *7, 13*), в одном случае ниже располагался ряд из наклонных отпечатков гребенчатого штампа (рис. 2, *13*). На двух сосудах основным орнаментальным мотивом является зигзаг из групп отпечатков гребенчатого штампа, ограниченный сверху и снизу горизонтальными гребенчатыми поясками (рис. 2, *1, 15*). В одном случае этот мотив повторен дважды, от углов нижней линии зигзага спускаются группы вертикальных оттисков гребенки, а во втором – нижнюю зону орнамента образует сплошная полоса вертикальных оттисков гребенки. На сосуде из погребения № 125 (рис. 2, *8*) орнамент образован двумя линиями повторяющегося зигзага, повернутыми зеркально друг к другу таким образом, что в местах соединения образовались ромбы. На сосуде из погребения № 41 (рис. 2, *11*) под горизонтальным гребенчатым пояском помещены строенные отпечатки «розеток». Отдельную подгруппу составляют миниатюрные сосуды, шейка и верхняя часть плечика которых покрыты косой сеточкой, нанесенной мелкозубчатым штампом (рис. 2, *2, 9, 12*).

Данная группа керамики находит аналогии в материалах вымской культуры, где в технике орнаментации преобладает гребенчатый штамп, чаще всего встречаются горизонтальные, вертикальные и наклонные оттиски гребенки, узоры в виде зигзага, повторяющегося зигзага, «елочки», косой решетки (Савельева, 1987. С. 79–81). Некоторым сосудам из Огурдинского могильника имеются прямые аналогии в Чежтыягском (Истомина, 1992. Рис. 3, 1) и Кичилькосьском могильниках (Савельева, 1973. Рис. 9, *12*; Савельева, 1987. Рис. 22, *13;* 26, *1*).

Существенная разница в процентном соотношении угорской шнуро-гребенчатой и финской гребенчатой посуды на двух представленных памятниках может иметь двоякое объяснение. С одной стороны, подавляющая часть погребений Огурдинского могильника относится к первой половине XI в., т. е. к периоду, когда начинается постепенное усиление роли финского компонента в составе финно-угорского населения края. На Рождественском могильнике к этому времени относится значительно меньшая группа погребений. С другой стороны, Огурдинский могильник расположен значительно севернее, в тех землях, жители которых имели более оживленные контакты с вымским населением.

О довольно тесном взаимодействии средневекового населения северных районов Пермского края с жителями Европейского Северо-Востока свидетельствуют находки на ряде поселений

(Володин Камень, Лисья Курья, Редикор, Вильгорт, Чашкинское 2-е селище и др.) лепной керамики ванвиздинской культуры. В нижнем слое Редикорского городища она составляла более 20% всей посуды. Лепная керамика вымской культуры представлена еще на более широком круге памятников в материалах XI–XIII вв. (Редикорское, Урольское, Чердынское, Острая Грива, Городищенское, Рождественское городища и др.) (Белавин, 1999. С. 66). По мнению В.А. Оборина, эта керамика свидетельствует о наличии в родановской среде переселенцев из Перми Вычегодской (Оборин, 1987. С. 69–71), количество которых со временем увеличивалось, примером чему является городище Искар, на котором в верхних слоях XIV–XVI вв. такая керамика составляла 25% керамического комплекса.

Частое и устойчивое появление в керамическом комплексе определенной археологической культуры керамики иного культурного происхождения обычно связывают либо с переселением групп инокультурного населения в местную среду, либо с иными формами этнического проникновения (браки, наличие пленников или невольников и т.п.). Наиболее верным последнее положение оказывается в применении к лепной керамике традиционных обществ, где она изготавливалась в рамках домашнего производства с учетом не только утилитарного назначения посуды, но и ее оберегово-ритуального смысла. Последнее касается как формы (поэтому она устойчива на протяжении многих поколений), так и орнаментации поверхности сосудов. Керамическое производство в таких обществах, как правило, женское дело – и для собственных нужд женщина, попавшая в результате брака в иноэтничную среду, продолжала изготавливать посуду той формы и с той орнаментацией, которые соответствовали ее происхождению. Именно поэтому керамика может маркировать брачные связи и движение этнических групп (Белавин, 1999. С.66).

Однако, возможно, что мы имеем дело не с пришлым, а с местным финским населением, родственным жителям Европейского Северо-Востока, поскольку и в более ранний период, а в особенности позднее – в родановской культуре второй половины XI–XV вв. – керамические комплексы этих территорий имеют много общих черт. Более достоверные результаты может дать только детальный анализ поселенческой и погребальной керамики с более широкого круга памятников Пермского Предуралья.

Таким образом, как на Рождественском, так и на Огурдинском могильниках выделяются угорская и финская керамические традиции. Финская традиция наблюдается в достаточно представительной серии сосудов, находящих аналогии в вымской культуре, связываемой с этногенезом народа коми. Материалы данных памятников наглядно подтверждают современные представления о том, что на территории Пермского Предуралья одновременно проживали финны и угры, но при этом угры до середины XI в. преобладали.

Литература

Белавин А.М. Внешние и внутренние экономические и этнокультурные контакты средневекового населения Предуралья (по керамическому комплексу) // Новые исследования по средневековой археологии Поволжья и Предуралья. Ижевск; Глазов: УИИЯЛ УрО РАН, 1999. С. 65–73.

Белавин А.М., Крыласова Н.Б. Огурдинский могильник // Археология Пермского края. Свод археологических источников. Пермь: ПГПУ, 2012. Вып. II. 259 с.

Белавин А.М., Крыласова Н.Б. Древняя Афкула: археологический комплекс у с. Рождественск. Пермь: ПФ ИИиА УрО РАН, 2008. 603 с.

Викторова В.Д. Древние угры в лесах Урала. Екатеринбург: ИИиА УрО РАН, 2008. 208 с.

Истомина Т.В. Комплекс погребения 37 Чежтыягского могильника // Проблемы финно-угорской археологии Урала и Поволжья. Сыктывкар: Коми НЦ УрО РАН, 1992. С. 127–136.

Кузеев Р.Г. Распад уральской общности и расселение финно-угорских племен // Народы Среднего и Южного Урала. Этногенетический взгляд на историю. М.: Наука, 1992. С. 22–24.

Оборин В.А. Миграции населения вымской культуры на Урал // Тезисы докладов XVII Всесоюзн. финно-угор. конф. Устинов, 1987. Т. II. С. 69–71.

Савельева Э.А. Кичилькосьский могильник // Археологические исследования в бассейне Печоры. Сыктывкар: ИЯЛИ Коми ФАН СССР, 1973. С. 63–98.

Савельева Э.А. Вымские могильники XI–XIV вв. Л.: ЛГУ, 1987. 200 с.

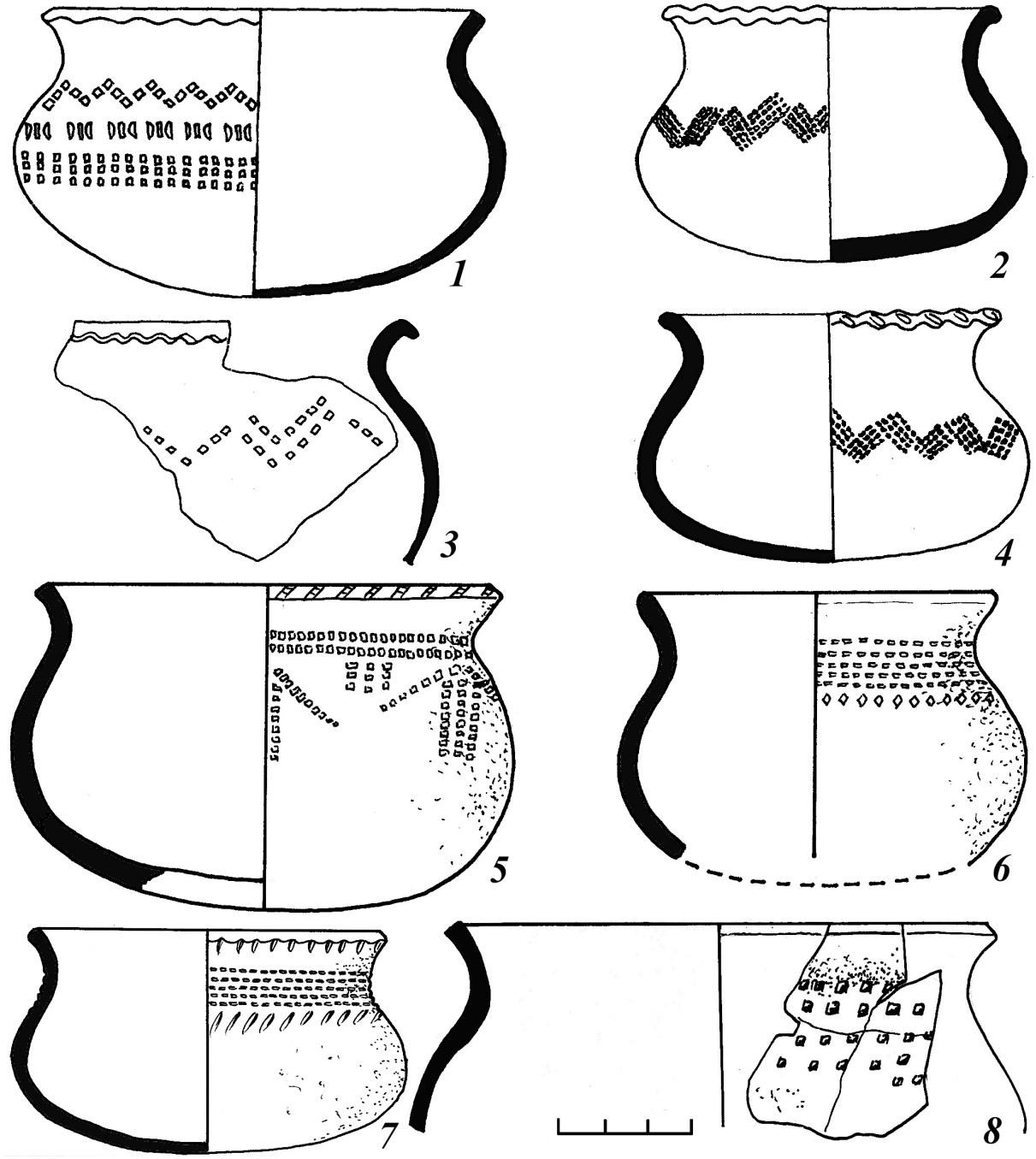


Рис. 1. Сосуды с гребенчатой орнаментацией из Рождественского языческого могильника.

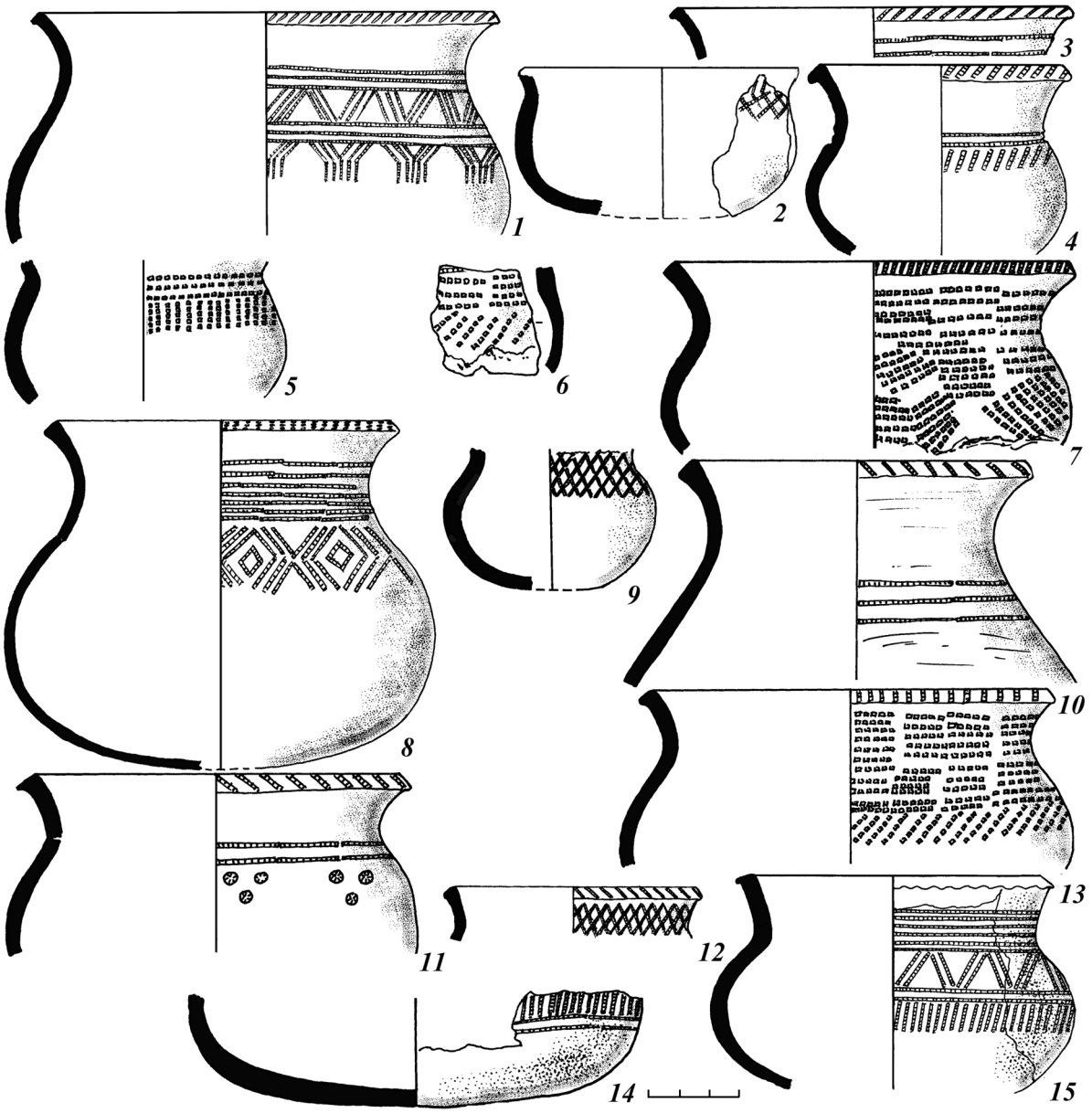


Рис. 2. Сосуды с гребенчатой орнаментацией из Огурдинского могильника.

Вып. 18 2013

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ СРЕДНЕВЕКОВОЙ АРХЕОЛОГИИ ПЕРМЯН ПРИУРАЛЬЯ

Р.Д. Голдина

Одной из актуальных проблем финно-угорской археологии остается этногенез пермских народов. В последние десятилетия активизировалась дискуссия по определению древностей угров и пермских финнов на территории Предуралья. В 2009 г. издательским домом БГПУ опубликована монография «Угры Предуралья в древности и средние века», подготовленная А.М. Белавиным и Н.Б. Крыласовой (Пермский государственный педагогический университет) и В.А. Ивановым (Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы).

В этой книге (злые языки с легкой руки авторов называют ее «антиголдинской») предпринята попытка пересмотреть взгляды «современных сторонников автохтонизма» на древние и средневековые культуры среднего и северного Предуралья, которые относят их к числу пермских древностей (Белавин и др., 2009. С. 15–16). А.М. Белавин и его соавторы пытаются обосновать принадлежность этих культур уграм. Авторы приводят даже цитату из моей статьи, но без ссылки на нее. Конечно, лестно, что авторы этой книги так высоко оценивают мой личный вклад в дело обоснования автохтонизма пермян, но следовало бы указать, что моя концепция строится на многочисленных исследованиях предшественников и коллег. Долгое время я не вступала в дискуссию по этому вопросу, считая ее нецелесообразной вследствие отсутствия доказательной базы и слабости аргументации. Но, несмотря на жесткую и справедливую критику ученых разных научных центров (Пастушенко, 2009, 2011; Мельничук, Чагин, 2010, 2012; Мажитов, 2011; Коренюк, Мельничук, 2011; Коренюк, Мельничук, Перескоков, 2011, 2012), А.М. Белавин, Н.Б. Крыласова и В.А. Иванов продолжают настаивать на своей гипотезе. Их ответы на критику становятся все более агрессивными, иногда переходя рамки научной дискуссии (Белавин, Иванов, 2011; Крыласова, 2012). Более того, вижу как молодое поколение археологов, работающих по древностям Приуралья, находясь, очевидно, под «гипнозом» ученых степеней и званий авторов, воспринимают их идеи без должного критического анализа, и это также подтолкнуло меня к необходимости высказать свое мнение по некоторым сюжетам этой книги.

Одной из грубейших ошибок оппонентов является положение о том, что средневековые культуры Приуралья имеют разную этническую принадлежность: ломоватово-родановская, поломско-чепецкая и неволинская – угорские, а вымская – пермско-финская. По их мнению: «Наиболее тесная взаимосвязь существовала с родственными в этнокультурном плане угорскими культурами (неволинской, поломской, приобской), исключение составляет только вымская куль-

тура, принадлежавшая пермским финнам» (С. 131). Это положение в книге не обосновано, но судя по тому, что характеристики вымской и предшествующей ей ванвиздинской культур в тексте среди угорских образований отсутствуют, следует полагать, что А.М. Белавин и др. относят к числу пермских и ванвиздинскую культуру.

Вызывает недоумение, как можно было писать об этом, проигнорировав работы Э.А. Савельевой, которая блестяще доказала на основании привлечения всех имеющихся в ее распоряжении письменных, лингвистических, этнографических и вещественных источников, что вымская культура вычегодских пермян – предки народа коми. Ею же убедительно обоснована генетическая связь ванвиздинской и вымской культур, сложившихся на ананьинско-гляденовской основе (Савельева, 1971; 1979; 1982; 1985а; 1985б; 1987; 1995а; 1995б; 2005; 2008).

Идея о разноэтничности ванвиздинско-вымских и ломоватово-родановских памятников была впервые высказана в конце 80-х – начале 90-х гг. XX столетия проф. А.Х. Халиковым, утверждавшим, что общепермскими культурами являлись ванвиздинская (IV–IX вв.) и вымская (X–XIV вв.), расположенные в бассейне р. Вычегда (Халиков, 1985; 1991. С. 81), а синхронные им ломоватовская и родановская, а также поломская культуры не связаны с пермско-финским этносом, а представляют тюркоязычное или угро-тюркоязычное население (Халиков, 1991. С. 80–81). Распад общепермской общности на коми и удмуртов он относит ко времени не ранее XV–XVI вв. (Халиков, 1991. С. 81) или X–XIV вв. (Халиков, 1991. С. 88). Надо полагать, что в это время – X–XIV или XV–XVI вв., как считал А.Х. Халиков, население вымской культуры переселилось на юг и заселило Верхнее Прикамье и современную территорию Удмуртии – ареал расселения коми-пермяков и удмуртов в настоящее время. Очевидно, эту гипотезу развивают сейчас А.М. Белавин и его соавторы. Мне уже приходилось выступать с критикой взглядов этих авторов (Голдина, 1999. С. 32–33). Неубедительной представляется концепция, согласно которой неразделившиеся пермяне (вымская культура, по А.Х. Халикову), представленная к настоящему времени 36 памятниками: 34 могильниками, одним поселением и одним святилищем (Археология Республики Коми, 1997. С. 54), могла послужить базой для формирования, кроме коми-зырян, еще двух народов – коми-пермяков и удмуртов. Древности коми-пермяков представлены во второй половине I тыс. н.э. тремя культурами: ломоватовской – около 460 памятников, неволинской – более 270, поломской – около 40, а в первой половине II тыс. н.э. – родановской – около 400 и чепецкой – более 120 объектов. Скорее всего, ванвиздинско-вымская общность представляла собой северную периферию огромного пермского мира, охватывающего Верхнее и Среднее Прикамье, бассейн р. Вятка и Вычегодский край. Кроме того, ванвиздинско-вымское население в силу особенностей географического положения не обладало той мощной экономической базой (развитое земледелие и животноводство, обработка металлов на уровне ремесла, контакты с южными областями, возможность поступления новейших видов вооружения и других престижных ценностей – украшений, бус, драгоценной утвари), которой располагали более южные пермяне. Да и особых причин для переселения на юг не было – огромная, слабозаселенная территория, суровая, но благоприятная для обитания природа, отсутствие иноэтничного давления – все это не позволяет увидеть реальные предпосылки движения северного населения на юг. Как показали исследования Э.А. Савельевой, появление в Вычегодском крае русских во второй половине XII в. не сопровождалось активными межэтническими конфликтами, о чем свидетельствуют биэтничные поселения (По-

жегское городище, Жигановское и Ыджыдъельское поселения и другие) и многочисленные свидетельства взаимодействия местного и пришлого русского населения (Савельева, 1993; 2008. С. 109–111 и др.).

А.М. Белавин и его коллеги называют в качестве хронологического репера X–XI вв., когда ядро угорской общности (ломоватовское и поломское население) сдвинулось к востоку – в Зауралье и Приобье (Белавин и др., 2009. С. 151). Нет оснований для утверждения о движении в X–XI вв. и верхнекамского населения в леса Зауралья. Факты свидетельствуют о том, что в это время в Верхнем Прикамье продолжала успешно развиваться родановская культура. Об этом говорят, в частности, и материалы раскопок А.М. Белавина и Н.Б. Крыласовой Рождественского комплекса памятников в Карагайском районе Пермского края, существовавшего непрерывно с рубежа IX–X вв. до второй половины XIV в. (Белавин, Крыласова, 2008. С. 507–509). Авторы отмечают расцвет этих объектов именно в X–XIII вв. (Белавин, Крыласова, 2008. С. 508–509). Материалы раскопок средневековых памятников на севере Прикамья, в частности, Агафоновского I (Агафоново I, 377 погребений; Голдина, Королева, Макаров, 1980) и Агафоновского II (Агафоново II, 457 могил; Голдина, Ютина, 2012) могильников Гайнского района Пермского края свидетельствуют о преемственности культуры средневекового населения с VI до XII в. Аналогичная картина выявлена при раскопках Аверинского комплекса памятников: городища Шудьякар и Аверинских I (26 могил) и II (440 погребений) могильников (Афанасьевский район Кировской области), принадлежавших зюздинским коми-пермякам (Голдина, Кананин, 1989).

Как известно, основными показателями этнической принадлежности в археологических культурах являются глиняная посуда, погребальный обряд и набор женских украшений.

Накопленные к настоящему времени значительные выборки глиняной посуды по многим средневековым культурам Приуралья позволяют на профессиональном уровне провести их сопоставление. Остается только сожалеть, что даже в одном научном центре анализ керамики проводится по разным методикам. Например, блестяще выполненная характеристика глиняной посуды вымских могильников (Савельева, Васкул, 1986. С. 99–117; Савельева, 1987. С. 64–84) плохо сопоставима с результатами анализа керамики поселений Угдым II (Королев, 1989. С. 5–9), Жигановского (Савельева, 1971. С. 79; Савельева, Кленов, Зеленский, 1993. С. 141–157), Тохты (Мурыгин, Савельева, 2005. С. 10–19, 25–30) и др. Принципы выделения групп, типов, характеристики их признаков различны. Отсутствует статистика по результатам исследования глиняной посуды поселений вымской культуры (Археология Республики Коми, 1997. С. 577).

Однако представительность (123 сосуда из девяти могильников) погребальной посуды вымской культуры делает ее характеристику весьма выразительной. Несмотря на многочисленность типов (более 20) в целом форма сосудов определяется как чашевидная и горшковидная приземистых пропорций (рис. 1), восходящая в своей основе к ананьинской традиции (Савельева, 1987. С. 84), хорошо известная как на памятниках гляденовского, так и ванвиздинского времени (Савельева, 1987. С. 83). Степень орнаментации керамики – 62%, венчиков – 30,3%. В технике орнаментации венчиков превалируют оттиски гребенчатого штампа и насечки. Орнамент по шейке выполнен преимущественно гребенчатым штампом, в меньшей степени – фигурным (кружковым): розеточным, зубчато-кружковым, крестово-кружковым. Локальной особенностью вымской керамики является примесь песка, кварца и слюды (72,8%). Глиняная посуда вымской культуры

близка предшествующей ванвиздинской по форме, узорам, выполненным в технике гребенчатых и кружковых штампов (Савельева, 1987. С. 83; Королев, Савельева, 1988. С. 9–26).

Одной из хорошо изученных средневековых культур Прикамья является родановская. По данным В.А. Оборина, на 1999 г. было известно более 300 поселений – 75 городищ и 240 селищ (Оборин, 1999. С. 260). На 26 городищах исследовано около 10,5 тыс. кв. м площади, на пяти селищах – 3,5 тыс. кв. м (Оборин, 1999. С. 264). Из 70 известных некрополей раскопки проведены на 34. Число изученных погребений превысило 14 тыс. (Оборин, 1999. С. 266).

Исследователи средневековых культур Приуралья единодушны в оценке близости керамики вымской и родановской культур (Оборин, 1970. С. 10–14; 1999. С. 255–298; Савельева, 1987. С. 83–84). Сходство глиняной посуды этих культур проявляется в тождестве форм, степени орнаментированности, технике ее исполнения. На городище Анюшкар (Кыласово) (раскопки В.А. Оборина) в низовьях р. Иньва исследовано 870 сосудов: 263 – в слое X–XI вв. и 607 – в слое XII–XIV вв. Три четверти посуды раннего слоя орнаментированы. Преобладающим элементом декора был гребенчатый штамп (около трети всех украшенных сосудов). Сосуды со шнуровыми отпечатками составляют 12%, с кружковыми и резными линиями – 6%, с ямками – 11%. В позднем слое Анюшкара число орнаментированных сосудов сокращается до половины. Гребенчатый штамп, как и в вымской культуре, использован для украшения половины всех орнаментированных чаш, 15% посуды украшены кружками, встречаются шнур, ямки и резные линии. Тенденция применения орнамента та же, что и в вымской культуре. В.А.Оборин отмечал, что глиняная посуда северных памятников (Петуховское и Корнинское городища) по некоторым параметрам ближе вычегодской: чаще встречается орнамент по венчику (88 и 56%), реже – по шейке и плечикам (12 и 44%); при преобладании гребенчатого многочисленен кружковый штамп, в качестве примесей наряду с толченой раковиной встречаются песок и дресва (Оборин, 1970. С. 12).

Одним из территориально соседствующих с вычегодскими памятниками является Агафоновский II могильник IX–XII вв., где обнаружено 66 глиняных сосудов (рис. 2). Все они лепные, с примесью раковины. Степень орнаментации венчика 72,7%, шейки и плечика – 63,6%. Венчики украшены преимущественно гребенчатым штампом – 62,5%, защипами – 16,7, насечками – 14,6, фигурным штампом – 6,2; шейки и плечики сосудов – гребенчатым штампом – 76,2, оттисками шнура – 33,4, фигурными, в том числе кружковыми штампами – 16,6, ямками – 7,1%. Как по общему облику, так и отдельным признакам глиняная посуда вымской и родановской культур принадлежит к одному историко-культурному кругу и близким этносам – пермянам: коми-зырянам и коми-пермякам.

Другим археологически значимым признаком этнической принадлежности является погребальный обряд. Как и во многих других археологических культурах, у пермян он многообразен. Могильники вымской культуры бескурганные, на поверхности отмечены впадинами. Могильные ямы подпрямоугольные, преимущественно размерами 180–240 х 80–110 см при глубине 30–60 см. Почти все захоронения (90,2%) содержат погребальный инвентарь. Зафиксировано несколько способов захоронения: полная кремация (66,42%), частичная кремация (3,2), ингумация (17,08), способ не определен (13,3%). При полном трупосожжении умершего сжигали вне ямы. Остатки погребального костра и кальцинированные кости вместе с вещами располагались в яме без особого порядка. Существует взаимосвязь между кремацией и погребальной конструкцией типа

одновенечного сруба. При частичной кремации в могилах обнаружены как кальцинированные, так и сырые кости. Вещи, как правило, расположены и в засыпи, и на дне ямы. При ингумации – инвентарь и умершие уложены вытянуто на спине на дне ямы. Ориентировка различна. Выделены захоронения с расчлененными трупами (1,8%). В могилах с трупоположениями остатки костров зафиксированы в засыпи лишь половины погребений. Оба обряда сосуществовали на протяжении всей культуры (Истомина, 1984; Савельева, 1987. С. 7–35; Археология Республики Коми, 1997. С. 581–594).

Погребальный обряд родановской культуры близок вымскому. Наиболее близкий к вымским как территориально, так и хронологически Агафоновский II могильник IX–XII вв. (457 могил) бескурганный, распахан, поэтому впадины не зафиксированы. Могилы располагались 14-ю рядами. Их средние размеры 202 х 84 см при глубине 52 см. Более половины ям имели подпрямоугольную форму и уплощенное дно. Способ погребения определен в 257 случаях (56,26%). Зафиксированы три способа погребения: кремация на стороне (204 могилы – 79,38%), частичное трупосожжение (два захоронения), ингумация (51 – 19,84%). При кремации умерших сжигали вне могилы, затем остатки костра и вещи беспорядочно сбрасывали в яму. При трупоположении умершие уложены вытянуто на спине на дне могилы в одежде с украшениями и инвентарем. При всех способах захоронения в засыпи могил обнаружены остатки костров. Как следует из приведенной характеристики, погребальный обряд Агафоновского II и могильников вымской культуры аналогичен.

Еще большую близость могильникам вымской культуры обнаруживают зюздинские памятники ломоватово-родановского времени (Афанасьевский район Кировской области). Они расположены примерно в 180 км к юго-западу от Агафоновских могильников, в верховьях р.Камы. Здесь исследован целый комплекс памятников VI–XIV вв., среди которых особый интерес представляют Аверинский II могильник VI–XII вв. (440 могил), Аверинский I – XIII–XIV вв. (26 могил), Щукинский VI–IX вв. (82 погребения) и Русиновский VIII–IX вв. (10 захоронений). Как и в Агафоновском II могильнике здесь зафиксировано три способа захоронения: полная кремация (48,6%), частичная кремация (16,2), ингумация (35,2%). Погребения с различными обрядами ни планиграфически, ни конструктивно, ни составом инвентаря не различаются. Характер захоронений при разных обрядах также идентичен (Голдина, Кананин, 1989. С. 26–43). Сочетание обряда трупоположения и трупосожжения, многие детали погребального обряда характерны не только для вымской, но и для зюздинского, гайнского, чердынского и косинского вариантов родановской культуры. Биобрядность более характерна для северных районов Прикамья, для южных районов расселения коми-пермяков в большей степени – трупоположение.

Что касается набора украшений, то особые сопоставления не нужны. Отбросив интернациональные элементы – детали наборных поясов, и взглянув на инвентарь вымской и родановской культур (рис. 3 и 4), станет очевидным их близкое сходство, а иногда и тождество. Такое впечатление, что эти предметы происходят из одного памятника. Невозможно представить, что вымские украшения принадлежат пермянам, а родановские – уграм. Нет оснований полагать, что население Верхнего Прикамья в X–XI вв. покинуло Прикамье. Оно занимало хорошо освоенную, благоприятную для обитания площадь примерно в 140 тыс. кв. км (это чуть больше современной Греции) и составляло несколько тысяч человек. По подсчетам А.М. Белавина и Н.Б. Крыласовой,

только на Рождественском городище проживало около 2 тыс. чел. Население не могло без видимой причины (внешней угрозы, экологической катастрофы) мигрировать на другую территорию.

На рубеже VIII–IX вв. переселившиеся в Среднее Поволжье кочевники-болгары в поисках рабочей силы предприняли серию набегов в Сылвенское поречье, южные районы родановской культуры, в бассейн р. Чепцы. В связи с этим в начале IX в. прекратила свое существование основная часть памятников неволинской культуры. Но набеги болгар коснулись лишь южных границ коми-пермяков.

А.М. Белавин и его соавторы утверждают, что угры Предуралья в X–XI вв. переселились в Западную Сибирь и Зауралье (Белавин и др., 2009. С. 151). В Западной Сибири памятников, подобных приуральским, нет. Раскопки западносибирских памятников, предпринятые в последние десятилетия учеными различных научных центров Сибири (Екатеринбург, Тюмень, Сургут, Салехард, Томск, Омск, Новосибирск и др.), показали, что они связаны с другим, угро-самодийским миром со своеобразной, отличной от пермской, культурой.

В Зауралье единственной близкой по хронологии и территории к родановской является юдинская культура X–XIII вв. Другие культурные типы этого региона – макушинский и заозерский, скорее всего, – локальные варианты юдинской. Культура была выделена в конце 60-х гг. прошлого столетия В.Д.Викторовой (1969 г.). Памятники юдинской культуры располагаются в бассейнах левобережных притоков р. Тобол – рек Тавды и Туры, а также в верховьях р. Исети. Число памятников (43) несопоставимо с более чем 400 ломоватово-родановскими. Большинство юдинских памятников (23) представляют собой небольшие городища площадью от 440 – 3000 кв. м, тогда как ломоватовско-родановские занимают значительные площади – Шудьякар – 8,5 тыс. кв. м, Рождественское – 36, Антоновцы – 40, Карашор – 42 тыс. кв. м. В юдинской культуре известно лишь одно селище, в родановской – около 250. На городищах юдинской культуры располагались четыре – восемь жилищ нескольких типов: наземные срубы площадью до 40 кв. м с глинобитными очагами и хозяйственными ямами, шатровые полуземлянки, каркасные постройки с дощатыми стенами и легкие сооружения типа чума. Все эти типы сохранились у обских угров до XVIII–XIX вв. (Могильников, 1987. С. 169).

Из погребальных памятников юдинской культуры наиболее известен Ликинский могильник. На нем В.Д. Викторовой исследовано 41 захоронение (Викторова, 2008. С. 139–207). Могильник грунтовый, расположен на открытом мысу. К X–XI вв. относятся трупосожжения в виде линз прокаленного песка, размерами 1–6 кв. м, мощностью 3–5 см, с кальцинированными костями и целыми или разломанными вещами. Второй тип могил (13) – остатки кремаций в ямах: кальцинированные кости, вещи располагались скоплениями в концах или центре могилы. 16 захоронений выполнены по способу трупоположения в гробовищах или бересте. Большинство умерших уложены на спине, есть скорченные, возможно, связанные или в полусидячем положении. Предметы костюма расположены так, как носились при жизни. Остальные могильники (их пять) либо разрушены, либо содержат небольшое число могил.

Особый интерес представляют святилища на вершинах плато и останцах. Их скопление (6) зафиксировано в верховьях р. Исети (Викторова, 2008. Рис. 125). Все они представляли собой места металлургического производства и святилища.

Керамика юдинской культуры имеет примесь песка, круглодонная, приземистая, слабопрофилированная, верхняя часть ее орнаментирована оттисками шнура, гребенчатого и гладкого штампов, ямками. Визуальное сходство юдинской и ломоватово-родановской керамики, конечно, есть. Но даже простой осмотр показывает присутствие в юдине преимущественно прямошеечных сосудов, отсутствие посуды с блоковидной горловиной, что характерно для керамики Прикамья, более скудный набор как техники орнамента, так и элементов узоров. Юдинская культура, по мнению В.Д.Викторовой, имела местные истоки: молчановский, тынский, петрогромский и принадлежит предкам манси (Викторова, 1998. С. 607–608).

Маловероятно, что в формировании юдинской культуры участвовали «прикамские угры». Верховья рек Тавды и Лозьвы довольно близко подступают к верховьям Вишеры и Колвы – правобережных притоков р. Камы на северо-востоке, но основной массив родановского населения располагался значительно южнее. Группа святилищ на горах в верховьях р. Исети занимает особое место – в предгорной части, и она оторвана от основной территории юдинской культуры (Викторова, 2008. Рис. 125).

Подводя итоги краткого анализа монографии А.М. Белавина, Н.Б. Крыласовой, В.А. Иванова «Угры Предуралья в древности и средние века», несмотря на мои личные симпатии к перечисленным авторам и многолетнее сотрудничество, вынуждена констатировать следующее:

1. В работе отсутствует важнейший раздел: историография проблемы. Обоснованию коми-пермяцкой принадлежности ломоватовской и родановской культур всю свою жизнь посвятил проф. В.А. Оборин (1957, 1968, 1972, 1977, 1991а, 1991б, 1999; Бадер, Оборин, 1968). Обладая энциклопедическими знаниями, он писал убедительно, аргументированно, используя весь арсенал накопленных знаний по этой проблеме в области археологии, этнографии, антропологии, языкознания, истории. Созданная им концепция этногенеза коми-пермяков является классикой того, как должны решаться подобные задачи. Между тем, работы В.А. Оборина проигнорированы в рассматриваемой монографии. Даже в ответах на справедливую критику, оценивая исследования предшественников, Н.Б. Крыласова упоминает лишь А.В. Збруеву и М.В. Талицкого, в списке литературы к этой статье публикации В.А. Оборина отсутствуют (Крыласова, 2012. С. 174).

2. Авторы игнорируют мнение таких авторитетных лингвистов, как А.К. Матвеев, В.В. Напольский об отсутствии каких-либо оснований о былом сколько-нибудь заметном присутствии угроязычного населения в среднем и северном Предуралье.

3. А.М. Белавин и его коллеги утверждают, что смена в Прикамье угров пермянами произошла в X–XI вв. Археологические материалы свидетельствуют, что никаких резких изменений в материальной культуре населения Прикамья в V–XV вв. нет.

4. Бездоказателен тезис о принадлежности ванвиздинско-вымской культуры пермянам, а ломоватово-родановской – уграм. Обе общности имеют одну ананьинско-гляденовскую основу, близкие материальную и духовную культуры и принадлежат в основном одному этносу – пермянам: перми вычегодской – коми-зырянам и перми Великой – коми-пермякам.

5. Авторы не объясняют причины массовой смены населения Верхнего Прикамья в X–XI вв.

6. В лесах Зауралья нет археологических свидетельств массового притока населения из Прикамья. Единственная культура на этой территории X–XIII вв. – юдинская – представлена 43 памятниками и существенно отличается от родановской.

7. Авторами допущены важнейшие методические просчеты. В статистических таблицах по погребальному обряду не приведены абсолютные цифры, а число процентов, там, где это должно, не равно 100 (табл. 16, 19, 21 и др.). Подобные ошибки не позволяют считать эту базу достоверной и все последующие исчисления: по коэффициентам формально-типологического сходства, тенденциям признака, норме распределения и т.д. не имеют доказательной силы.

8. Небрежно выполнен картографический блок: реки текут в неожиданном для читателя направлении, значки трудно читаемы и часто не соответствуют действительному положению.

9. Карты не подтверждают выдвинутой гипотезы. На рис. 22 (картирование лицевых погребальных покрытий (масок)) из 29 пунктов 16 зафиксированы в Прикамье и Республике Коми, четыре – в бассейне Белой, два – в Среднем Поволжье, а в Приобье – четыре и среди них нет настоящих масок, а лишь кусочки металла. Еще один пример: картирование арочных подвесок (Белавин и др., 2009. Рис. 63–67). Из 94 случаев всех находок арочных подвесок только пять обнаружено в Приобье, тогда как в Прикамье – исторической родине пермских народов – более 60. На рис. 53 зафиксировано 237 пунктов с «угорскими маркерами». Они занимают почти всю Россию от Новосибирска и Салехарда до Приазовья и Приладожья, но почему-то отсутствуют на территории угров – венгров.

10. Небрежно оформлен ссылочный аппарат. В списке литературы и источников, содержащем 509 наименований, 135 к тексту не имеют никакого отношения, однако отсутствует 39 работ, на которые ссылки в тексте обозначены. В 99 случаях авторы, упоминая работы коллег, не ссылаются на их статьи. Только на с. 205–206 нет ссылок на публикации А. Каннисто, А.Ф. Мельничука, Б. Мункачи, В.Н. Топорова, А.П. Смирнова, В.Ю. Лещенко, Н.В. Федоровой.

11. Плохо выполнен иллюстративный материал. Рисунки часто «слепые», нечеткие, форма предметов искажена иногда до неузнаваемости.

В целом, концепция авторов монографии «Угры Предуралья в древности и средние века», несмотря на собранный в ней огромный богатейший фактический материал, должным образом не аргументирована и не выдерживает никакой критики.

Литература

Археология Республики Коми. М.: Изд-во «ДиК», 1997.

Бадер О.Н., Оборин В.А. На заре истории Прикамья. Пермь, 1958.

Белавин А.М., Иванов В.А. К пониманию существования угорской проблемы в Прикамье и в Предуралье // Вестник Пермского университета. Серия «История». Вып. 1(15). Пермь, 2011.

Белавин А.М., Иванов В.А., Крыласова Н.Б. Угры Предуралья в древности и средние века. Уфа, 2009.

Белавин А.М., Крыласова Н.Б. Древняя Афкула: археологический комплекс у с. Рождественск. Пермь, 2008.

Викторова В.Д. Население эпохи железа лесной полосы Среднего Зауралья: Автореф. дис. … канд. ист. наук. Свердловск, 1969.

Викторова В.Д. Юдинское городище, юдинская культура // Уральская историческая энциклопедия. Екатеринбург, 1998.

Викторова В.Д. Древние угры в лесах Урала. Екатеринбург, 2008.

Голдина Р.Д. Древняя и средневековая история удмуртского народа. Ижевск, 1999. 464 с.

Голдина Р.Д., Кананин В.А. Средневековые памятники верховьев Камы. Свердловск, 1989. 216 с.

Голдина Р.Д., Королева О.П., Макаров Л.Д. Агафоновский I могильник – памятник ломоватовской культуры на севере Пермской области // Памятники эпохи средневековья в Верхнем Прикамье. Ижевск, 1989.

Голдина Р.Д., Ютина Т.К. Хронология погребальных комплексов Агафоновского II могильника (IX–XII вв.) // Древности Прикамья эпохи железа (VI в. до н.э. – XV в.): хронологическая атрибуция. Ижевск, 2012.

Истомина Т.В. Погребальный обряд перми вычегодской: Автореф. дис. … канд. ист. наук. Л., 1984.

Коренюк С.Н., Мельничук А.Ф. Спорные вопросы изучения этнокультурных процессов на территории Пермского Приуралья в эпоху поздней бронзы // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. Пермь, 2001. Вып. VII.

Коренюк С.Н., Мельничук А.Ф., Перескоков М.Л. Дискуссионные вопросы изучения этнокультурной истории Пермского Приуралья начала раннего железного века // Всероссийская конференция «VI Халиковские чтения. Археологические памятники Поволжья и Урала: современные исследования и проблемы сохранения и музеефикации». Пермь, 2011.

Коренюк С.Н., Мельничук А.Ф., Перескоков М.Л. Этнокультурные процессы в Пермском Приуралье в период среднего и позднего ананьино. Международная конференция «Ананьинский мир: истоки, развитие, связи, исторические судьбы». Казань, 2012.

Королев К.С. Раннесредневековое поселение Угдым II. Сыктывкар, 1989.

Королев К.С., Савельева Э.А. Генезис средневековых культур бассейна Вычегды. Сыктывкар, 1988. 27 с.

Крыласова Н.Б. Об «угорской эпохе в Прикамье» говорить нужно // Вестник Удмуртского университета. Ижевск, 2012. Вып. 1.

Мажитов Н.А. Заблуждение или фальсификация? // Проблемы востоковедения. 2011. Вып. 2(52).

Мельничук А.Ф., Чагин Г.Н. Современное состояние «угорской» концепции в свете письменных и ономастических источников Пермского края // Вестник Пермского университета. 2010. Вып. 2(14).

Мельничук А.Ф., Чагин Г.Н. Взгляды на интерпретацию источников по этнокультурной истории Среднего Приуралья в эпоху позднего средневековья // Стратегия экономического, политического и социокультурного развития в регионах в условиях глобализации. Березники, 2012.

Могильников В.А. Угры и самодийцы Урала и Западной Сибири // Финно-угры и балты в эпоху средневековья. Археология СССР. М., 1987.

Мурыгин А.М., Савельева Э.А. Поселение Тохта эпохи раннего средневековья в бассейне нижней Вычегды. Сыктывкар, 2005.

Оборин В.А. Коми-пермяки в IX–XV вв.: родановская культура: Автореф. дис. … канд. ист. наук. М., 1957.

Оборин В.А. Русская топонимия писцовых книг Прикамья XVI–XVII вв. // Географические названия Прикамья. Пермь, 1968.

Оборин В.А. Этнические особенности средневековых памятников Верхнего Прикамья // ВАУ. Свердловск, 1970. Вып. 9.

Оборин В.А. Некоторые вопросы этногенеза коми-пермяков // Вопросы марксистско-ленинской теории нации и национальных отношений. Пермь, 1972.

Оборин В.А. К вопросу об этническом составе русских поселений Верхнего Прикамья в XVI–XVII вв. // Проблемы археологии Евразии и Северной Америки. М., 1977.

Оборин В.А. К этнической интерпретации средневековых культур Урала // ВАУ. Екатеринбург, 1991а. Вып. 20.

Оборин В.А. Формирование этнической территории древних коми-пермяков // Исследования по средневековой археологии лесной полосы Восточной Европы. Ижевск, 1991б.

Оборин В.А. Коми-пермяки // Финно-угры Поволжья и Приуралья в средние века. Ижевск, 1999.

Пастушенко И.Ю. Угорская эпоха Прикамья – вымысел или реальность? // Форум «Идель-Алтай». Казань, 2009.

Пастушенко И.Ю. Возможно ли говорить об угорской эпохе в Прикамье? // Вестник Удмуртского университета. Ижевск, 2011. Вып.1.

Савельева Э.А. Пермь вычегодская. М.: Наука, 1971.

Савельева Э.А. Этническая принадлежность ванвиздинской культуры // Вопросы финно-угроведения. М., 1979. Ч. II.

Савельева Э.А. Актуальные проблемы этногенеза коми-зырян // Проблемы этногенетических исследований Европейского Северо-Востока. Сыктывкар, 1982.

Савельева Э.А. Этногенез коми-зырян (по данным археологии) // Проблемы этногенеза народа коми. Сыктывкар, 1985а. (Труды ИЯЛИ. Вып. 36).

Савельева Э.А. Этногенез коми-зырян. Сыктывкар, 1985б. (Научные доклады / АН СССР, Коми фил. Вып. 130).

Савельева Э.А. Вымские могильники XI–XIV вв. Л.: Изд-во ЛГУ, 1987.

Савельева Э.А. Начальный этап древнерусской колонизации Европейского Северо-Востока // Взаимодействие культур Северного Приуралья в древности и средневековье. Сыктывкар, 1993. (МАЕСВ. Вып.12).

Савельева Э.А. Европейский Северо-Восток в эпоху средневековья: Научный доклад на соиск. уч. ст. д-ра ист. наук. М., 1995а.

Савельева Э.А. Этнокультурная история Европейского Северо-Востока в эпоху средневековья. Сыктывкар, 1995б. (Научные доклады / Коми НЦ УрО РАН. Вып. 358).

Савельева Э.А. Истоки народа коми // Этнодемографические процессы на Севере Евразии. Сб. научных трудов. М.; Сыктывкар, 2005. Вып. 3. Ч. 2.

Савельева Э.А. Население бассейна Вычегды в эпоху средневековья (XI–XIV вв.) // Археологическая экспедиция: новейшие достижения в изучении историко-культурного наследия Евразии. Ижевск, 2008.

Савельева Э.А., Васкул Л.М. Керамика вымских могильников // Финно-угры и славяне. (Проблемы историко-культурных контактов): межвуз. сб. науч. тр. Сыктывкар, 1986. С. 99–117.

Савельева Э.А., Кленов М.В., Зеленский В.С. Жигановское поселение // Взаимодействие культур Северного Приуралья в древности и средневековье. Сыктывкар, 1993. (МАЕСВ. Вып. 12).

Халиков А.Х. Проблемы этногенеза пермских финнов. Доклад на VI Международном конгрессе финно-угроведов. Сыктывкар, 1985.

Халиков А.Х. Основы этногенеза народов Среднего Поволжья и Приуралья. Казань, 1991.

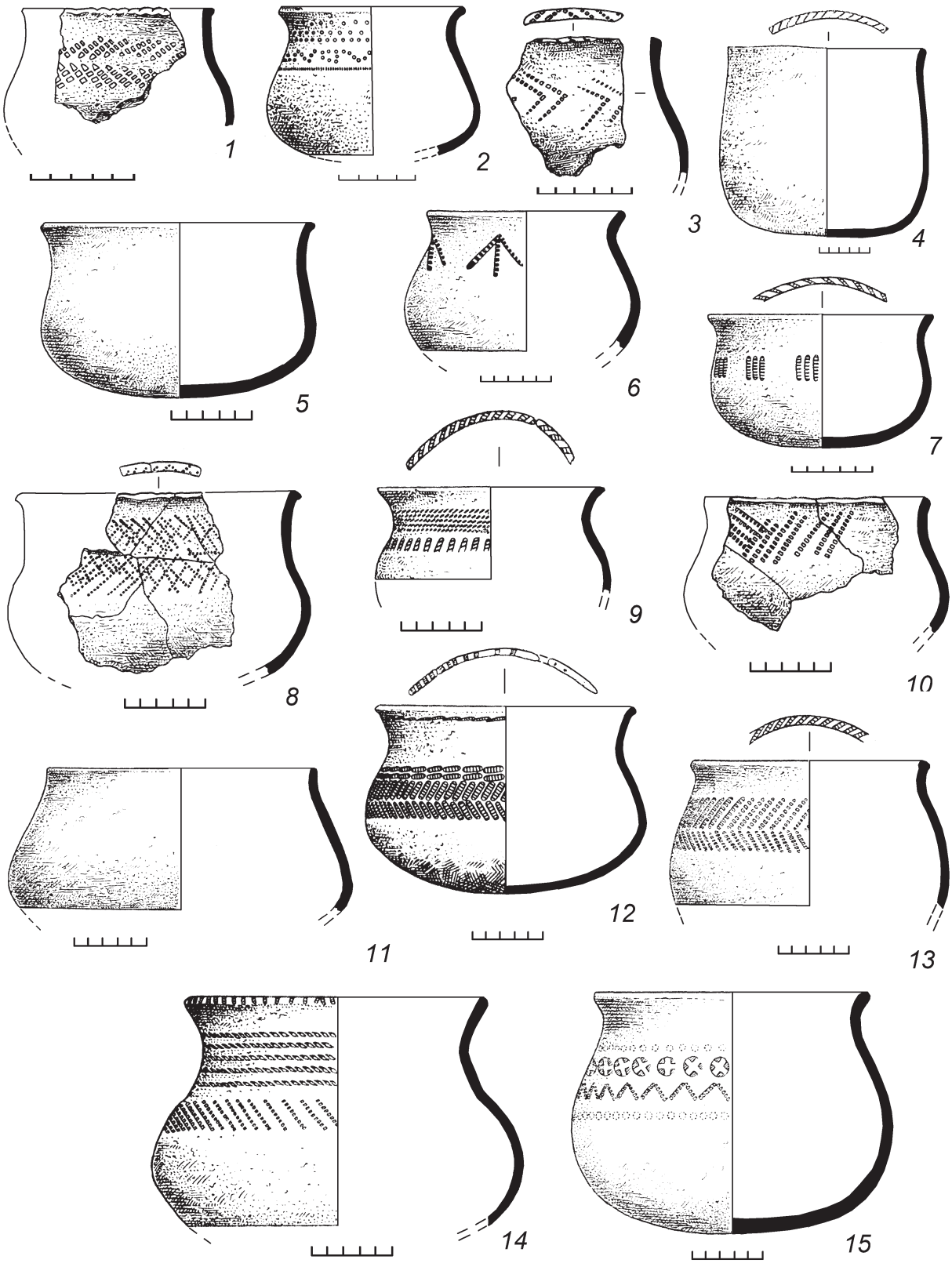


Рис. 1. Кичилькосьский I могильник (X–XI вв.). Глиняная посуда (по Э.А.Савельевой, 1971).

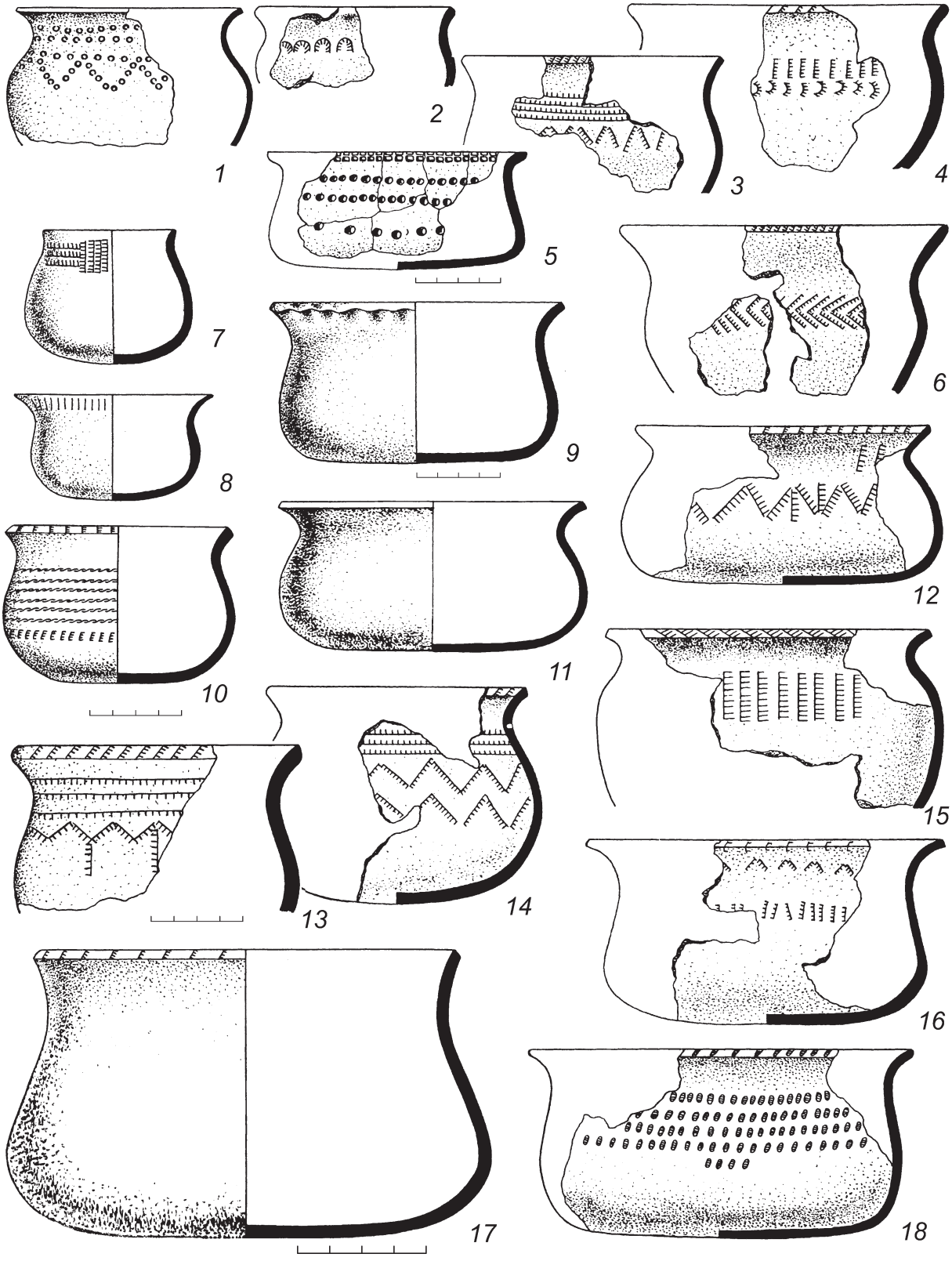


Рис. 2. Агафоновский II могильник (IX–XII вв.). Глиняная посуда.

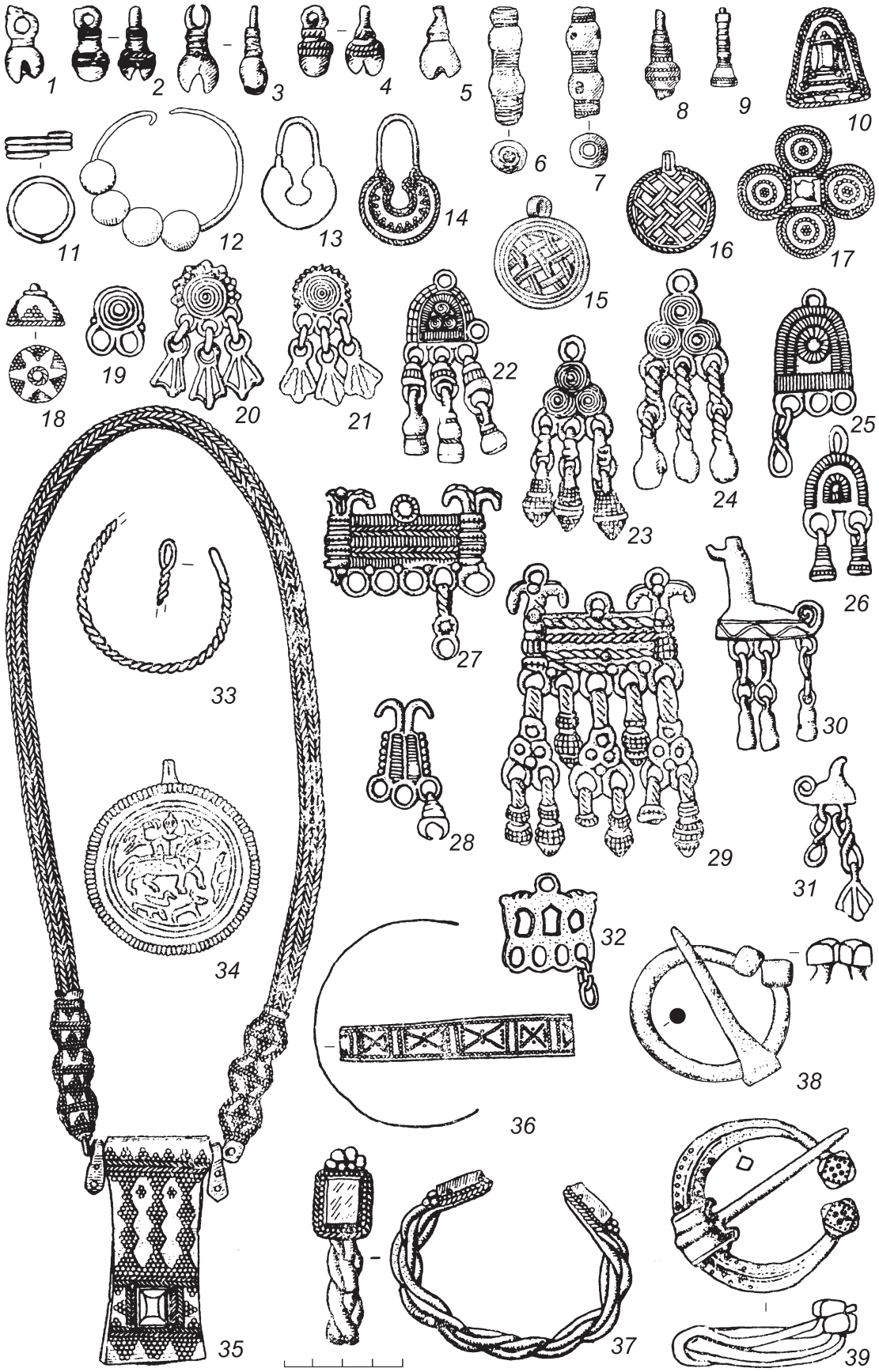


Рис. 3. Украшения вымской культуры (по Э.А. Савельевой, 1971, 1987).

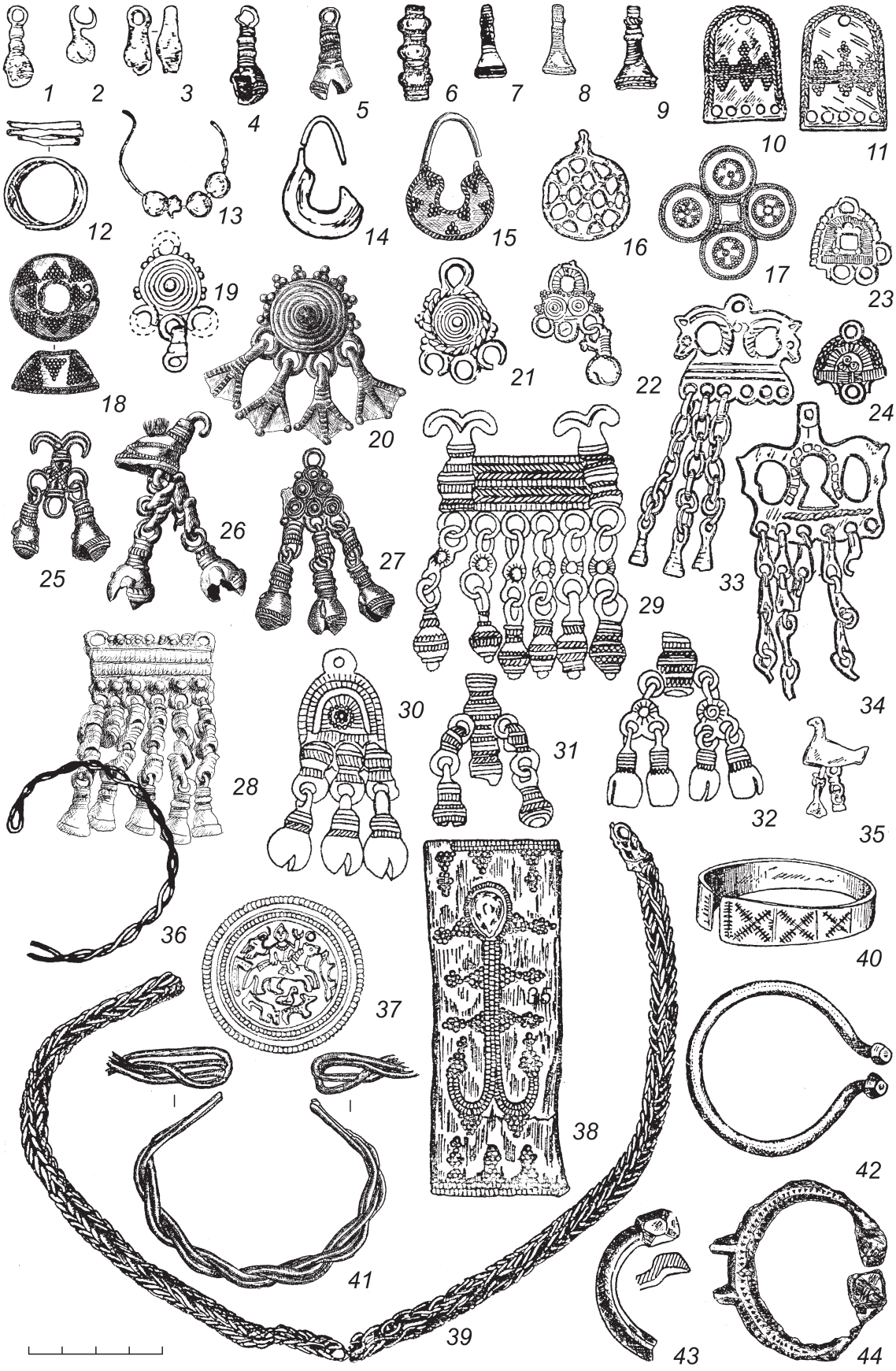


Рис. 4. Украшения родановской культуры (по В.А. Оборину, 1999, Р.Д. Голдиной).

Вып. 18 2013

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ПАМЯТНИКИ БАССЕЙНА РЕКИ ЧЕПЦЫ: ОСНОВНЫЕ ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЙ*

М.Г. Иванова

Памятники бассейна р. Чепцы, которые после работ А.П. Смирнова вошли в археологическую литературу как эталонные памятники удмуртского средневековья, стали объектом моих исследований на многие годы. За прошедший период знания о чепецких памятниках многократно возросли, результаты новейших научных разработок дали принципиально новые данные для более глубокого понимания фундаментальных проблем истории и культуры финно-угорского Средневековья. В настоящей статье я нашла возможным кратко обозначить основные, наиболее значимые результаты многолетних исследований.

Бассейн р. Чепцы является одним из наиболее выразительных регионов финно-угорского средневековья с плотной концентрацией разнообразных памятников, который привлек к себе внимание исследователей в конце XIX в. (Спицын, 1889; Первухин, 1896). Материалы раскопок ряда городищ и могильников, проведенные А.П. Смирновым и С.Г. Матвеевым в 1924–1930-е гг., послужили основой для первых обстоятельных историко-культурных реконструкций (Смирнов, 1952). Работы Удмуртской археологической экспедиции, созданной в 1954 г. под руководством В.Ф. Генинга, значительно расширили круг ранее известных источников (Генинг, 1958). С 1969 г. этот регион стал основным объектом изучения археологов Удмуртского института истории, языка и литературы УрО РАН, развернувших планомерные экспедиционные работы на памятниках широкими площадями.

В настоящее время здесь известно свыше 300 археологических памятников, основную часть которых исследователи объединяют в две хронологически последовательные и генетически связанные культуры: поломскую конца V – начала IX в. и чепецкую конца IX – начала XIII в. (Иванов, Иванова, Шутова, Останина, 2004). В последние десятилетия большое внимание уделялось изучению укрепленных поселений, материалы которых открыли возможности новых подходов к интерпретации исторических явлений средневековья. Из известных чепецких городищ 18 отнесены к поломской культуре V–IX вв., остальные (13) – к чепецкой IX–XIII вв. (Иванов, Иванова, Шутова, Останина, 2004). Ранняя группа укрепленных поселений размещена в основном в верховьях Чепцы, ее притоков и преимущественно на труднодоступных мысах. Городища, возведенные в конце I тысячелетия, существенно отличаются. Они расположены по берегам Чепцы и ее

* Исследования поддержаны Программой интеграционных и междисциплинарных проектов фундаментальных исследований УрО РАН на 2012–2014 гг.

притоков на мысах между рекой и ручьем, рекой и оврагом или между оврагами вблизи ручья. Топографические особенности мысов предопределили весьма однообразную систему укреплений, состоявших из одной-двух линий валов и рвов, защищавших площадку с напольной стороны.

В большей степени они различаются по площади и мощности культурного слоя. Например, городища *Весьякар* и Маловенижский *Поркар*, Сепычкар Малый, имеющие сравнительно небольшую площадь (до 7000 кв. м), расположены на высоких мысах, укреплены одним валом и рвом и содержат культурный слой мощностью около 100 см. На близких к ним по топографии городищах *Узякар* и *Эбгакар, Чибинькар* – слой невыразителен. Безусловно, выделяются крупные памятники площадью 20–40 тыс. кв. м с мощной системой укреплений из двух-трех линий валов и рвов и наличием слоя между оборонительными линиями: Гурьякар, Иднакар, Учкакар. Соответственно, эти городища отличаются и по структуре, поскольку линии обороны разграничивают площадку поселения.

Наибольшую значимость имеют материалы городища Иднакар IX–XIII вв., на котором за 35 лет исследований выявлен характер слоя и сооружений на всех структурных частях поселения, установлены принцип планировки и особенности возведения укреплений, изучены десятки жилых, производственных и хозяйственных сооружений, раскрыты многие аспекты материальной и духовной культуры (Иванова, 1998). Но археологическому сообществу этот памятник интересен последовательным использованием естественно-научных методов и информационных технологий, во внедрении которых большую роль сыграло сотрудничество археологов Удмуртского ИИЯЛ УрО РАН со специалистами Физико-технического института УрО РАН. В результате многолетней плодотворной деятельности сформирован комплекс методов реконструкции поселенческих памятников, охватывающий все этапы изысканий, начиная от совершенствования методики раскопок, полевой фиксации, использования естественно-научных методов, геофизики, разработки баз данных, заканчивая компьютерным моделированием (Журбин, 2004; Иванова, Журбин, 2006; 2012). Использование новых методов расширило возможности детального изучения, интерпретации объектов и реконструкции городища на всех этапах развития с проработкой хронологических рамок структурных частей и периодов, представить обоснованную динамику его развития на широком фоне градообразовательных процессов лесной зоны Восточной Европы (Иванова, Степанова, 2012).

С целью углубления исследований хозяйственно-экономической структуры средневекового общества уделено внимание изучению округи городища, где было известно четыре селища, функционировавших в VIII–XIII вв., могильники Чемшай VIII–XIII вв. и Бигершай XIII–XIV вв., в пределах пятикилометровой зоны Иднакара зафиксировано несколько местонахождений предметов и кладов (Иванов, 1995). Солдырский могильник Чемшай, который неоднократно изучался на протяжении XIX–XX вв., один из крупнейших могильников Прикамья, функционировавший на протяжении пяти столетий. Его, к сожалению, не удалось сохранить и исследовать в полной мере. Но он был заложен, по всей вероятности, еще до начала заселения Иднакара, возможно, обитателями Солдырского городища Сабанчикар, и функционировал до XIII в. (Иванова, 1987).

Солдырский II могильник Бигершай XIII–XIV вв. в 1988–1989 гг. изучен А.Г. Ивановым. На площади 153 кв. м вскрыто семь захоронений, располагавшихся двумя нечеткими рядами. Все

погребения нарушены. Вещевой материал небольшой: глиняные лепные сосуды, железные пряжки, нож, кресало, бусы, обломок браслета (Иванов, 1995).

На склоне внешней площадки городища в 1989–1990 гг. изучено 11 безинвентарных могил взрослых и детей, аналогичных вскрытым на удмуртских кладбищах XVIII–XIX вв. (Иванова, 1995. С. 10–11. Рис. 7). В 200 м к северо-востоку от внешнего вала городища открыт новый погребальный памятник, на котором в 2001–2002 гг. на площади около 500 кв. м изучено 92 захоронения XI–XII вв. Принадлежность нового могильника к кругу памятников чепецкой культуры сомнений не вызывает. Он, безусловно, оставлен населением городища Иднакар, функционировавшего в IX–XIII вв., т.е. определенного более узкого периода (Иванова, 2002).

Плотная заселенность округи Иднакара на протяжении всего периода его функционирования, безусловно, является дополнительным аргументом в обосновании его значения в качестве военно-оборонительного, аграрно-ремесленного и торгового, культурного, общественно-административного центра консолидирующейся этносоциальной общности. Хотя неудовлетворительная сохранность памятников затрудняет полноценные исследовательские процедуры, в перспективе необходим детальный анализ характера связей городища с материалами окружающих его памятников, углубленное изучение особенностей микрорегиона, раскрытие этапов освоения территории, отдельных аспектов расселения, демографии. Безусловно, для более полной реконструкции процесса формирования данного комплекса требуются дальнейшие работы по изучению известных памятников, а также поиску новых.

Значимость материалов округи усиливается тем, что комплексы памятников начала II тысячелетия на Чепце и в Прикамье малоизвестны. Как правило, возле городищ могильник или отсутствует, или разрушен, а возле крупных могильников не обнаружены поселения, хотя материалы известных селищ и погребальных памятников чепецкого бассейна не только сопоставимы, но и во многом схожи, а формы основных орудий труда, предметов вооружения и быта, многих украшений и даже предметов импорта совершенно идентичны.

В целом, развитие Иднакара в течение четырех столетий с многократным расширением территории, усилением фортификационных возможностей свидетельствует об интенсивном развитии производительных сил и демографическом росте населения, укреплении внутреннего потенциала общества. Углубленное изучение ряда категорий источников методами естественных наук убедительно показывает наличие мощных внутренних ресурсов для поступательного развития железообработки (Завьялов, 2005), обработки цветных металлов со многими технологическими операциями, высокоразвитого косторезного ремесла. Есть основания полагать, что Иднакар, расположенный в центре чепецких земель, с самого начала был основан как центр этносоциального образования, при возведении которого максимально учтены топографические особенности мыса, позволявшие контролировать окружающую территорию и расширять его площадку.

В целях апробации основных положений разработанной методики и получения новых знаний о планировке еще одного близкого по структуре поселения в 2011–2012 гг. проведены специальные исследования на Кушманском городище Учкакар. Основная задача заключалась во внедрении современных методик, ориентированных на более тщательную фиксацию материала с целью получения максимума информации при раскопках минимальных площадей. За два полевых сезона с применением комплексной методики геофизических работ выявлены мощность и структура культурного

слоя городища, полностью изучена вся площадка городища с локализацией объектов планировки (сооружения, ямы, очаги) и двух линий оборонительных сооружений (Иванова, Журбин, 2012. С. 125–127. Рис. 6).

На внутренней площадке с мощным культурным слоем до 1,5 м, ограниченной выявленным рвом и внутренней линией укреплений, на площади 6900 кв. м определено не менее 16 сооружений подпрямоугольной формы, расположенных в четыре ряда и ориентированных параллельно внутреннему валу (Иванова, Журбин, 2012. С. 128. Рис. 7).

Последующие раскопки одного из них с использованием методов выборки слоя, фиксации и обработки артефактов, разработанных и используемых при раскопках городища Иднакар, подтвердили прогноз – в центре раскопа была обнаружена глинобитная конструкция со следами долговременного воздействия огня. Вокруг фиксировались очаги, сложенные из песчаника, заполненные золой, крупные скопления костей животных. Предварительно выделено четыре уровня залегания сооружений. Большей выразительностью отличается комплекс второго и третьего уровней с мощной площадкой прокаленной глины, прослойками гумуса и золистыми включениями, свидетельствующими о неоднократных подновлениях. По элементам интерьера и составу находок комплексы можно отнести к жилым. В целом по составу, характеру залегания и вскрытым объектам культурный слой аналогичен другим укрепленным поселениям бассейна р. Чепцы X–XIII вв. – Иднакару, Гурьякару и Весьякару. Выразительный комплекс лепной керамики с раковинной примесью характерных чашевидных форм и набор изделий из кости, безусловно, подтверждает принадлежность городища к чепецкой культуре. В нижних горизонтах абсолютно преобладают находки, датируемые X–XI вв., а в верхних горизонтах – XI–XIII вв. Таким образом, полученные материалы в целом укладываются в хронологические рамки чепецкой культуры (Иванова, Кириллов, 2012).

Комплексные электрометрические исследования внешней части площадью более 9 тыс. кв. м поселения показали, что культурный слой разрушен многолетней распашкой и эрозией, выявлены только заглубленные объекты – не менее 40 ям округлой формы (прослеживается пять нечетких рядов). Проведенные на Учкакаре изыскания подтвердили исключительную важность новых источников для сравнительного анализа особенностей формирования планировочной структуры средневековых поселений Прикамья. Следует отметить, что междисциплинарный характер исследований расширен использованием методов археоботаники, археозоологии, палинологии и палеопочвоведения.

Полученные в последние десятилетия качественно новые источники позволили внести существенные коррективы в прежние хронологические определения. Наряду с изучением Иднакарского комплекса исключительно важное значение имеют результаты раскопок ряда погребальных памятников, и особенно – полностью вскрытого Кузьминского могильника. Детальный анализ его материалов позволил уточнить хронологические рамки ранее известных могильников. 32 погребальных памятника IX–XIII вв. подразделяются на две хронологические группы. Ранняя включает могильники Солдырский Чемшай, Адамовский Бигершай, основную часть Весьякарского Бигершая, Омутницкий, Подборновский, часть Варнинского могильника. Эти памятники, содержащие орнаментированную керамику, вещевой инвентарь IX–XI вв., непосредственно восходящий к поломским традициям, сосредоточены в среднем правобережье Чепцы. Другую

группу составляют могильники с неорнаментированной керамикой и инвентарем XI–XIII вв., расположенные как в центральных районах бассейна Чепцы, так и на окраинах в значительном отдалении от городищ: Кузьминский (273 захоронения), Маловенижский (89), Чиргинский (46) и др. Качкашурский, Солдырский и Весьякарский могильники содержат материалы раннего и позднего периодов, объединяя обе группы в одну (Иванова, 1992).

Материалы погребальных памятников нашли подтверждение в эволюции городища Иднакар, в функционировании которого первоначально были выделены два основных периода: IX–XI и XI–XIII вв. (Иванова, 1998. С. 62–65, 69–70, 78–80. Рис. 27). Использование новых методов позволило в последнее время выполнить более детальный анализ содержания культурных напластований и выделить пять уровней планировки, соответствующих стратиграфическим периодам функционирования средней части городища. В наиболее раннем уровне планировки хронологически показательные вещи не обнаружены. Второй уровень планировки функционировал в X в., хотя не исключено начало освоения площадки и в конце IX в., следующий уровень – в X–XI вв., третий – в пределах XI–XII, самый поздний – XII–XIII вв., т. е. достаточно определенно выстраивается последовательность развития с X по XIII в., но границы размыты. С известной осторожностью можно предположить, что уровни планировки функционировали примерно на протяжении столетия. В целом, проведенные работы подтверждают определенные ранее хронологические рамки городища Иднакар и окружающих памятников в пределах конца IX–XIII вв. (Иванова, 2009; Иванова, Степанова, 2012).

Богатейшие материалы, полученные в результате масштабных раскопок погребальных памятников и укрепленных поселений, в наибольшей степени отражают заключительные этапы формирования удмуртского народа (История Удмуртии, 2007. С. 248–288). Результаты систематизации и анализа материалов памятников бассейна р. Чепцы конца I – начала II тыс. н.э. свидетельствуют о формировании здесь довольно устойчивого этносоциального образования северных удмуртов, в развитии которого прослеживается три основных этапа.

В период раннего средневековья (поломская культура V–IX вв.) были заселены верховья реки, преимущественно правобережье, родственными группами населения с Верхней Камы и Вятки – потомками создателей пьяноборской и гляденовской культур, сложившихся на ананьинской основе.

В конце IX – первой половине XI в. осваивается среднее течение бассейна р. Чепцы, здесь возводятся новые крупные городища Иднакар, Гурьякар, Учкакар, Дондыкар и др. В материалах четко прослеживаются традиции поломского времени. Высокая концентрация памятников на этой сравнительно небольшой территории свидетельствует о том, что в силу глубоких социально-экономических процессов и, очевидно, благодаря удобным ландшафтно-географическим условиям, средняя Чепца выделилась в более или менее замкнутый, демографически насыщенный регион с интенсивной экономической жизнью. Уже в этот период в качестве центра выдвинулось самое крупное поселение Иднакар, расположенное в центре чепецких земель, связанное удобными водными путями по рекам Чепце, Вятке, Каме, Волге с южными и северо-западными землями, через правые притоки – с Верхней Камой и Севером, через левые – с южно-удмуртскими группами.

Основное содержание третьего периода XI–XIII вв. составляют: активное освоение верховьев правых и левых притоков Чепцы в результате дальнейшего развития экономики и возрас-

тания общего количества населения; расширение территории основных центров; стабилизация характерных черт культуры населения, ее дальнейшая этническая дифференциация. В глубинных районах этнической территории городища уже не возводились, основывались открытые селища.

В этот период чепецкое население вступало в разнообразные взаимодействия с различными народами, но они не меняли общего пермского характера культуры. Именно в этот период в начале II тысячелетия н. э. формируются основные этнические черты в материальной и духовной культуре, происходят изменения в экономике, выразившиеся в росте удельного веса пашенного земледелия в комплексном хозяйстве, развитии металлургии, кузнечного и ювелирного ремесел, домашних производств. И в то же время она, несомненно, близка к кругу синхронных памятников пермоязычных коми народов, оставивших родановскую и вымскую культуры.

Наиболее значимым итогом планомерной и успешной деятельности археологов научных центров Удмуртии стало издание фундаментального труда «История Удмуртии с древнейших времен до XV в.» (Ижевск, 2007), в котором на основе археологических материалов, а также данных фольклористики, лингвистики, антропологии и этнографии последовательно проанализированы этапы древней и средневековой истории Удмуртии. Освещение эпохи средневековья в большей степени основано на результатах комплексного изучения памятников бассейна р. Чепцы.

В последние десятилетия внимание исследователей привлекают полученные при раскопках поселений и погребальных памятников великолепные коллекции изделий из цветных металлов, кости и рога с зоо-, орнито-, антропоморфными изображениями, заключающими в себе сложный комплекс исторически сложившихся архаических воззрений, глубинные пласты финно-угорской мифологии.

Эти материалы послужили источником зарождения новых тенденций и направлений в культурном процессе современности. В драматургических, поэтических, прозаических произведениях писателей и поэтов, в живописи и графических работах художников стали отражаться темы богатырского периода удмуртского народа, фольклорные и мифологические мотивы (Жилин, Иванова, Куликов, 2008). Особенно яркие примеры использования археологических материалов обнаруживаются в декоративно-прикладном искусстве. Народные мастера создают высокохудожественные изделия с использованием символики, образов, сюжетов древнего искусства, которые органично вписываются в сегодняшний день (Куликов, 2005).

Особенно важным результатом является создание Историко-культурного музея-заповедника «Иднакар», в экспозиции которого представлены богатейшие коллекции, полученные при раскопках городища, и информация о многолетних междисциплинарных исследованиях, открывших возможность приобщения к истокам нашей культуры значительному кругу людей, интересующихся прошлым. В условиях усилившейся угрозы уничтожения памятников особую актуальность приобретает продолжение работы по разработке методов компьютерного моделирования, ориентированных на исследование процесса формирования и развития археологических памятников и особенно – построения пространственной модели культурного слоя поселений лесной зоны как способа сохранения объекта культурного наследия, а также формирования многофункционального археологического источника для реконструкции различных сторон жизни общества. Требуются дальнейшие исследования на окружающих городище памятниках.

Еще далеко от завершения изучение богатейшей коллекции, собранной за десятки лет работы экспедиций. Настало время детальной проработки отдельных категорий источников в контексте финно-угорских, булгарских и славянских древностей Восточной Европы. Реализация этих задач существенно обогатит корпус источников и возможность использовать его в дальнейших исследованиях, системных историко-культурных реконструкциях в регионе.

Литература

Генинг В.Ф. Археологические памятники Удмуртии. Ижевск, 1958. 92 с.

Жилин С., Иванова М., Куликов К. Земля Идны. Ижевск: Изд-во «Регион-Пресс», 2008. 120 с.

Журбин И.В. Геофизика в археологии: методы, технология и результаты применения. Ижевск, 2004.

Завьялов В.И. История кузнечного ремесла пермян: археометаллографическое исследование. Ижевск, 2005.

Иванов А.Г. Средневековые памятники окрестностей Иднакара // Материалы исследований городища Иднакар IX–XIII вв. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1995. С. 106–130.

Иванов А.Г., Иванова М.Г., Шутова Н.И., Останина Т.И. Археологическая карта северных районов Удмуртии. Ижевск, 2004.

Иванова М.Г. Солдырский III могильник (Иднакарский): предварительные итоги исследований 2000–2001 г. // Проблемы древней и средневековой истории Среднего Поволжья. Казань, 2002. С. 156–161.

Иванова М.Г., Куликов К.И. Древнее искусство Удмуртии: Альбом. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2000. 216 с.

Иванова М.Г. Городище Иднакар IX–XIII вв.: Материалы исследований территории между валами (1989–1992 гг.) // Материалы исследований городища Иднакар IX–XIII вв. Ижевск, 1995. С. 4–55.

Иванова М.Г. Иднакар: Древнеудмуртское городище IX–XIII вв. Ижевск, 1998.

Иванова М.Г. Исследования городища Иднакар: от традиционных методов к компьютерным технологиям // Археология и компьютерные технологии: представление и анализ археологических материалов. Ижевск, 2005. С. 8–12.

Иванова М.Г. Новые исследования на Солдырском могильнике Чемшай // Погребальные памятники Прикамья. Ижевск, 1987. С. 4–24.

Иванова М.Г. Погребальные памятники северных удмуртов XI–XIII вв. Ижевск, 1992. 184 с.

Иванова М.Г. Средневековые городища Прикамья в контексте процессов градообразования // Материалы и исследования по средневековой археологии Восточной Европы. Казань: РИЦ «Школа», 2009. С. 119–125.

Иванова М.Г., Журбин И.В. Междисциплинарные исследования археологических памятников Камско-Вятского региона: некоторые итоги и задачи // Известия Коми научного центра УрО РАН. 2012. № 2(10). С. 120–130.

Иванова М.Г., Журбин И.В. Опыт междисциплинарных исследований древнеудмуртского городища Иднакар IX–XIII вв. // Археология, этнография и антропология Евразии. 2006. № 2 (26). С. 68–79.

Иванова М.Г., Кириллов А.Н. Предварительные итоги изучения Кушманского комплекса памятников в бассейне р. Чепцы // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. Пермь: ПГГПУ, 2012. Вып. VIII: Археологические памятники Поволжья и Урала: современные исследования, проблемы сохранения и музеефикации. С. 313–319.

Иванова М.Г., Степанова Г.А. Уровни планировки средней части городища Иднакар // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. Выпуск VIII: Археологические памятники Поволжья и Урала: современные исследования, проблемы сохранения и музеефикации. Пермь: ПГГПУ, 2012. С. 327–335.

История Удмуртии с древнейших времен до XV в. / Под ред. М.Г. Ивановой; предисл. М.Г. Ивановой; введ. Р.Д. Голдиной; Удмуртский ин-т истории, языка и литературы УрО РАН. Ижевск, 2007. 304 с.

Куликов К.И. Возрожденная древность. Народное декоративно-прикладное искусство Удмуртии: Альбом. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2005. 200 с.

Смирнов А.П. Очерки древней и средневековой истории народов Поволжья и Прикамья. М., 1952. 276 с. (МИА. № 28).

Вып. 18 2013

ИННОВАЦИИ В КУЗНЕЧНОМ РЕМЕСЛЕ ПЕРМИ ВЫЧЕГОДСКОЙ: К ПРОБЛЕМЕ ТРЕХСЛОЙНОГО ПАКЕТА

В.И. Завьялов

Археометаллографическое изучение кузнечной продукции из памятников перми вычегодской (вымская археологическая культура), начатое по инициативе Э.А. Савельевой, имеет многолетнюю историю. Ею проделана большая работа по классификации изделий из железа (всего насчитывается более тысячи артефактов из черного металла), разработана их хронология, выявлены как общие для финно-угорских территорий и севера Восточной Европы типы орудий труда и предметов быта, так и специфические местные, обусловленные ведущей ролью промысловой охоты в экономике местного населения (Савельева, 1987). Первые результаты изучения технологии кузнечного производства из памятников Европейского Северо-Востока были опубликованы в 1990-е гг. Аналитические материалы позволили выделить наиболее распространенные технологические схемы, определить уровень профессионального мастерства местных кузнецов (Завьялов, 1992; 1998; Зыков, 1992; Терехова и др., 1997). Дальнейшие исследования пополнили банк аналитических данных и сделали возможным проведение исторических обобщений полученных результатов (Завьялов, 2005; Бирюков, 2005; Бирюков, Савельева, 2005; Бирюков и др., 2006; Бирюков, Завьялов, Савельева, 2009). Одним из основных выводов, сделанных в ходе археометаллографического изучения кузнечной продукции, стал вывод о том, что характерной особенностью кузнечного ремесла перми вычегодской являлось длительное использование и широкое распространение технологической схемы трехслойного пакета (Бирюков, Завьялов, Савельева, 2009. С. 48).

Технологическая инновация в виде так называемого трехслойного пакета широко распространяется на Русском Севере на рубеже IX–X вв. н.э. Она выделяется на фоне местных традиций, представленных простыми приемами обработки черного металла. Технологию трехслойного пакета по праву можно отнести к высоким технологиям эпохи средневековья. Суть этой технологической схемы заключается в сварке трех полос металла: двух железных по бокам и стальной между ними. По мнению Б.А. Колчина, это наиболее целесообразная технология при производстве клинков, придававшая орудию вязкость, упругость и высокую твердость стального закаленного лезвия (Колчин, 1953. С. 75).

Как установлено на основании археометаллографического анализа большой серии ножей из памятников Восточной Европы, трехслойная схема на этой территории представлена двумя основными технологическими вариантами: *североевропейским* и *восточноевропейским* (Завья-

лов, Розанова, Терехова, 2008. С. 329; 2012. С. 18). Отличительной чертой *североевропейского* варианта является использование для боковых полос фосфористого железа, а для центральной полосы высокоуглеродистой стали. Такие орудия представлены среди ранних материалов из скандинавских памятников эпохи викингов (Arrhenius, 1970. Fig. 1, *3*). Имеющиеся на сегодняшний день данные позволяют считать, что технология трехслойного пакета возникает именно на территории Скандинавии. При изготовлении трехслойных ножей по *восточноевропейскому* варианту наблюдаются определенные отступления от стандарта: это использование или обычного железа, или сырцовой стали, или сварка пакета из однородного материала.

В результате тесных контактов между народами лесной зоны Предуралья и Северной Европы, существовавших с глубокой древности, трехслойные изделия довольно быстро распространяются на северо-востоке Европы. Так, ножи с трехслойными клинками известны на памятниках позднего этапа ванвиздинской культуры (Завьялов, Чеснокова, 1991). Орудия из поселения Лозым демонстрируют североевропейский технологический вариант. Это наряду с высоким качеством кузнечных работ позволяет считать трехслойные предметы, обнаруженные на памятнике, импортными изделиями.

На памятниках вымской культуры (XI–XIV вв.) артефакты, изготовленные по технологии трехслойного пакета, занимают ведущее место среди качественных кузнечных изделий. Трехслойная схема обнаружена на 46 ножах (44% всех исследованных орудий)*; но помимо этого технология трехслойного пакета применялась при производстве и других орудий труда (настругов, резцов). Абсолютное большинство трехслойных поковок (более 85%) изготовлено по восточноевропейскому варианту. Отмечу, что даже в тех случаях, когда для боковых полос использовалось фосфористое железо (характерный признак североевропейского варианта), средняя полоса представлена сырцовой малоуглеродистой сталью (до 0,3–0,4%С).

Обращает на себя внимание широкое распространение на вымских памятниках ножей скандинавской группы (группа IV, по Р.С. Минасяну). Такие ножи характеризуются прямой спинкой клинка, несколько приспущенной к острию. Клинок узкий, обушок толстый (4–5, иногда 6 мм), черенок длинный, шиловидный, по длине нередко равен (а на ранних образцах превосходит) клинку, переход от клинка к черенку выделен четкими прямоугольными уступами.

Как показали наши исследования, именно для этого типа характерна трехслойная технология (Завьялов, Розанова, Терехова, 2012). В изученной коллекции таких ножей оказалось более 35%. Но изготовлены они и по более простым схемам (выковка из железа или сырцовой стали). Остальные ножи условно можно отнести к группе II, по Р.С. Минасяну (их отличает широкий, тонкий (1,5–2 мм) клинок, переходящий уступами в короткий черенок), которые получают широкое распространение на восточноевропейских памятниках с начала II тыс. н.э.

С другой стороны, на вымских памятниках практически не встречаются ножи финской группы (группа I, по Р.С. Минасяну), известные среди чепецких и родановских древностей. На Северорусской территории ножи группы I бытовали до начала XI в., но поздняя модификация этого типа доживает до XII в. (Леонтьев, 1976. С. 40, 41).

* В работе не учитываются материалы, опубликованные А.П. Зыковым (1992), поскольку в этой статье отсутствуют данные о микротвердости феррита, на основании которых можно судить об использовании фосфористого железа. Это, в свою очередь, не позволяет сделать заключение, по какому технологическому варианту изготовлено орудие.

Рассмотрим соотношение двух технологических вариантов. Детальный анализ результатов металлографических исследований показал, что среди 46 трехслойных ножей из памятников вымской культуры всего шесть изготовлены по североевропейскому производственному варианту. Типологически из этих орудий только три относятся к скандинавской группе ножей и, следовательно, могут быть отнесены к импортным изделиям.

Имеющиеся данные не позволяют сделать однозначный вывод о том, откуда распространяется инновационная технология на территории перми вычегодской. Это могут быть как северорусские земли, где технология трехслойного пакета была широко известна в конце IX – начале X в. в связи с активизацией Великого Волжского пути, так и носители культур Камского бассейна, в кузнечном ремесле которых не позднее X в. происходят существенные изменения, связанные, прежде всего, с освоением технологии трехполосной сварки.

Что касается северорусской железообработки, то она демонстрирует так называемую прогрессивную модель ремесла, которая характеризуется динамичным производством, открыта для инноваций, воспринимает и развивает высокие технологии. Об этом свидетельствует, в частности, смена технологических приоритетов в древнерусском кузнечном ремесле (трехслойный пакет в IX – первой половине XII в. – наварка стального лезвия во второй половине XII – первой половине XV в. – изготовление цельностальных орудий во второй половине XV – XVII в.), обусловленная экономическими и общеисторическими факторами (Завьялов, Розанова, Терехова, 2007. С. 155–157).

В Предуралье наблюдается другая – консервативная – модель производства. Такая модель открыта для технологических инноваций, но полученный импульс консервируется в местной производственной среде и не получает дальнейшего развития. Воспринятая местными кузнецами технология трехслойного пакета в отличие от древнерусского ремесла законсервировалась на несколько столетий, превратившись в основу пермского кузнечества. Отмечу, что ножи с трехслойной структурой встречаются на финно-угорских памятниках бассейнов Камы и Вычегды вплоть до XVII в. (Розанова, Балина, Стоколос, 2001. С. 212; Перевощиков, 2002. С. 82; Завьялов, 2005. С. 161).

В этой связи представляется важным проследить соотношение технологических схем, применявшихся кузнецами перми вычегодской и древнерусских поселений, расположенных в бассейне Выми. По археологическим данным, связи пермских народов с древнерусским населением фиксируются с X в. Но о постоянных, устойчивых контактах можно говорить лишь начиная с XII в., когда на Европейском Северо-Востоке появляются первые древнерусские поселения.

В настоящее время мы располагаем металлографическими анализами 38 предметов (из них ножи представлены 31 экз.) из древнерусских памятников Европейского Северо-Востока. Орудия происходят из Пожегского городища, одного из наиболее значительных памятников русской колонизации в Северном Предуралье, и Жигановского поселения, среди населения которого значительную часть составляли выходцы из Древней Руси (Археология Коми, 1997. С. 668).

Результаты археометаллографических исследований позволяют сделать вывод о том, что кузнечное производство древнерусского населения Повычегодья относилось к ремеслу городского типа. Об этом свидетельствует значительная доля орудий, изготовленных с помощью различных приемов технологической сварки, и высокое качество кузнечных операций.

Среди 31 исследованного ножа из древнерусских памятников на семи обнаружена технология трехслойного пакета. При этом только один нож изготовлен по североевропейскому варианту.

В отличие от продукции из вымских памятников среди древнерусских ножей значительную группу составляют орудия с наварными лезвиями (пять экземпляров, или более 15%). Среди вымских материалов ножи, изготовленные по наварной технологии, составляют менее 5%.

Обратим внимание на этот факт. Как уже было сказано, технология трехслойного пакета в городском кузнечном ремесле Древней Руси выходит из употребления во второй половине XII в. На смену ей приходит технология наварки, которая уже в конце XII в. занимает лидирующее положение в древнерусском кузнечестве. Таким образом, учитывая, что смена технологических приоритетов на периферийных поселениях может запаздывать, ножи с трехслойными клинками из древнерусских памятников Повычегодья следует датировать временем не позднее середины XIII в. В последующее время, как и на основной территории Древней Руси, на смену трехслойному пакету приходит технология наварки.

Сравнение результатов металлографических анализов железных предметов из древнерусских памятников с продукцией перми вычегодской свидетельствует о различии технико-технологических стереотипов двух народов. На русских памятниках сварные технологии (трехслойный пакет и наварка) представлены близкими долями. В данном случае мы, скорее всего, имеем дело с хронологическими различиями в исследованном материале: трехслойные ножи следует датировать XII – началом XIII в., а ножи с наварными лезвиями – концом XII – XIV в. Среди вымских материалов доминируют изделия из трехслойного пакета. Причем изготовлять их продолжают даже тогда, когда на основной территории Восточной Европы такие изделия уже не производятся. Следовательно, можно с большой долей уверенности говорить, что существенных контактов в области железообработки в XII–XV вв. между русскими колонистами и племенами вымской культуры не существовало (Завьялов, 2005. С. 156).

Модель кузнечного производства перми вычегодской по аналогии с моделью народов Прикамья можно определить как консервативную: технологический импульс в виде схемы трехслойного пакета консервируется в местной производственной среде на длительное время и не получает дальнейшего развития.

Литература

Археология Коми. М.: ДиК, 1997. 758 с.

Бирюков А.В. Технология изготовления предметов вооружения вымской культуры // Studia Juvenalia. Сыктывкар, 2005. Вып. 2.

Бирюков А.В., Савельева Э.А. Технология изготовления кузнечных изделий Кичилькосьского I могильника // Памятники эпохи камня, раннего металла и средневековья. Сыктывкар, 2005. (МАЕСВ. Вып. 17).

Завьялов В.И. Железообработка перми вычегодской по материалам вымских могильников // Проблемы финно-угорской археологии Урала и Поволжья. Сыктывкар, 1992.

Завьялов В.И. Древнерусские инновации в кузнечном ремесле пермских народов // Общество, экономика, культура и искусство славян: Труды VI Международного конгресса славянской археологии. М., 1998. Т. IV.

Завьялов В.И. История кузнечного ремесла пермян: Археометаллографическое исследование. Ижевск, 2005.

Завьялов В.И., Розанова Л.С., Терехова Н.Н. Роль Балтийско-Волжского пути в распространении технологических инноваций // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. М., 2008. Т. II.

Завьялов В.И., Розанова Л.С., Терехова Н.Н. Традиции и инновации в производственной культуре Северной Руси. М., 2012.

Завьялов В.И., Чеснокова Н.Н. Железные предметы Лозымского поселения (ванвиздинская культура) // СА. 1991. № 2.

Зыков А.П. Материалы по технологии кузнечного производства вымской культуры // Проблемы финно-угорской археологии Урала и Поволжья. Сыктывкар, 1992.

Колчин Б.А. Черная металлургия и металлообработка в Древней Руси (домонгольский период) // МИА. 1953. № 32.

Леонтьев А.Е. Классификация ножей Сарского городища // СА. 1976. № 2.

Перевощиков С.Е. Железообрабатывающее производство населения Камско-Вятского междуречья в эпоху средневековья (технологический аспект). Ижевск, 2002.

Розанова Л.С., Балина Н.Н., Стоколос В.С. Железные предметы XV – первой половины XVII вв. из Припечорья. Технологические характеристики и исторический контекст // Древние ремесленники Приуралья. Ижевск, 2001.

Терехова Н.Н., Розанова Л.С., Завьялов В.И., Толмачева М.М. Очерки по истории железообработки в Восточной Европе. М., 1997.

Савельева Э.А. Вымские могильники XI–XIV вв. Л., 1987. 200 с.

Савельева Э.А., Завьялов В.И., Бирюков А.В. Технология кузнечного производства перми вычегодской // РА. 2009. № 3.

Arrhenius B. Knivas fran Helgö och Birka // Fornvanner, 1970. N 65.

Вып. 18 2013

ЛЁКМАРТОВСКИЙ КЛАД СРЕДНЕВЕКОВЫХ ИЗДЕЛИЙ В СЕВЕРНОМ ПРИКАМЬЕ

Г.П. Головчанский, А.Ф. Мельничук, С.В. Скорнякова

В ареале памятников северного варианта родановской культуры Верхнего Прикамья, наряду с кладами драгоценной утвари и монет среднеазиатского и восточно-римского происхождения, встречаются собрания предметов, содержащие различные серебряные украшения с медными декоративными изделиями, включающими шумящие подвески, а также каменные и стеклянные бусы (Редикорский, Пыскорский, Вильгортский, Осокинский клады (Талицкая, 1952. С. 153, № 1172; с. 155, № 1198; с. 159, № 1220; с. 163, № 12150). Данные местонахождения дополняются Лёкмартовским кладом украшений средневекового костюма (БИХМ КП – 4834).

Клад был обнаружен в 1999 г. студенткой Березниковского музыкального училища О.П. Кибановой в обнажениях проселочной дороги, ведущей к заброшенной свиноферме на окраине дер. Лёкмартово (приустьевая часть р. Вильвы, левый берег р. Камы, Чердынский район Пермского края). Местонахождение клада расположено близ средневекового селища, локализованного В.А. Обориным в 1962 г. На этом селище помимо фрагментов керамики, квалифицируемых как родановские, найден крупный фрагмент сосуда ванвиздинского облика, декорированного по шейке линией круглых ямок-жемчужин в сочетании с рядами косопоставленных зубчатых отпечатков (Оборин, 1962. С. 21).

Лёкмартовский клад был приобретен в 2000 г. Камской археологической экспедицией Пермского университета для Березниковского историко-художественного музея имени И.Ф. Коновалова. Всего в кладе содержатся 14 предметов – серебряные и медно-бронзовые украшения.

1. Арочная подвеска из серебра (рис. 1, *1*). Изображение подвески ранее опубликовано (Белавин, Иванов, Крыласова, 2009. С. 211. Рис. 65, *19*), но публикация была сделана с большим отклонением от оригинала. Изображение, публикуемое нами, аутентично.

Арочная или конусовидная основа подвески окантована двумя рядами скани. Она покрыта двумя тонкими серебряными листами с ярко выраженной позолотой. В декоре арочная основа подразделяется на два орнаментальных яруса, которые ограничены прямой линией филиграни. В верхней части основа украшена узором в виде рельефных кружков, которые повторяют ее арочную форму. Дуговидная часть декора состоит из 18, а нижняя прямая из девяти кружков. В центре арочной пластины у подвески отмечаются примыкающие друг к другу три округлых вставки из янтаря, которые оформлены по краям рядами филиграни. Со всех сторон комплекс вставок декорирован четырьмя пирамидками зерни из трех напаянных шариков и оконтурен арочной фили-

гранью. В верхней части арочного щитка отмечается отверстие, в которое вдевалась серебряная цепочка, от нее сохранилось два серебряных звена. Это свидетельствует о том, что либо лёкмартовская подвеска входила в состав парных арочных нагрудных украшений, соединенных между собой, либо в какой-то сложный декоративный комплекс костюма типа очелья из погребении № 74 Ыджыдъёльского могильника вымской культуры (Савельева, 1987. Рис. 31).

В нижней части арочной пластины расположены семь отверстий для подвешивания привесок, которые оконтурены сверху семью пирамидками зерни из шести шариков, а по бокам 12 вертикальными линиями зерни из двух шариков. На украшении сохранилось из семи только пять привесок. Изделие явно ремонтировалось, так как присутствуют четыре серебряные цепочки, а пятая была изготовлена из бронзы. На серебряных цепочках располагались четыре бронзовых цельнолитых подвески в виде шаровидной гирьки средних размеров (группа 24, подгруппа 1, тип 1, подтип 1, 2, по типологии А.М. Белавина и Н.Б. Крыласовой). Подобные украшения в Волго-Камье и Приуралье были распространены в IX–XIV вв. (Белавин, Крыласова, 2008. С. 405. Рис. 196, *58*). На бронзовой цепочке находилась привеска-колокольчик средних размеров (группа 22, тип 2, по типологии А.М. Белавина и Н.Б. Крыласовой) в виде сочетания двух конусов с выпуклым валиком у петли. Подобные украшения имеют широкий хронологический диапазон в средневековых древностях Приуралья – X–XIV вв. (Белавин, Крыласова, 2008. С. 402. Рис. 196, *26*).

Декоративные украшения в виде арочных шумящих изделий из серебра, выполненных в филигранно-зерневой технике с инкрустацией из стекла и поделочных камней крайне редки в Среднем Приуралье. Они различны по характеру оформления и уникальны. На всей территории Приуралья, по данным А.М. Белавина, известно только семь серебряных арочных шумящих подвесок, декорированных сканно-зерневой техникой (Белавин, 2000. С. 89–90. Рис. 37, *1–5*). В своем труде, посвященном древностям Камского торгового пути, А.М. Белавин попытался найти аналогии небольшой арочной подвеске из городища Анюшкар. Он предлагал «считать ее шумящей привеской в ожерелье», указывая на то, что ее аналоги имеются в «материалах могильников вымской культуры, где (*они. – Авт.)* атрибутированы Э.А. Савельевой как привозные» (Белавин, 2008. С. 89–90). К сожалению, ссылок на труды Э.А. Савельевой А.М. Белавиным не были даны. Возможно, автор имел в виду арочную пластину, входившую в состав очелья в виде сложного комплекса серебряных украшений, найденного в погребении № 74 Ыджыдъёльского могильника, датируемого в пределах XI–XII вв. (Савельева, 1987. Рис. 31; Савельева, Королев, 2011. С. 92. Рис. 3, *21*). К лёкмартовской арочной подвеске наиболее близко серебряное шумящее украшение с тремя округлыми янтарными вставками из Пыскорского (Плехановского) клада. Оно несколько отличается от лёкмартовской находки в оформлении нижней части арочного щитка (Спицын, 1902. Табл. XII, *4*).

В Зауралье к настоящему времени известны четыре серебряные арочные подвески, украшенные по основе узорами в сканно-зерневой технике. Два украшения происходят из Сургутского клада. Н.В. Федорова датирует их XIII–XIV вв. Исследователь рассматривает данные изделия как продукт «булгарского» импорта (Федорова, 1990. Рис. 3). Хотя, на наш взгляд, эти драгоценные шумящие украшения могли быть изготовлены в XI–XII вв. и долго храниться в одной из древних семей обских угров в качестве сокровища. Еще две серебряные подвески арочной формы, украшенные сканью и зернью, а также шатонами с вставками из стекла и поделочного камня,

выявлены в погребениях могильника кинтусовского типа Ленк-Понк в Приобье и датируются в пределах XI–XIII вв. (Могильников, 1987. С. 212. Рис. XCI, *3*; 1991. С. 67–68). А.М. Белавин, В.А. Иванов и Н.В. Крыласова находят аналог подвески в материалах Ликинского могильника. На самом деле в материалах Ликинского могильника драгоценной серебряной арочной подвески никогда не было (Викторова, 2008. С. 59–66). Видимо, авторы недавнего труда по средневековым уграм Предуралья приняли за серебряную арочную подвеску каплевидную пластину от серебряной серьги с шатоном, в который вставлен зеленый камень и с декоративным обрамлением в виде восьми пирамидок зерни (Викторова, 2008. С. 59. Рис. 42, в; Белавин, Иванов, Крыласова, 2009. С. 211).

Прототипами средневековых шумящих подвесок с арочной основой в Среднем Приуралье являются украшения пьяноборской-гляденовской эпохи (Оборин, 1970. С. 21; Мингалев, 2007). В последующее время медно-бронзовые украшения с разнообразным декором по арочному щитку характерны для ломоватовских, неволинских, раннеродановских и поломско-чепецких древностей Приуралья, вплоть до XI в. (Вострикова, Крыласова, 2008. С. 164–168. Рис. 1), являясь атрибутом женского костюма древних пермян (Оборин, 1970. С. 21). Судя по карте, составленной А.М. Белавиным, В.А. Ивановым и Н.Б. Крыласовой, 75,5% всех арочных подвесок найдено в ареале приуральских таежных культур, которые, как правило, определяются как древнепермские (Белавин, Иванов, Крыласова, 2009. Рис. 63). Единичные экземпляры медно-бронзовых прикамских арочных подвесок отмечены в ареале древних культур, связанных с предками волжских финнов и на территории государства Волжской Булгарии, в сложении которого также участвовали различные финно-угорские группы средневекового населения. В Зауралье, на основной этнической территории «классических лесных угров», арочные подвески представлены в мизерном количестве. Они рассматриваются как прикамский импорт (Могильников, 1987. С. 174; Гордиенко, 2008. С. 76. Рис. 2, *1*). На наш взгляд, верхняя дата производства серебряной шумящей подвески из Лёкмартовского клада определяется в пределах X в. Состояние подвески указывает на то, что она длительное время использовалась, реставрировалась, и в состав клада могла попасть много позже времени своего изготовления.

2. Серебряные височные подвески с грушевидным (булавообразным) окончанием и зерносканным декором – два экземпляра (рис. 1, *3, 4*). Они идентичны и, очевидно, изготовлены одним мастером. На одной подвеске в нижнем основании утрачен декор в виде пирамидки зерни. Одна из подвесок (целая) опубликована в статье Ю.А. Подосеновой (Подосенова, 2009. Рис. 1, Б). Основная часть изделий позолочена, кроме кольца-дужки. Литое кольцо-дужка обладает овально-подтреугольной формой. В основании кольца-дужки отмечается сферическое утолщение в виде половинки полого тисненого шарика, украшенного сверху небольшой пирамидкой зерни. Нижнюю часть кольца-дужки оплетала декорирующая проволока с косыми насечками, имитирующими скань, а верхнюю и одну из боковых сторон украшала пирамидка зерни.

Привеска состоит из двух частей – усеченного конуса и полого шарика. Усеченный конус украшения не является литым, а изготовлен из тонкого прокованного и завернутого листа серебра. Конус припаивался непосредственно к основанию кольца-дужки, в том месте, где имелось шарообразное утолщение, а не нанизывался на штырь. К конусу припаивалась и другая часть привески – полый двусоставной тисненый шарик. То место, где находился припай, украшалось сканью,

расположенной двумя нитками так, что создавалось впечатление косички. Гладкие части шарика и конуса украшались зернью, уложенной равнобедренными треугольниками. Зернь имела разные размеры. После декорирования свободная от зерни и скани гладкая часть шарика и конуса покрывались позолотой. Нижняя часть привески украшалась пирамидкой из зерни крупного размера (Подосенова, 2009. С. 7).

Ю.А. Подосенова выделила из всей коллекции височных подвесок с грушевидным окончанием, найденных в Среднем Приуралье (80 экз.), 12 украшений из серебра, декорированных по поверхности сканью и зернью, которые, как и серебряные арочные подвески, были крайне редки среди однотипных медно-бронзовых изделий более грубого производства (Подосенова, 2007).

В определении хронологии выделенных драгоценных височных подвесок есть сложности из-за того, что ни один из этих предметов в Среднем Приуралье не найден в закрытых погребальных комплексах. Исключение составляет обнаруженное еще до революции захоронение в одной из пещер в районе р. Малый Вашкур, близ г. Чусового, датированное Н.А. Прокошевым в пределах X–XI вв. (Прокошев, 1937. С. 127–135).

В Удмуртском Прикамье серебряные сканно-зерневые височные подвески с грушевидной основой выявлены в захоронениях могильников Варна и Мыдлань-Шай. По А.Г. Иванову, «эти украшения…. отличаются от предшествующих типологически сходных височных подвесок VIII–IX в. большей насыщенностью узоров из скани и зерни» и бытовали «в основном до XII в.» (Иванов, 1998. С. 131. Рис. 47, *19–22*). Однако В. Ф. Генинг датировал погребальные комплексы могильника Мыдлань-Шай в пределах второй половины VIII – первой половины IX в., хотя судя по наличию аббасидских дирхемов первой четверти IX в., некрополь мог функционировать и во второй половине IX в. (Генинг, 1962. С. 94; Янина, 1962. С. 129). Верхняя дата функционирования Варнинского могильника поломской культуры также ограничена как минимум второй половиной IX в. (Семенов, 1980; Голдина, 1999. С. 352). К.А. Руденко четко определяет, что височные подвески со сфероконическими (грушевидными) привесками «в XI–XII вв. являются у булгар анахронизмом и скорее всего не используются и не изготавливаются. Не известно ни одного такого датированного предмета с территории Булгарии позднее X в.» (Руденко, 2006. С. 104). В связи с этим нам непонятно, на каком основании А.Г. Иванов датирует время существования в удмуртских некрополях этих драгоценных предметов до XII в., тогда как две височных серебряных сканно-зерневых подвески с позолотой найдены в погребении № 74 некрополя Мыдлань-Шай вместе с двумя омайядскими дирхемами, чеканенными: 1. – 708–709 гг.; 2. – 729–730 гг., (Генинг, 1962. С. 36). При всех хронологических натяжках данное погребение вряд ли выходит за пределы первой половины IX в.

Таким образом, взгляд одного из авторов статьи о том, что височные кольца с грушевидными (булавообразными) окончаниями доживают до X в. в Среднем Приуралье, пока является источниковедчески более весомым, чем позиции наших пермских коллег, пытающихся омолодить возраст этих изделий до XI – XII вв. (Белавин, 2000. С. 78; Мельничук, 2005. С. 182; Подосенова, 2007).

В Зауралье рассматриваемые драгоценные височные изделия найдены в комплексах Сайгатинского святилища XI–XII вв. – три экземпляра (Федорова, 1990. С. 134). Характерно, что единичные экземпляры подобных украшений, иногда во фрагментах, сохранялись в святилищах

угро-самодийцев вплоть до современности (Бауло, 2004. С. 49. Рис. 23, 24). Таким образом, зауральские находки по отношению к изученным памятникам (святилищам) являются сокровищами, которые хранились в сакральных целях достаточно долго. В связи с этим находки рассматриваемых драгоценных височных колец в Зауралье могут служить основой для их столь позднего датирования на территории Приуралья.

Данные Ю.А. Подосеновой о том, что якобы в Лёкмартовском кладе содержались «вещи (серьги, крестики) XVII века» вызывают недоумение (Подосенова, 2007). Один из авторов статьи лично участвовал в приобретении Лёкмартовского клада для Березниковского историко-художественного музея и может четко заявить, что факты, приведенные Ю.А. Подосеновой, недостоверны. В акте № 1 приема-передачи коллекции от 04.02.2002 г. фигурируют только 14 изделий.

Мнение А.М. Белавина о том, что «показательно отсутствие таких подвесок в северородановских памятниках» не соответствует действительности (Белавин, 2000. С. 78). Наоборот, по подсчетам Ю.А. Подосеновой, из 12 драгоценных височных подвесок семь найдено именно в ареале северных позднеломоватовских-раннеродановских общин – Лёкмартово, Редикор, Верх-Кондас (Подосенова, 2007). К ним следует добавить драгоценную височную подвеску из Аверинского II некрополя, расположенного в верховьях Камы, которую авторы раскопок относят к группе X в. (Голдина, Кананин, 1989. С. 88. Рис. 71, *1*). Таким образом, нам представляется, что верхнюю дату изготовления драгоценных височных украшений из Лёкмартовского клада следует ограничить в пределах X в. Территориально ближайшая аналогия им – височная подвеска из Редикорского клада (Белавин, 2000. Рис. 15).

3. Флаконовидная серебряная привеска – один экземпляр (рис. 1, *2*). Ее основа покрыта позолоченным серебряным листом. Золоченным серебряным листом покрыт цилиндр, расположенный в верхней части изделия. Этот цилиндр является своеобразной округлой вставкой для поделочного камня (агат, сердолик(?)). Он декорирован филигранью в виде ниток и поясками зерни. В центральной части изделия с двух сторон украшения расположены прямоугольные шатоны. Каменная вставка из агата или сердолика (?) сохранилась только в одном центральном шатоне. Шатоны со всех сторон оконтурены филигранью. Двойными нитками филиграни со всех сторон оформлено само изделие. Над шатонами и под ними участки подвески инкрустированы пирамидками зерни разной величины. К основе прикреплялись пять медно-бронзовых цепочек, у которых сохранилось по четыре звена. Уникальность Лёкмартовского украшения состоит в том, что, в отличие от других находок подобного типа в Пермском Приуралье, данное изделие является шумящей привеской.

Несколько похожее по оформлению декора бронзовое флаконовидное изделие найдено на городище Биляр. На лицевой стороне находки «в рамке из псевдоверевочной полоски размещены симметричные пирамидки крупной псевдозерни… Близкий орнамент имеется на оборотной стороне изделия» (Руденко, 2007. С. 115. Рис. 2, *2*). Исследователь не дает четкую дату этого предмета, но, судя по тексту статьи, склоняется к ее бытованию в XI в. Имеющее некоторое сходство по декору с Лёкмартовской находкой флаконовидная пронизка найдена вне стратиграфического контекста (подъемный материал) на Рождественском городище (Белавин, Крыласова, 2008. С. 442. Рис. 204, *4*). Типологически близкие пронизки, по А.М. Белавину и Н.Б. Крыласовой, выявлены

на городищах Саламатово и Анюшкар, а также представлены в случайных сборах из деревень Малая Серва и Мальцево. Таким образом, четких датировок флаконовидных пронизок, декорированных пирамидками псевдозерни, в Пермском Приуралье не существует. Интересно, что в качестве шумящего украшения медно-бронзовая флаконовидная привеска отмечена в детском захоронении № 20 Пылаевского могильника в Зауралье. Исследователи датируют этот погребальный комплекс в пределах XI в. (Кутаков, Старков, 1997. С. 135. Рис. 15). Учитывая, что в закрытых погребальных комплексах Пермского Приуралья медно-бронзовые флаконовидные подвески не выходят за пределы IX в. (Голдина, 1985. С. 131), верхнюю дату уникального Лёкмартовского изделия, возможно, следует ограничить в пределах X в.

4. Медно-бронзовые шумящие подвески с основой из трех умбонов (рис. 2, *1, 2*), размещенных в виде треугольника, направленного вершиной вверх (по типологии А.М. Белавина и Н.Б. Крыласовой группа 1, тип 3) – два экземпляра (Белавин, Крыласова, 2008. С. 377). В нижней части основания целого украшения отмечаются пять петель, к которым прикреплялись пять цепочек из девяти восьмеркообразных звеньев (группа 2, тип 2, подтип 2, 2, вариант 2, по типологии А.М. Белавина и А.М. Крыласовой). Подобные цепочки в Пермском Приуралье характерны для позднеломоватовских древностей VIII–IX вв. (Белавин, Крыласова, 2008. С. 373. Рис. 185, *8*). У второй подвески в целости сохранилось три цепочки. К цепочкам прикреплялись привески-лапки с тремя выделенными пальцами, покрытые насечками – группа 21, тип 1, подтип 1. 1, вариант 2, по типологии А.М. Белавина и Н.Б. Крыласовой (Белавин, Крыласова, 2008. С. 400. Рис. 196, *4*). Подобные привески-лапки у шумящих умбоновидных подвесок хорошо представлены в позднеломоватовских древностях конца VIII – IX в. (Голдина, 1985. Табл. XVIII, *11–13, 20–21, 23*). Близкие к лёкмартовским украшениям шумящие подвески с тремя умбонами зафиксированы в Щукинском и Плёснинском некрополях позднеломоватовско-раннеродановского времени (Голдина, 1985. Табл. XVIII, *10, 16*). Отмеченные предметы из клада следует датировать в пределах IX–X вв.

5. Шумящие медно-бронзовые подвески с основой из одного крупного умбона с привесками в виде утиных лапок (по типологии А.М. Белавина и Н.Б. Крыласовой группа 1, тип 1) – четыре экземпляра (Белавин, Крыласова, 2008). Три подвески обрамлены по окружности умбона лучами в виде псевдозерни. Одна подвеска имеет крупный умбон без дополнительного декора (рис. 2, *3, 4, 7, 8*). Подобные украшения распространялись в Прикамье с IX по XI в. (Оборин, 1970. С. 23; Белавин, Крыласова, 2008. С. 376).

6. Шумящие медно-бронзовые подвески с основой из двух горизонтально расположенных умбонов (группа 1, тип 2, по типологии А.М. Белавина и Н.Б. Крыласовой) – два экземпляра (Белавин, Крыласова, 2008. С. 376). В археологической литературе их часто определяют как «очковидные с петелькой» или «пенсневидные» (рис. 2, *5, 6*). В Прикамье они широко распространялись в пределах IX–X вв. (Белавин, Крыласова, 2008. С. 377).

7. Медно-бронзовая привеска-бубенчик с прорезью с вертикальными насечками в нижней части (группа 23, тип 1, подтип 1. 3, вариант 2, по типологии А.М. Белавина и Н.Б. Крыласовой) (рис. 2, *9*). Подобные привески широко распространяются в Прикамье с позднеломоватовского времени VIII–IX вв. (Деменковский, Агафоновский, Русиновский могильники) (Голдина, 1985. Табл. XXI, *20*) до XIII в. (Белавин, Крыласова, 2008. С. 403).

8. Медно-бронзовая подвеска с планчатой основой (рис. 3). Поверхность основы выполнена в наборной технике с использованием «ажурной косоплетки». Верхняя часть щитка украшена семью небольшими пирамидками псевдозерни. По центру щитка нанесен волютообразный узор. Подобные украшения характерны для средневековых волжских финнов. Отдельные экземпляры этих изделий появляются в Пермском Предуралье начиная с IX в. и распространяются вплоть до XIII в. (Белавин, 2000. С. 148).

Таким образом, Лёкмартовский клад, очевидно, следует датировать в пределах X–XI вв. Он ярко характеризует малоизвестные стороны материальной культуры средневековых северородановских общин в Верхнем Прикамье.

Литература

Белавин А.М. Камский торговый путь. Пермь, 2000.

Белавин А.М., Иванов В.А., Крыласова Н.Б. Угры Предуралья в древности и средние века. Уфа, 2009.

Белавин А.М., Крыласова Н.Б. Древняя Афкула: археологический комплекс у с. Рождественск. Пермь, 2008.

Бауло А.В. Атрибутика и миф: металл в обрядах обских угров. Новосибирск, 2004.

Викторова В.Д. Древние угры в лесах Урала. Екатеринбург: «Квадрат», 2008.

Вострикова Т.П., Крыласова Н.Б. Генетический ряд арочных подвесок Пермского Предуралья // Труды КАЭЭ. Пермь: «ПГПУ», 2008. Вып. V.

Генинг В.Ф. Древнеудмуртский могильник Мыдлань-Шай // ВАУ. Свердловск, 1962. Вып. 3.

Голдина Р.Д. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. Иркутск: Изд-во Иркутского ун-та, 1985.

Голдина Р.Д. Древняя и средневековая история удмуртского народа. Ижевск: «Удмуртский ун-т», 1999.

Голдина Р.Д., Кананин В.А. Средневековые памятники верховьев Камы. Свердловск: Изд-во Свердловского ун-та, 1989.

Гордиенко А.В. Культурные связи Сургутского Приобья с западными территориями в VIII–IX вв. н.э. // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Тюмень; Ханты-Мансийск: Изд-во «РИФ КоЛеСо», 2008. Вып. 6.

Иванов А.Г. Этнокультурные и экономические связи населения бассейна р. Чепцы в эпоху средневековья. Ижевск, 1998.

Кутаков Ю.М., Старков А.В. Пылаевский грунтовый могильник (предварительная публикация) // Охранные археологические исследования на Среднем Урале. Екатеринбург, 1997. Вып. 1.

Мельничук А.Ф. Среднее Приуралье – перепутье средневековых дорог// Вестник Пермского университета. История. Пермь, 2005. Вып. 5.

Мингалев В.В. Хронология и интерпретация парных арочных подвесок // Формирование и взаимоотношение уральских народов в изменяющейся этнокультурной среде Евразии: проблемы изучения и историографии. Чтения памяти К. В. Сальникова (1900–1966). Уфа:«Китап», 2007.

Могильников В.А. Угры и самодийцы Урала и Западной Сибири // Финно-угры и балты в эпоху средневековья. Археология СССР. М.: Наука, 1987.

Могильников В.А. Контакты населения лесной полосы Приуралья и Западной Сибири в конце I – начале II тыс. н. э. // Проблемы археологии Евразии. М.: Наука, 1991.

Оборин В.А. Отчет о разведках и раскопках в Пермской области в 1962 г. // Архив ИА АН СССР. Ф. р-1. Д. 2477.

Оборин В.А. Этнические особенности средневековых памятников Верхнего Прикамья // ВАУ. Свердловск, 1970. Вып. 9.

Прокошев Н.А. Погребение на р. Чусовой // СА. 1937. Т. III.

Подосенова Ю.А. Височные подвески с грушевидной привеской и зерно-сканным декором с территории Пермского Предуралья // Формирование и взаимоотношение уральских народов в изменяющейся этнокультурной среде Евразии: проблемы изучения и историографии. Чтения памяти К.В. Сальникова (1900–1966). Уфа, 2007.

Подосенова Ю.А. Височные украшения с грушевидной привеской и зерно-сканным декором с территории Пермского Предуралья (технологический аспект) // Вестник Челябинского государственного университета. История. Челябинск, 2009. Вып. 29.

Руденко К.К. К вопросу о булгарском серебре Закамья и Зауралья // Finno-Ugrica. Казань, 2006. № 9.

Руденко К.К. Об атрибуции некоторых бронзовых украшений из Билярского городища // Finno-Ugrica. Казань, 2007. № 10.

Савельева Э.А. Вымские могильники XI–XIV вв. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1987.

Савельева Э.А., Королев К.С. Торгово-экономические связи Перми Вычегодской с Волжской Булгарией // Известия Коми научного центра УрО РАН. 2011. Вып. 3(7).

Семенов В.А. Варнинский могильник // Новый памятник поломской культуры. Ижевск, 1980.

Спицын А.А. Древности Камской чуди по коллекции Теплоуховых // МАР. СПб., 1902. № 26.

Талицкая И.А. Материалы к археологической карте бассейна р. Камы // МИА. М., 1952. № 27.

Федорова Н.В. Булгарские сканные украшения Зауралья // Ранние булгары и финно-угры Восточной Европы. Казань, 1990.

Янина С.А. Куфические монеты из могильника Мыдлань-Шай // ВАУ. Свердловск, 1962. Вып. 3.

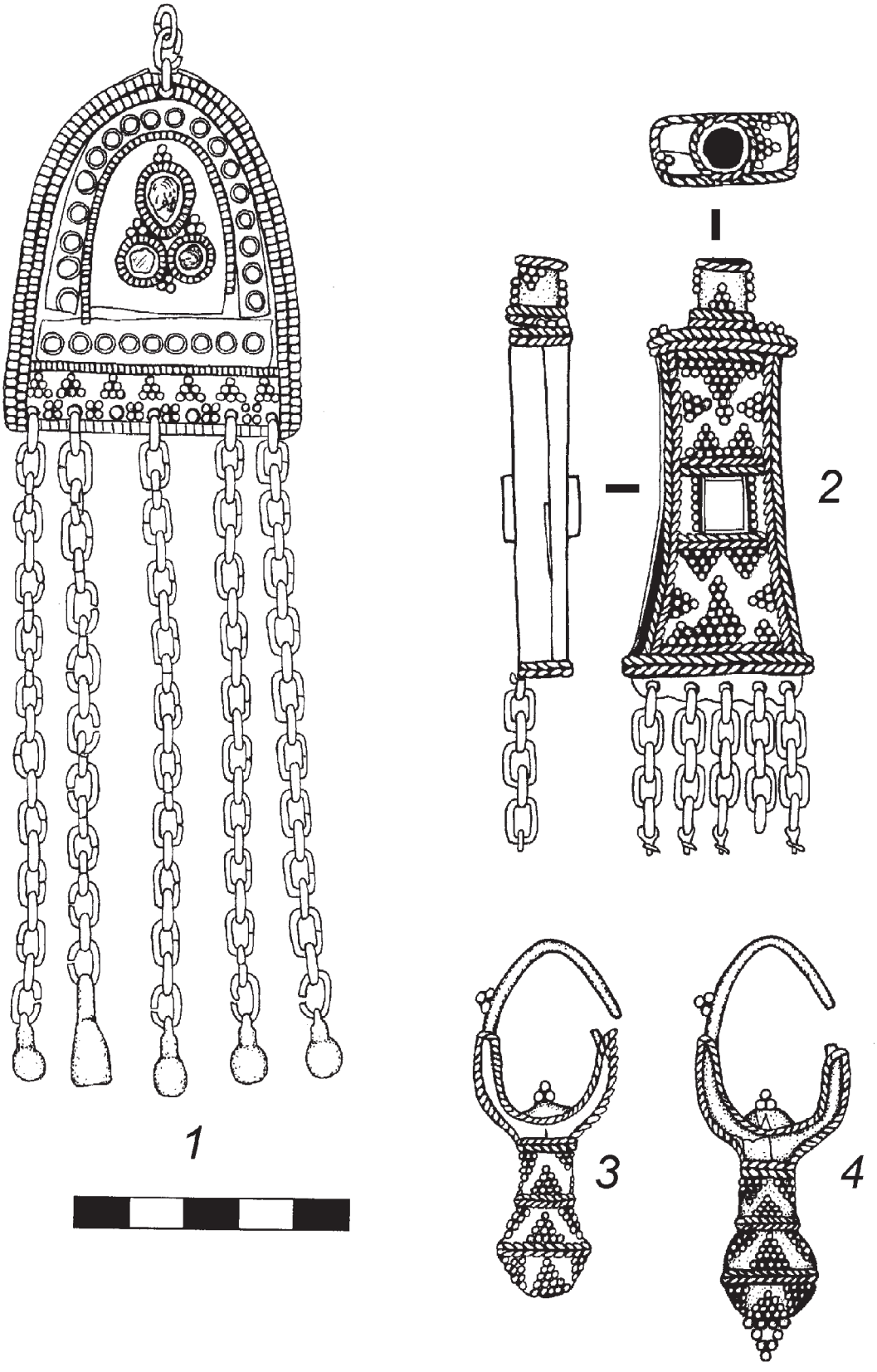


Рис. 1. Лёкмартовский клад. Вещевой инвентарь.

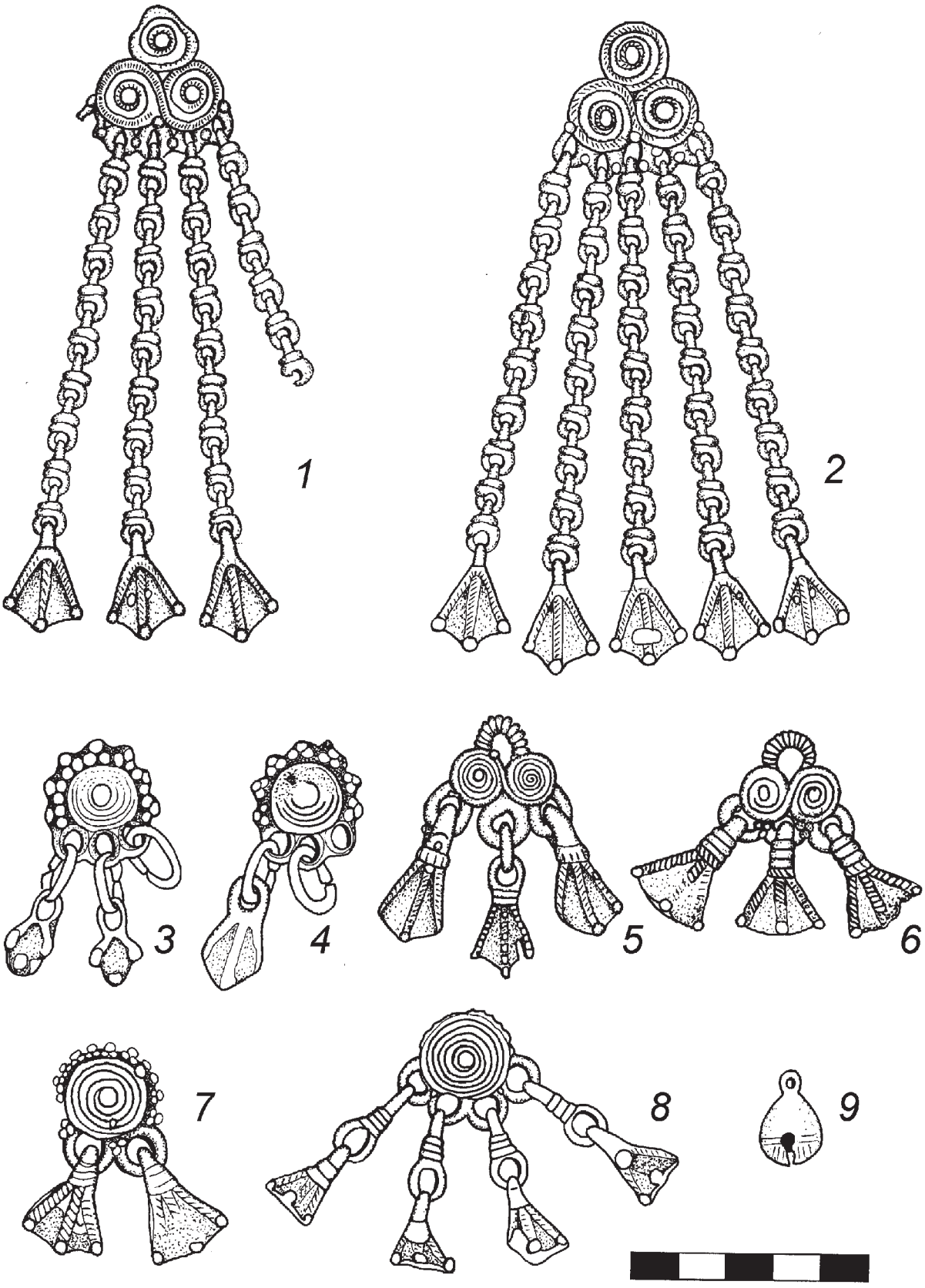


Рис. 2. Лёкмартовский клад. Вещевой инвентарь.

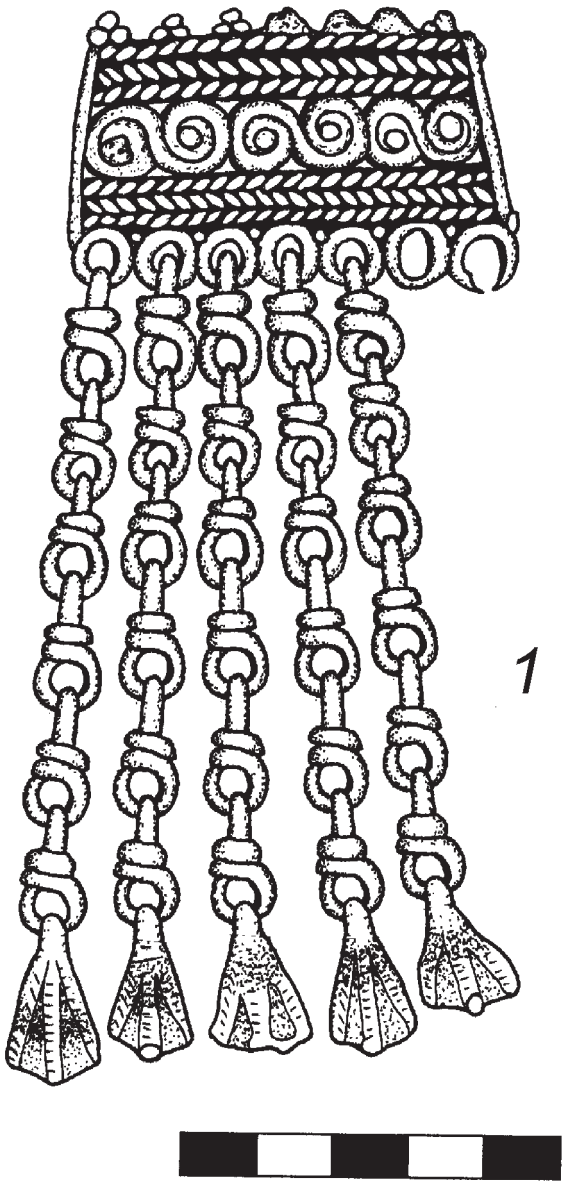


Рис. 3. Лёкмартовский клад. Вещевой инвентарь.

Вып. 18 2013

ХРИСТИАНСКИЕ ДРЕВНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРО-ВОСТОКА (ИЗ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ КОЛЛЕКЦИЙ ИЯЛИ КОМИ НЦ УрО РАН)*

М.В. Кленов

Обращение к теме истории становления христианства на северных землях Русского государства (и, в частности, на территории Европейского Северо-Востока) обусловлено, в первую очередь, недостаточной изученностью имеющейся источниковой базы и неудовлетворительностью предшествующих разработок данной тематики. В настоящее время в распоряжении исследователей отсутствует полная база источников, а интерпретация полученных материалов страдает от «неисторического взгляда» на развитие христианской культуры как лишенной своей внутренней динамики. Авторы немногочисленных работ, касающихся проблематики христианизации Руси, в основном придерживаются мнения о длительном характере процесса, который сравнительно поздно проявляет себя в археологических материалах (Седов, 1993), а имеющиеся немногочисленные своды предметов представляют собой, как правило, каталоги музейных коллекций (Гнутова, Зотова, 2000; Воробьева, 2001; Островский, Федоров, 2007). Предметы христианского культа, прежде всего нательные кресты, исследователи рассматривают вне связи с христианизацией, а отсутствие их в составе погребального инвентаря обычно трактуется как указание на то, что погребенные не были христианами (Макаров, 1991. С. 19). Не учитывается, как правило, тот факт, что находка предметов христианского культа свидетельствует о знакомстве обитателей региона в той или иной степени с христианской культурой и указывает на контакты с территорией, для которой данная культура характерна (Макаров, 1991; Мусин, 1997, 2000). Тем не менее в настоящее время имеется значительное количество публикаций, которые носят характер анализа определенных категорий предметов личного благочестия (далее – ПЛБ) отдельных регионов или археологических памятников (Алексеев, 1974; Винокурова, 1999; Дмитриевский, 2000; Антипина, 2003, 2004, 2006; Корзухина, Пескова, 2003; Колпакова, 2007; Колпакова, Костючук, 2010).

Предметом настоящего исследования являются ПЛБ XII–XVII вв. (нательные и наперсные кресты, нагрудные привески-иконки), найденные во время археологических раскопок на территории Европейского Северо-Востока (далее – ЕСВ). Привлечены археологические находки, про-

* Публикация подготовлена по программе фундаментальных исследований Президиума РАН «Традиции и инновации в истории и культуре», направление 1 «Преемственность и трансформации в развитии древних и средневековых обществ по археологическим и антропологическим данным», проект № 12-П-6-1002 «Формирование и развитие археологических культур эпохи железа на территории Европейского Северо-Востока: традиции и инновации».

исходящие как из закрытых (погребения), так и открытых комплексов (поселенческий культурный слой)*.

В настоящее время в составе археологических коллекций известно 18 предметов ПЛБ (без учета крестовидных и крестовключенных привесок – им будет посвящена отдельная работа). Все они получены в ходе исследований Петкойского могильника (XII в.), Жигановского поселения (XII–XIV? вв.), Пожегского (XII–XIV вв.), Чабровского (XV–XVII вв.), Карыбйывского (XII–XIII ? вв.) и Ибского (XVI в.) городищ. Большинство находок опубликовано в работах, посвященных результатам исследований археологических памятников (Савельева, Малышев, 1977; Савельева, 1988; Кленов, Савельева, 1997; Игушев, Кленов, Савельева, 2000; Кленов, 2007).

Все представленные предметы подразделяются на наперсные кресты, кресты-тельники, иконки-медальоны. По материалу выделяются изделия, изготовленные из металла (бронзы и серебра) и камня.

1. Нательные кресты. Нательный крест – носимый под одеждой атрибут христианства, непосредственно представляющий своей формой главный христианский символ. Из раскопок на территории ЕСВ происходит 14 металлических и каменных тельников, датируемых XII – XVII вв.

1.1. Каменные кресты-тельники (2 экз.)

1.1.1. Крест прямоконечный, круглый в сечении оконечностей, из камня темного (черного) цвета с четырьмя серебряными накладками – обоймицами (см. рис. – *1*). Происходит из раскопок Пожегского городища (XII–XIV вв.). Резьба, шлифовка, литье. Размеры изделия – 26 х 22 мм. Вертикальные оконечности креста длиннее горизонтальных. В верхней оконечности креста просверлено круглое отверстие для шнурка. Серебряные накладки украшены сканью и зернью в виде ромбов. В настоящее время из четырех накладок – обоймиц сохранились три.

Прямых аналогий данному предмету неизвестно. Кресты подобного типа найдены на средневековых памятниках Южной Руси, в Старой Рязани, на Смоленщине. Чаще всего подобные кресты находят в составе богатых кладов. Датируются подобные изделия временем между 70-ми гг. XII в. – 1240 г. (Корзухина, 1954. С. 27–32. Табл. X, V; Монгайт, 1974. С. 12. Рис. 5). Наиболее близкий аналог изделию – крест, найденный в Старой Рязани (Даркевич, Монгайт, 1978. Табл. XVI, *4*).

1.1.2. Крест тельный прямоконечный с простым средокрестием (рис. 2). Относится к изделиям «корсунского типа». Найден в ходе раскопок Пожегского городища (XII–XIV вв.) (см. рис. – *9*). Размеры – 21 х 16 мм., вес – 2,4 г. Изготовлен из опала**. Резьба, сверление, шлифовка. Лицевая и оборотная стороны гладкие, без декора. Вертикальные оконечности креста длиннее горизонтальных. В верхней оконечности креста просверлено круглое отверстие.

Простые каменные кресты, изготовленные из яшмы, сланца, розового и серого шифера, перламутра, малахита, янтаря и известняка, с отверстием для шнурка, были широко распространены по всей территории Древней Руси. В кладах Старой Рязани такие крестики встречены в оправе из серебра. Подобные кресты датируются XII – началом XIII в., но наиболее часто они встречаются среди древностей XII в. (Беленькая, 1976. С. 93; Седова, 1978. С. 117; Никольская, 1981. С. 239).

* Материалы получены в ходе археологических исследований, проводившихся экспедициями Коми НЦ УрО РАН и Сыктывкарского университета (Э.А. Савельева, М.В. Кленов) в бассейне Вычегды.

** Определение к.г-м.н. Л.А.Януловой. Институт геологии Коми НЦ УрО РАН.

1.2. Бронзовые кресты, имитирующие каменные образцы (2 экз.)

1.2.1. Четырехконечный объемного литья крест с прямыми профилированными цилиндрическими концами (см. рис. – *3*). Происходит из раскопок Пожегского городища (XII–XIV вв.). Размеры – 22 х 18 мм. Средокрестие представляет уплощенную квадратную выемку с простым рельефным крестом в центре. Завершение концов имитирует серебряные накладки – обоймицы прямоконечных каменных крестов.

Крест найден в постройке, относящейся к раннему периоду существования городища, что позволяет датировать его концом XII в. (Кленов, 1996. С. 15). Аналогичные кресты встречены в районе Кубенского озера, при раскопках мастерской второй половины XII – начала XIII в. селища Минино I и на селище Минино VI (Зайцева, 2008. С. 60. Рис. 41, *1–3*). Два креста, изготовленных в одной форме, найдены в Белоозере (Захаров, 2004. С. 106. Рис. 43, *11*). Близкий по стилю, но более примитивно выполненный крест известен из раскопок городища Слободка, датированного XII–XIII вв. (Никольская, 1987. Рис. 51, 8).

1.2.2. Маленький прямоугольноконечный литой односторонний крест (см. рис. – *17*). Обнаружен во время раскопок Ибского городища. Письменные и археологические источники позволяют датировать памятник XVI в. (Игушев, Кленов, Савельева, 2000. С. 9). Размеры креста – 12 х 8 мм. По форме имитирует каменные кресты. На лицевой стороне помещено изображение восьмиконечного православного креста. В центре – изображение тернового венца или цаты. В верхней оконечности предмета просверлено круглое отверстие.

Изображения креста с терновым венцом («терновый крест») встречаются на иконе «Прославление Креста» XII в. (Лазарев, 1976. С. 11); на Старицком кресте-тельнике XIV в.; покровце «Голгофа» 1557 г.; на серебряном блюде XVI в. (Новодевичий монастырь, ил. 37). Точной аналогии данному изделию в литературе и материалах раскопок не встречено.

1.3. Бронзовые кресты-тельники с шаровидным завершением ветвей (2 экз.)

1.3.1. Бронзовый литой двусторонний четырехконечный крест с прямыми ветвями, округлыми утолщениями на концах (см. рис. – *5*). Найден в ходе раскопок Петкойского могильника (погр. 28). Размеры – 30 х 21 мм. Перед завершением концов имеются кольцевидные утолщения. Средокрестие уплощенное подквадратное, возможно, имеет изображение косого креста. Оглавие в виде уплощенной бусины.

Сходные как по форме, так и размерам кресты были встречены в Новгороде в слоях конца XI – середины XII в. Вероятнее всего, следует принять более позднюю дату его изготовления – середина XII в. Подобные кресты найдены также в новгородских курганах, Приладожье, Обонежье, Костромском Поволжье, Киеве. Некоторые исследователи предполагают, что основным центром их возникновения и распространения являлись земли Северо-Западной Руси (Беленькая, 1976. С. 88–89; Седова, 1981. С. 54).

1.3.2. Бронзовый литой двусторонний четырехконечный крест с прямыми ветвями, концами оформленными в виде пирамидки из трех шариков, рифленой поверхностью перекладин и цельнолитым ушком (см. рис. – *6*). Размеры – 22 х 19 мм. Происходит из раскопок Карыбйывского городища (XII–XIII ? вв.). По мнению М.В. Седовой, кресты данного типа в XII–XIII вв. имели широкое распространение на территории Древней Руси. Наиболее близкие аналогии данному изделию известны из раскопок в Новгороде в слоях начала XII – середины XIII в. (Седова, 1981.

С. 52. Рис. 17, *4*; Лесман, 1988. С. 66) и Нефедьевского могильника (погр. 36)(Макаров, 1997. Табл. 137,*1*).

1.4. Бронзовые кресты-тельники с прямоугольными концами (6 экз.)

1.4.1. Бронзовый четырехконечный литой крест, лопасти слегка расширяющиеся (2 экз.). Размеры – 38 х 27 мм. На лицевой стороне орнамент в виде четырехременной плетенки, края лопастей украшены одинарной рельефной рамкой, обратная сторона гладкая (см. рис. – *8*).

Обнаружены во время раскопок Пожегского (XII–XIV вв.) и Чабровского (XV–XVII вв.) городищ. Идентичные кресты найдены на территории Новгорода в слое начала – середины XV в. (Седова, 1981. С. 55. Рис. 16, *21*), в Нижегородской области (XIV – первая половина XV в.) (Кутасов, Селезнев, 2010. № 117).

1.4.2. Широколопастный четырехконечный крест с прямыми боковыми лопастями (нижняя лопасть обломана). Происходит из раскопок Чабровского городища XV–XVII вв. (Савельева, 1977; Игушев, Савельева, 2000. С. 172). Размеры сохранившейся части изделия – 26 х 31 мм (см. рис. – *12*). На лицевой стороне – рельефное изображение восьмиконечного Голгофского креста, слева и справа от креста изображения страстей Господне (Копье и Трость). Над крестом надпись **ЦРЬ СЛВЫ** (Царь Славы) в две строки, над основной перекладиной **IC XC**, под ней **СНЪ БЖЪ** (Сын Божий). На обратной стороне – текст молитвы. Крепление имитирует шарнирное.

Нательные кресты данного типа в XVIII – начале XX в. являлись массовой продукцией старообрядческих меднолитейных мастерских. В номенклатуре изделий старообрядцев получили название «крест мужской». На оборотной стороне крестов обычно воспроизведен текст псалма 67 «Да воскреснет Бог» (Куколевская, 1993. С. 91–92; Станюкович и др., 2003).

1.4.3. Четырехконечный крест с прямыми боковыми и килевидной нижней лопастью. Размеры – 24 х 14 мм (см. рис. – *15*). На лицевой стороне изделия помещено изображение шестиконечного креста. Внизу схематическое изображение голгофы. На боковых лопастях, слева и справа расположены литеры **И** и **Х**. Изображения на верхней и нижней лопастях не читаются. Края лопастей украшены одинарной рельефной рамкой. Обратная сторона гладкая.

Происходит из раскопок Чабровского городища XV–XVII вв. (Савельева, Малышев, 1977; Игушев, Савельева, 2000. С. 172). Кресты данного типа известны с первой половины XV в. (Кутасов, Селезнев, 2010. С. 260, 261).

1.4.4. Четырехконечный крест с прямыми боковыми и килевидной нижней лопастью (см. рис. – *10*). Изделие найдено во время раскопок Ибского городища XVI в. (Игушев, Кленов, Савельева, 2000. С. 9). Размеры – 36 х 23 мм. Крест односторонний. На лицевой стороне – рельефное изображение Распятия. Тело Христа почти прямое, голова в нимбе склонена к правому плечу, крест, на котором распят Христос, не читается. Над головой Христа – изображение Саваофа.

Крест по манере передачи фигуры Христа очень схож с наперсным крестом, найденным на этом же памятнике. Типологически близкое изделие обнаружено в Пскове во время раскопок Окольного города (датируется концом XV – началом XVI в.) (Сергина, 1983. Рис. 18). Аналогичные кресты известны также из раскопок в г. Москве, где датируются второй половиной XV–XVI в. (Станюкович и др., 2003. С. 38).

1.4.5. Фрагмент четырехконечного креста с прямыми боковыми лопастями (см. рис. – *16*). Происходит из раскопок Чабровского городища (XV–XVII вв.) (Савельева, 1977; Игушев, Саве-

льева, 2000. С. 172). Размеры сохранившегося фрагмента – 13 х 18 мм. В средокрестии рельефное изображение контурного креста с расширением на лопастях, справа и слева от него литеры **І** и **ХС.** Края лопастей украшены одинарной рельефной рамкой.

Предположительно относится к типу четырехконечных крестов с прямыми боковыми и килевидной нижней лопастями. Кресты данного типа известны с первой половины XV в. (Кутасов, Селезнев, 2010. С. 260, 261). Точной аналогии данному изделию в литературе и материалах раскопок не встречено.

1.5. Бронзовые четырехконечные ажурные кресты (1 экз.)

1.5.1. Четырехконечный крест с прямыми концами и лучистым венцом вокруг средокрестия (лучи имеют вид валютообразных завитков с шариками) (см. рис. – *11*). Происходит из раскопок Чабровского городища XV–XVII вв. (Савельева, Малышев. 1977; Игушев, Савельева, 2000. С. 172). Размеры – 40 х 28 мм. В центре помещено изображение восьмиконечного Голгофского креста и неразборчивая надпись (текст молитвы?). На обратной стороне в центральной части – ромб и растительный орнамент с розетками на нижней перекладине изделия.

По классификации Э.П. Винокуровой, изделие относится к типу I нательных крестов XVII–XIX вв. (Винокурова, 1999. Рис. 12). Данный тип крестов сформировался во второй половине XVII в. (встречается на Дальнем Востоке – Албазинский острог) и широко бытовал на территории России вплоть до XX в. (Артемьев, 1999. Рис.72, *3*; 76; Станюкович, 2000. С. 11).

1.6. Серебряные кресты-тельники (1 экз.)

1.6.1. Серебряный с позолотой четырехконечный с прямыми боковыми и килевидной нижней лопастью крест (см. рис. – *9*). Происходит из раскопок с Пожегского городища XII–XIV вв. (Савельева, Кленов, 1992). Размеры креста, предположительно, – 33 х 10 мм (вещь утеряна). На лицевой стороне, в центре, плохочитаемое изображение креста с треугольными лопастями и основанием в виде «плетенки». В центральной части изображения – простой крест. На концах боковых лопастей четырехконечные розетки (косой крест?), на килевидной лопасти изображение простого креста.

Точной аналогии данному изделию в литературе и материалах раскопок не встречено. Близкие по форме и орнаментации кресты происходят из раскопок селища первой половины XV в. у с. Лужки (Серпуховский район, Московская область) (Кутасов, Селезнев, 2010. С. 10. Рис. 8, *2*).

2. Крест наперсный – носимый на груди («на персях»), поверх одежды, символ спасения и искупления рода человеческого, знамение победы над смертью и адом, показывает, что вся деятельность человека в миру совершается под знаменем креста и является служением Христу. Носился как священнослужителями, так и мирянами. До XVIII в. в Русской Церкви только епископы имели право носить наперсные кресты. Начиная с XVII в. наперсный крест также становится элементом праздничного костюма (Федоров, 2000. С. 18, 19).

2.1. Кресты наперсные бронзовые четырехконечные (2 экз.)

2.1.1. Крест наперсный. Распятие с Предстоящими. Троица Ветхозаветная. Избранные святые. Размеры креста – 100 х 53 мм (см. рис. – *13*). Найден при раскопках Ибского городища XVI в. (Игушев, Кленов, Савельева, 2000. С. 9). Крест наперсный четырехконечный односторонний с расширениями на концах древа и килевидным завершением нижней оконечности. На лицевой стороне – рельефное Распятие. Голова Христа лежит на правом плече. Тело Христа изогнуто, на

чреслах повязка. Над головой Христа – фрагментарные изображения слетающихся ангелов. Под кистями рук Христа – парные поясные фигуры предстоящих в трех четвертном повороте к центру: справа Богоматери и жены-мироносицы, слева – Иоанна Богослова и Лонгина Сотника. На концах поперечной балки – ростовые фигуры апостолов Петра и Павла. В расширении верхней оконечности – Троица Ветхозаветная, а в расширении нижней – три ростовые фигуры святителей под неразборчивыми надписями. На неподвижном бочонковидном оглавии, соединенном с верхней лопастью ложным шарниром, – изображение Нерукотворенного образа Спаса.

Аналогичный крест, датируемый концом XV – XVI в., происходит из г. Серпухова (Московская область), из коллекции Уварова (Уваров, 1908. Рис. 147). Типологически близкий наперсный крест известен в собрании ЦмиАР (найден в Новгороде), датируется XVI в. (Гнутова, Зотова, 2000. № 23).

2.1.2. Крест двусторонний с цельнолитым ушком (см. рис. – *14*). Происходит из раскопок Жигановского поселения. Вещь утеряна. Размеры креста примерные – 100 х 70 мм. На концах поперечной перекладины фестончатые выступы – лопасти. В углах между перекладинами – завитки – волюты с шариком зерни на среднем конце. Нижняя часть креста декорирована «когтевыми» выступами (по две с каждой стороны) с разнонаправленными концами; а также круглыми розетками. В круглой розетке средокрестия, по краям креста и на лопастях поперечной перекладины – текст молитвы кресту, выполненный выпуклыми буквами вязью, причем, вероятно, изображение букв зеркальное. На незакрытых текстом гладких поверхностях – парные мотивы растительного орнамента в пятиугольных розетках.

Точной аналогии данному изделию в литературе и материалах раскопок не встречено. Предположительно может датироваться XVII–XVIII вв.

3. Иконки-медальоны (2 экз.).

Встречаются реже, чем кресты. По мнению некоторых исследователей, иконка являлась дополнительным ПЛБ, второстепенным по отношению к кресту. Ношение иконки не заменяло ношения креста, а только дополняло его. Могло быть связано со стремлением направить обращение христианина к высшим силам «более адресно». Вероятно, в отличие от креста, иконка могла носиться в определенные «пограничные» моменты жизни, связанные с угрозой жизни или здоровью. В обычное время эти изделия находились в составе домашних иконостасов или с другими семейными ценностями и реликвиями (Колпакова, 2007. С. 15).

3.1. Бронзовая круглая подвеска-медальон, украшенная по периметру имитацией зерни с цельнолитым прямоугольным ушком (см. рис. – *6*). Происходит из раскопок с Пожегского городища XII–XIV вв. (Савельева, Кленов, 1992). Диаметр изделия – 18 мм. На обратной стороне подвески находится гнездо для стеклянной вставки и обломок серебряной пластины с антропоморфным изображением.

Точной аналогии данному изделию в литературе и материалах раскопок не обнаружено. Близкие по типу подвески встречаются среди новгородских древностей конца XI – начала XIII в. Изображенное на пластине существо по стилю близко к изображениям фигур новгородской Софии или архангелов на новгородских иконках-привесках XIII в. (Седова, 1981. Рис. 20, *12*).

3.2. Иконка-привеска круглой формы (см. рис. – *7*). Найдена во время раскопок Жигановского поселения XII–XIII вв. (Савельева, Кленов, Зеленский, 1993). Диаметр изделия – 22 мм. На

лицевой стороне – рельефное поясное изображение Богоматери Одигитрии вправо с младенцем Христом на левой руке. Головы окружены нимбами. Слева от Богоматери в поле иконки нечитаемые монограммы (оборонные монограммы?). Композиция заключена в рамку из двух круглых ободков, пространство между которыми орнаментировано поперечными рубчиками. Обратная сторона гладкая. Происхождение образков с Богородицей обычно связывается с Владимиро-Суздальским княжеством, где в середине – во второй половине XII в. складывается культ Богоматери и возводится Владимирский собор Успения Богородицы, ставший центром религиозной жизни княжества. При соборе, вероятно, существовали ремесленные мастерские, где изготавливались образки с изображением Успения и Богоматери Одигитрии (Седова, 1978. С. 121).

Иконка с Жигановского поселения имеет, вероятно, более позднее происхождение, так как по стилю и некоторым деталям она близка к иконке с изображением Богоматери Одигитрии итальянской работы, найденной в Новгороде в слое середины XIII в. (Хорошев, 1978. С. 188. Рис. 8). В литературе известно несколько аналогичных изделий: иконка XII–XIII вв. с неизвестным местом находки (Древняя Русь, 1997. Табл. 103, *45*), иконки из собрания Б.И. и В.Н. Ханенко (1899. Табл. VI, 78), из собрания Одесского музея нумизматики (Алексеев, Лобода, 2005. Кат. № 160); иконки из Ивановской области и Киевской области Украины (Нечитайло, 2000. № 595; Коршун, 2008. С. 61. Табл. 20, *2*), иконка из Нижегородской области (Вачский район, берег Оки) (http://domongol.org).

Подводя итоги данной работе, следует отметить, что на сегодняшний день в фондах Музея археологии ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН находится 18 предметов христианского культа (крестов и иконок) из археологических раскопок с территории РК и Архангельской области. Наиболее ранние находки, датируемые XII–XIII вв. (семь экземпляров), происходят из раскопок Пожгского и Карыбйывского городищ, Жигановского поселения и Петкойского могильника. Комплекс христианских ПЛБ, сопровождавших жителей ЕСВ в данное время, достаточно разнообразен и включает различные типы нательных крестов и подвесок с христианской атрибутикой. Распространяются общерусские типы нательных крестов и иконок, изготовленных русскими ювелирами (среди них встречаются «статусные» предметы – «корсунчики» из драгоценного камня или с серебряными обоймицами). Распространение первых ПЛБ, очевидно, было связано с представителями военно-торговых слоев населения, обитателями крупных поселений (в первую очередь Пожгского городища), основанных выходцами с территории Руси.

Следующий этап, датируемый второй половиной XIV – XVII вв., характеризуют 11 предметов, происходящих, в основном, с Ыбского и Чабровского городищ. В этот период уже не встречаются каменные кресты и иконки-медальоны. Изделия из драгоценных металлов представлены единственным серебряным крестом с Пожгского городища. Наблюдается унификация изделий. В численном отношении преобладают четырехконечные килевидные кресты с прямоугольными лопостями и голгофским крестом, «ажурные» кресты с лучистым венцом вокруг средокрестия. Появляется новая категория предметов – наперстные кресты. Все эти факты, бесспорно, указывают на укрепление православия в среде населения ЕСВ.

Таким образом, представленные в работе артефакты позволяют говорить о распространении христианства на ЕСВ именно как историческом процессе, проходящем в своем развитии несколько стадий – начиная с первого знакомства с идеями христианства к формированию церковной организации и становлению православия.

Литература

Алексеев Л.В. Мелкое художественное литье из некоторых западнорусских земель (кресты и иконки Белоруссии) // СА. 1974. № 3. С. 204–219.

Алексеев В.П., Лобода П.Г. Каталог собрания / Одесский музей нумизматики. Т. 4: Мелкая пластика Киевской Руси X–XIII вв. Одесса: Полис, 2005. 104 с.

Антипина Д.О. Коллекция крестов В. М. Ахунова // Художественный образ и педагогический процесс. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И.Герцена, 2003. С. 61–66.

Антипина Д.О. Типологический подход в ставрографии // Художественное образование. Содержание и методы обучения. СПб.: Ризограф «НОУ Экспресс», 2004. С. 101–112.

Антипина Д.О. Кресты: датировка и атрибуция // Антиквариат, предметы искусства и коллекционирования. Октябрь 2004. № 10(21). С. 88–93. //www.antik.ru

Артемьев А.Р. Города и остроги Забайкалья и Приамурья во второй половине XVII–XVIII вв. Владивосток, 1999. 336 с.

Археология. Древняя Русь. Быт и культура. М.: Наука, 1997. 368 с.

Беленькая Д.А. Кресты и иконки из курганов Подмосковья // СА. 1976. № 4. С. 89–99.

Беленькая Д.А. Медная пластика городов Московской Руси (XIII–XV вв.) // КСИА. М.: Наука, 1993. Вып. 208. С. 11–19.

Винокурова Э. П. Металлические литые кресты тельники XVII века // Культура Средневековой Москвы. М., 1999. С. 326–360.

Воробьева Т.Ю. Коллекция нательных металлических крестов из фондов Ивановского историко-краеведческого музея // Художественный металл России. М.: Изд-во РГГУ, 2001. С. 294–299.

Гнутова С.В., Зотова Е.Я. Кресты, иконы, складни. Медное художественное литье XI – №4 начала XX века. Из собрания центрального музея древнерусской культуры и искусства имени Андрея Рублева. Альбом. М., 2000. 127 с.

Даркевич В.П., Монгайт А.Л. Клад из Старой Рязани. М.: Наука, 1978. 38 с.

Дмитриевский С.М. Коллекция нательных крестов из Старопечерского некрополя // Нижегородские исследования в музеях. Нижний Новгород, 2000. С. 73–86.

Захаров С.В. Древнерусский город Белоозеро. М., 2004.

Зайцева И.Е. Изделия из цветных металлов и серебра // Археология северорусской деревни X–XIII веков: средневековые поселения и могильники на Кубенском озере. М.: Наука, 2008. Т. 2: Материальная культура и хронология. С. 57–141.

Игушев А.Р., Савельева Э.А. Средневековые городища в бассейне р. Виледи // Коренные этносы Севера Европейской части России на пороге нового тысячелетия: история, современность, перспективы. Сыктывкар, 2000. С. 169–173.

Игушев А.Р., Кленов М.В., Савельева Э.А. Осадные городки XV–XVII вв. на территории Коми края. Сыктывкар, 2000. 28 с. (Науч. докл. / Коми НЦ УрО РАН. Вып. 423).

Кайль В.А., Нечитайло В.В. Каталог христианских нательных крестов, привесок и накладок с изображением креста периода Киевской Руси X– XIII вв. Луганск, 2006. 190 с.

Кленов М.В. Предметы христианского культа в перми вычегодской // Родники пармы. Сыктывкар, 1996. Вып. IV. С. 13–17.

Кленов М.В. Средневековые поселения Европейского Северо-Востока. Новые материалы раскопок // Пермские финны: археологические культуры и этносы: Материалы I Всероссийской научной конференции. Сыктывкар, 2007. С. 145–152.

Klenov M. Pohjois-Venäjän kristillistäminen. Komista löydetyn arkeologisen aineiston valossa // Aamun koitto. 1996. Nro 12. C. 22–23.

Колпакова Ю.В. Христианские древности населения Пскова и Псковской земли конца X – XVIII вв.: предметы личного благочестия: Дис. … канд. истор. наук: 07.00.06. Псков, 2006. 260 с. // http:www.dissercat.com/content/khristianskie-drevnosti-naseleniya-pskova-i-pskovskoi-zemli-kontsa-x-xviii-vv-predmety-lichn

Колпакова Ю.В. Предметы христианского культа в археологической коллекции Псковского музея-заповедника // Археология и история Пскова и Псковской земли: Тезисы ежегодной научно-практической конференции. Псков, 2012 // arheologi.livejournal.com.

Колпакова Ю.В. Нательные кресты с голгофской тематикой в фондах Псковского музея-заповедника // arheologi.livejournal.com.

Колпакова Ю.В., Костючук Л.Я. Изучение нательных крестов XIV–XVIII веков как памятника письменности: состояние проблемы и перспективы // Проблемы филологии и методики преподавания языков на рубеже веков: Межвузовский сборник научно-методических статей. Псков: ПГПУ, 2010. Вып. 10. С. 98–106.

Корзухина Г.Ф. Русские клады. М.; Л., 1954. 158 с.

Корзухина Г.Ф., Пескова А. А. Энколпионы X–XIII вв. Нагрудные кресты-реликварии. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2003. 432 с.

Коршун В.Е. Родная старина. Обретая утраченное. М., 2008. 112 с.

Коршун В.Е. Отражение событий второй половины 16 – первой половины 18 в. в иконографии русских нательных крестов // Родная старина. 2009. № 1. С. 24–29.

Куколевская О.С. Медное художественное литье Красносельской волости Костромской губернии конца XIX – первой четверти XX. История и традиции // Русское медное литье. 1993. Вып. 1. С. 71–75.

Кутасов С.Н., Селезнев А.Б. Нательные кресты, крестовключенные и крестовидные подвески. М.: Группа «ИскателИ», 2010. 320 с.

Лазарев В.Н. Новгородская иконопись. М., 1976.

Лесман Ю.М. Хронология ювелирных изделий Новгорода // Материалы по археологии Новгорода 1988. М., 1990. С. 29–98.

Макаров Н.А. К оценке христианизации древнерусской деревни в XI–XIII вв. (Погребения с крестами и образками в могильниках Белозерья и Каргополья) // Славяно-русские древности. М.: Наука, 1991. 135 с. (КСИА. Вып. 205).

Макаров Н.А. Колонизация северных окраин Древней Руси в XI–XIII веках. По материалам памятников на волоках Белозерья и Поонежья. М.: «Скрипторий», 1997. 386 с.

Макаров Н.А., Захаров С.Д., Бужилова А.П. Средневековое расселение на Белом озере. М.: Языки русской культуры, 2001. 496 с.

Монгайт А.Л. Старая Рязань. М., 1955.

Монгайт А.Л. Работы Рязанской археологической экспедиции в 1966–1970 гг. // Археология Рязанской земли. М., 1974. С. 5–18.

Мусин А.Е. Становление православия в Карелии (XII–XVI вв.) // «Рябининские чтения». Петрозаводск, 1997. – http://www.k2000.ru.

Мусин А.Е. О распространении Христианства в Древней Руси IX–XIV вв. на основе данных археологии и письменных источников // Исторический вестник. 2000. № 6. – http://www.sedmitza.ru/text/443949.html

Мусин А.Е. Христианские древности средневековой Руси IX–XIII вв. (по материалам погребальных памятников на территории Новгородской земли): Автореф. дис… канд. ист. наук. СПб., 1997. 29 с.

Нечитайло В. В. Каталог християнських нагрудних виробів мистецтва періоду Київської Русі (X – перша половина XIII ст.). Киев, 2000.

Никольская Т.Н. Земля вятичей. К истории населения бассейна верхней и средней Оки в IX–XIII вв. М.: Наука, 1981. 296 с.

Никольская Т.Н. Городище Слободка XII–XIII вв. К истории древнерусского градостроения в Земле вятичей. М.: Наука, 1987. 184 с.

Овсянников Ю.М. Новодевичий монастырь. М., 1968. 156 с.

Островский А.Б. Православные нагрудные кресты: символика и пластика // Традиционные верования в современной культуре этносов. СПб., 1993.

Островский А.Б. Православные нагрудные кресты (зримые черты символов) // Кунсткамера. Этнографические тетради. СПб., 1995. Вып. 8–9. С. 54–74.

Островский А.Б., Федоров Ю.А. Русский православный крест в собрании Российского этнографического музея. СПб.: Арт-Палас, 2007. 348 с.

Полубояринова М.Д. Русские люди в Золотой Орде. М., 1978.

Русское медное литье. М.: Сол Систем, 1993. Вып. I. 192 с.

Русское медное литье. М.: Сол Систем, 1993. Вып. II. 200 с.

Савельева Э.А. Петкойский могильник // Памятники эпохи камня и металла Северного Приуралья. Сыктывкар, 1988. С. 101–121. (МАЕСВ. Вып. 11).

Савельева Э.А., Малышев Н.П. Чабровское городище // Археологические памятники Печоры, Северной Двины и Мезени. Сыктывкар, 1977. С. 68–80. (МАЕСВ. Вып. 6).

Савельева Э.А., Кленов М.В., Зеленский В.С. Жигановское поселение // Взаимодействие культур Северного Приуралья в древности и средневековье. Сыктывкар, 1993. С. 128–139. (МАЕСВ. Вып. 12).

Савельева Э.А., Кленов М.В. Пожегское городище. Сыктывкар, 1992. 36 с. (Науч. докл. / Коми НЦ УрО РАН. Вып. 278).

Савельева Э.А., Кленов М.В. Древнерусская колонизация Европейского Северо-Востока (XI–XIV вв. н. э.) // Археология Республики Коми. М., 1997. С. 651–691.

Седова М.В. Ярополч Залесский. М.: Наука, 1978. 158 с.

Седова М.В. Ювелирные изделия древнего Новгорода. М., 1981.

Сергина Т.В. Раскопки в Окольном городе в 1978–1979 гг. // Археологическое изучение Пскова. М.: Наука, 1983. С. 81–104.

Станюкович А.К. Произведения русской средневековой металлопластики из округи Звенигорода (новые открытия) // Вестник клуба «Раритет». 2000. № 1.

Станюкович А.К., Осипов И.Н., Соловьев Н.М. Тысячелетие креста. Произведения русской христианской металлопластики X–XX вв. из частных собраний. М., 2003. 62 с.

Федоров Ю.А. Образ Креста: история и символика православных нагрудных крестов. СПб.: Иван Федоров, 2000. 112 с.

Ханенко Б.И., Ханенко В.Н. Древности Русские. Кресты и образки. Киев, 1899. Вып. 1.

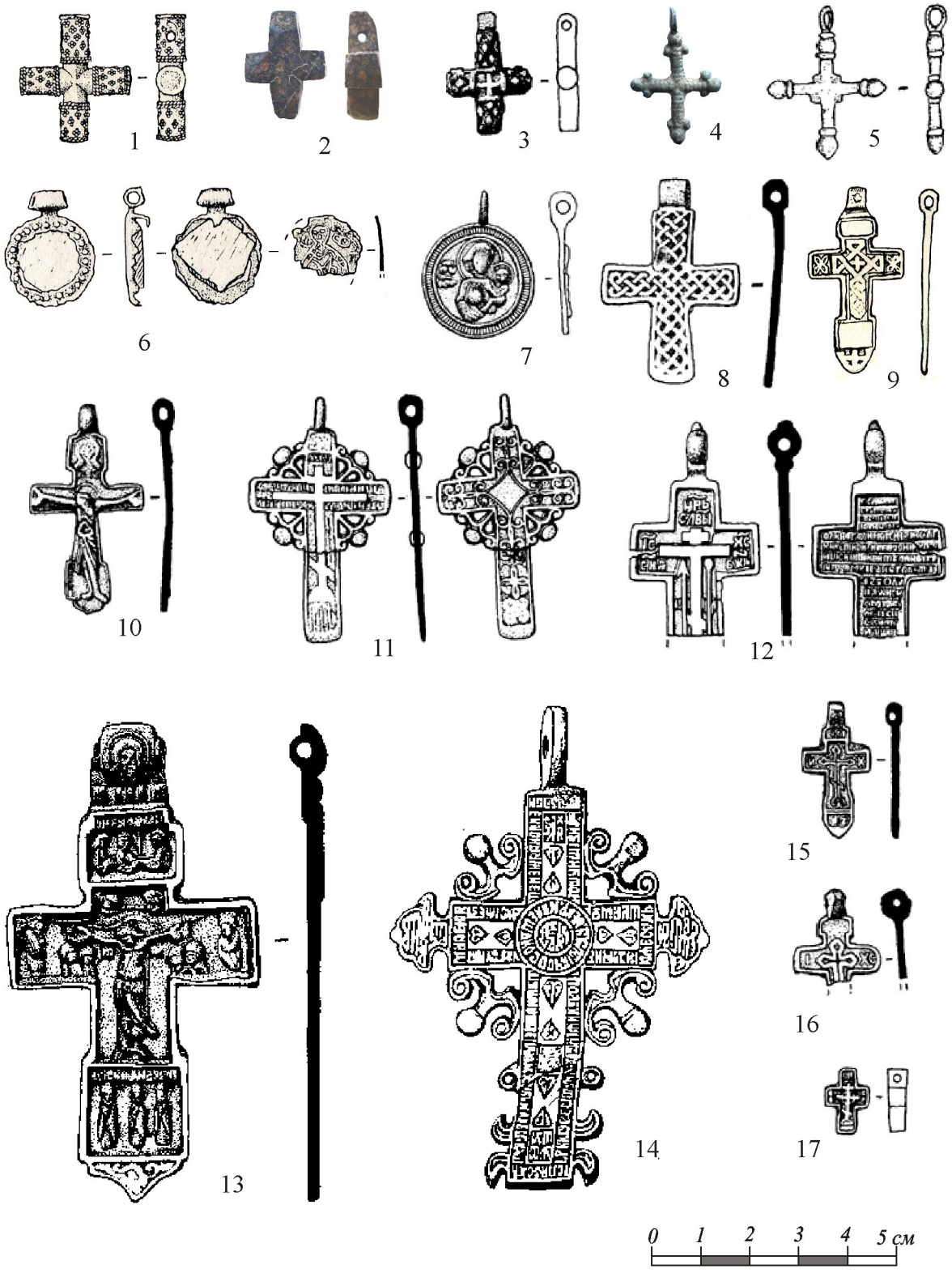
Ханенко Б.И., Ханенко В.Н. Древности Русские. Кресты и образки. Киев, 1900. Вып. 2.

Хорошев А.С. Раскопы южной части Плотницкого конца // Археологическое изучение Новгорода. М.: Наука, 1978. С. 174–196.

Чернов С.З. Разведки в бассейне р. Вори // Археологические открытия 1980. М.: Наука, 1981. С. 89.

Чеснокова Н.Н. Источники к истории формирования этноконфессиональных групп Припечорья // Христианизация Коми края и ее роль в развитии государственности и культуры. Сыктывкар, 1996. Т. I. С. 297–314.

Уваров А.С. Каталог собрания древностей. Отд.VIII–IX. М., 1908. 219 с.



Предметы личного благочестия.
1–3, 6, 9 – Пожегское городище; 4 – Карыбйывское городище; 5 – Петкойский могильник; 7, 14 – Жигановское поселение; 8 – Пожегское городище, Чабровское городище; 10, 13, 17 – Ибское городище; 11, 12, 15, 16 – Чабровское городище. 1 – камень, серебро; 2 – камень; 3–5, 7, 8, 10–17 – бронза; 9 – серебро.

Список сокращений

Архив ИА РАН – Архив Института археологии РАН

АЭБ – Археология и этнография Башкирии

БИЧП – Бюллетень изучения четвертичного периода

ВАУ – Вопросы археологии Урала

Зап. Географич. об-ва СССР – Записки Географического общества СССР

ИииА УрО РАН – Институт истории и археологии УрО РАН

ИКФВГО – Известия Коми филиала Всесоюзного географического общества

ИЯЛИ Коми ФАН СССР – Институт языка, литературы и истории Коми филиала АН СССР

Коми НЦ УрО РАН – Коми научный центр УрО РАН

КСИА – Краткие сообщения Института археологии

МАЕСВ – Материалы по археологии Европейского Северо-Востока

МАР – Материалы археологии России

МИА – Материалы и исследования по археологии СССР

ПГГПУ – Пермский государственный гуманитарный педагогический университет

ПГПУ – Псковский государственный педагогический университет

ПФ ИииА УрО РАН – Пермский филиал Института истории и археологии УрО РАН

РА – Российская археология

РГГУ – Российский государственный гуманитарный университет

РГПУ им. А.И. Герцена – Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена

СА – Советская археология

САИ – Свод археологических источников

СЭ – Советская этнография

Труды ИЯЛИ – Труды Института языка, литературы и истории

ТСА РАНИОН – Труды секции археологии Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук

УАС – Уральское археологическое совещание

УИИЯЛ УрО РАН – Удмуртский Институт истории, языка, литературы УрО РАН

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 3
Савельева Э.А. Этнокультурные связи населения Европейского Северо-Востока в древности и средневековье 8
Волокитин А.В. О так называемых культурных связях в мезолите Европейского Северо-Востока....21
Карманов В.Н. Культурные связи населения Европейского Северо-Востока в неолите? 41
Васкул И.О. Этнокультурные связи населения Европейского Северо-Востока в ананьинское время 58
Мурыгин А.М. Некоторые вопросы взаимодействия населения на крайнем северо-востоке Европы в середине I тысячелетия н.э. и их роль в формировании культур эпохи раннего средневековья 84
Белавин А.М. Крыласова Н.Б. О финском компоненте в древностях Пермского Предуралья X–XI веков....99
Голдина Р.Д. О некоторых проблемах средневековой археологии пермян Приуралья 106
Иванова М.Г. Средневековые памятники бассейна реки Чепцы: основные итоги и перспективы исследований 120
Завьялов В.И. Инновации в кузнечном ремесле перми вычегодской: к проблеме трехслойного пакета 128
Головчанский Г.П., Мельничук А.Ф., Скорнякова С.В. Лёкмартовский клад средневековых изделий в северном Прикамье 133
Кленов М.В. Христианские древности населения Европейского Северо-Востока (из археологических коллекций ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН) 144
Список сокращений 156

УДК 902 (470.13)

Савельева Э.А. Этнокультурные связи населения Европейского Северо-Востока в древности и средневековье // Культурные связи населения Европейского Северо-Востока в древности и средневековье. Сыктывкар, 2013. С. 8–20. (МАЕСВ. Вып. 18).

На основе подробного историографического анализа различных исследовательских концепций рассматривается роль этнокультурных связей в формировании и развитии культуры населения Европейского Северо-Востока в различные хронологические периоды от эпохи палеолита до эпохи средневековья.

УДК 902 (470.13)

Волокитин А.В. О так называемых культурных связях в мезолите Европейского Северо-Востока // Культурные связи населения Европейского Северо-Востока в древности и средневековье. Сыктывкар, 2013. С. 21–40. (МАЕСВ. Вып. 18).

На основе изучения всего корпуса источников по эпохе мезолита на территории Европейского Севро-Востока, сравнения имеющихся материалов с данными из раскопок мезолитических памятников лесной полосы Восточной Европы делается вывод о том, что в мезолитический период шло освоение региона небольшими мобильными коллективами.

УДК 902 (470.13)

Карманов В.Н. Культурные связи населения Европейского Северо-Востока в неолите? // Культурные связи населения Европейского Северо-Востока в древности и средневековье. Сыктывкар, 2013. С. 41–57. (МАЕСВ. Вып. 18).

Анализ имеющихся данных приводит автора к выводу о кратковременной жизнедеятельности населения на известных стоянках Европейского Северо-Востока. На всем протяжении эпохи неолита они носят кратковременный промысловый характер. Изучаемый регион рассматривается как территория природопользования носителей конкретных археологических культур на конкретном этапе их развития, основной ареал которых шире изучаемой территории.

УДК 902 (470.13)

Васкул И.О. Этнокультурные связи населения Европейского Северо-Востока в ананьинское время // Культурные связи населения Европейского Северо-Востока в древности и средневековье. Сыктывкар, 2013. С. 58–83. (МАЕСВ. Вып. 18).

Исследуются этнокультурные контакты населения региона в IX/VIII – III вв. до н.э. На основе анализа имеющихся материалов делается вывод о том, что определяющими в генезисе и развитии культур Европейского Северо-Востока были связи с культурами ананьинской культурно-исторической области Волго-Камья. В то же время своеобразие культурам ЕСВ придавало постоянное взаимодействие с носителями археологических культур Зауралья и Западной Сибири.

УДК902 (470.13)

Мурыгин А.М. Некоторые вопросы взаимодействия населения на крайнем северо-востоке Европы в середине I тысячелетия н.э. и их роль в формировании культур эпохи раннего средневековья // Культурные связи населения Европейского Северо-Востока в древности и средневековье. Сыктывкар, 2013. С. 84–98. (МАЕСВ. Вып. 18).

В статье обосновывается тезис о формировании культурных типов середины I тысячелетия н.э. как процесса взаимодействия местного и пришлого населения, в ходе которого происходила трансформация местных культурных традиций.

УДК 902 (470.53)

Белавин А.М. Крыласова Н.Б. О финском компоненте в древностях Пермского Предуралья X–XI веков // Культурные связи населения Европейского Северо-Востока в древности и средневековье. Сыктывкар, 2013. С. 99–105. (МАЕСВ. Вып. 18).

В публикации рассматриваются вопросы этнической интерпретации средневековых древностей пермского Предуралья. Изучение керамических комплексов Огурдинского и Рождественского могильников позволило авторам говорить о наличии в составе населения Пермского Предуралья X–XI вв. финского компонента родственного перми вычегодской.

УДК 902 (470.53)

Голдина Р.Д. О некоторых проблемах средневековой археологии пермян Приуралья // Культурные связи населения Европейского Северо-Востока в древности и средневековье. Сыктывкар, 2013. С. 106–119. (МАЕСВ. Вып. 18).

Проводится критический анализ концепции об угорской этнической принадлежности археологических культур эпохи средневековья в Приуралье. На основе изучения керамических комплексов, украшений, данных погребального обряда обосновывается вывод о принадлежности средневековых древностей Европейского Северо-Востока, верхнего и среднего Прикамья пермянам.

УДК 902 (470.51)

Иванова М.Г. Средневековые памятники бассейна р. Чепцы: основные итоги и перспективы исследований // Культурные связи населения Европейского Северо-Востока в древности и средневековье. Сыктывкар, 2013. С. 120–127. (МАЕСВ. Вып. 18).

В публикации подводятся итоги комплексного изучения средневековых чепецких поселений и могильников, позволившего убедительно охарактеризовать заключительные этапы фрмирования удмуртского народа.

УДК 902 (470.13)

Завьялов В.И. Инновации в кузнечном ремесле перми вычегодской: к проблеме трёхслойного пакета // Культурные связи населения Европейского Северо-Востока в древности и средневековье. Сыктывкар, 2013. С. 128–132. (МАЕСВ. Вып. 18).

В публикации на основе результатов металлографического анализа кузнечных изделий памятников вымской археологической культуры делается вывод о консервативной модели кузнечного производства вычегодских пермян, при которой инновации консервировались в местной производственной среде и не получали дальнейшего развития.

УДК 902 (470.53)

Головчанский Г.П., Мельничук А.Ф., Скорнякова С.В. Лёкмартовский клад средневековых изделий в северном Прикамье // Культурные связи населения Европейского Северо-Востока в древности и средневековье. Сыктывкар, 2013. С. 133–143. (МАЕСВ. Вып. 18).

В научный оборот вводятся материалы Лёкмартовского клада металлических украшений эпохи средневековья в северном Прикамье. Обосновывается датировка клада X–XI вв. н.э.

УДК 902 (470.13)

Кленов М.В. Христианские древности населения Европейского Северо-Востока (из археологических коллекций ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН) // Культурные связи населения Европейского Северо-Востока в древности и средневековье. Сыктывкар, 2013. С. 144–155. (МАЕСВ. Вып. 18).

Публикуются предметы личного благочестия из раскопок средневековых памятников Европейского Северо-Востока. На основе анализа имеющихся данных делается вывод о двух этапах в распространении христианских древностей на территории региона.

Сведения об авторах

Белавин Андрей Михайлович – доктор исторических наук, профессор, проректор Пермского государственного университета по научной работе и международным связям.

Васкул Игорь Орестович – кандидат исторических наук, доцент, заместитель директора по научным вопросам Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН.

Волокитин Александр Васильевич – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела археологии Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН.

Голдина Римма Дмитриевна – доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой археологии и истории первобытного общества Удмуртского государственного университета.

Головчанский Григорий Петрович – кандидат исторических наук, доцент кафедры Древней и новой истории России Пермского государственного национального исследовательского университета.

Завъялов Владимир Игоревич – доктор исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии РАН.

Иванова Маргартиа Григорьевна – доктор исторических наук, профессор, ученый секретарь Удмуртского института истории, языка и литературы УрО РАН.

Карманов Виктор Николаевич – кандидат исторических наук, заведующий отделом археологии Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН.

Кленов Михаил Викторович – научный сотрудник отдела археологии Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН.

Крыласова Наталья Борисовна – доктор исторических наук, доцент кафедры Древней и средневековой истории России Пермского государственного педагогического университета, ведущий научный сотрудник Пермского филиала Института истории и археологии УрО РАН.

Мельничук Андрей Федорович – кандидат исторических наук, доцент кафедры Древней и новой истории России Пермского государственного национального исследовательского университета.

Мурыгин Александр Михайлович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела археологии Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН.

Савельева Элеонора Анатольевна – доктор исторических наук, доцент, главный научный сотрудник отдела археологии Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН.

Скорнякова Светлана Владимировна – Пермский государственный национальный исследовательский университет.

Научное издание

КУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ НАСЕЛЕНИЯ ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРО-ВОСТОКА В ДРЕВНОСТИ И СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

Рекомендовано к изданию ученым советом
Института языка, литературы и истории
Коми научного центра УрО РАН

Редактор О.А. Гросу
Художник В.Б. Осипов
Оригинал-макет – Н.К. Забоева

Лицензия № 0047 от 10.01.99.
Компьютерный набор. Подписано в печать 30.09.2013.
Формат 60 x 84 $^{1}/_{8}$. Бум. офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 20,5. Уч.-изд. л. 20,25. Тираж 300 экз. Заказ № 33.

Редакционно-издательский отдел Коми научного центра УрО РАН.
167982, ГСП-2, г. Сыктывкар, ул. Первомайская, 48.